

3 РУССКАЯ РЕЧЬ 1984

МАЙ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году
ИЮНЬ • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Е. В. Белая. Прозаические миниатюры А. С. Пушкина	3
И. А. Иванчук. Живая речь в письмах А. С. Пушкина	8
В. Ю. Проскурина. А. И. Тургенев и А. С. Пушкин (О языке и стиле «Хроники русского»)	13
А. А. Кожин. А. С. Пушкин о творчестве И. Л. Крылова	49
В. А. Плотникова. «Вот как надобно писать!» (О рассказах А. О. Ишимовой)	22
Н. Г. Михайловская. О военной сатире С. Я. Маршака	27
Р. Р. Чайковский. «Будьте высокими!»	34
В. А. Филатов. Фонетическая выразительность стихотворной речи	39
Э. А. Лаврова. Имя — образ (Антропонимы в романе Н. Шундика «Белый шамап»)	46

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. К. Граудина. Риторика российских академиков (Из истории русского красноречия)	52
Л. А. Лебедева. Новая жизнь старых слов (пива, жатва, страда)	58
Н. А. Волкова. Из истории произношения согласных	63

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ? 68

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ 57

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Л. И. Житенева. Ориентиры газетного номера	70
--	----

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Алексей Александрович Шахматов (1864—1920)	77
«Деятельная любовь». Воспоминания об А. А. Шахматове	82

СРЕДИ КНИГ

А. И. Горшков. Теоретические основы истории русского литературного языка	74
--	----

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

О. А. Цакунов. Свет нашей дружбы	87
--	----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

А. А. Турилов, А. В. Чернецов. Адресовано «книгчию» Ивана Грозного	92
Р. А. Симонов. Книги Ивана Грозного	100
Г. В. Судаков. Красна изба пирогами (Бытовой словарь древней Руси)	105

РУССКИЕ ГОВОРЫ

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Здесь все наносится на карту	111
А. Ф. Журавлев. Этнография в прозвищах	116

НА КАРТЕ РОДИНЫ

М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Господин Великий Новгород (окончание)	124
---	-----

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

В. М. Мокиенко. От печки до лавочки	130
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. И. Фадеев. Этимологические дублеты: гиацинт — яхонт	135
Е. П. Ходакова. Доморощенный	138
Л. Б. Савенкова. Забубенная голова	141
В. В. Цоффка. <i>Ирис</i> в Словаре Даля	146

ХРОНИКА

25

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Почему пот — цыганский? Вояж; Предвидеть; <i>Вась, Тань, Надь</i> (Сокращенные формы личных имен)	150
---	-----

Кроссворд	148
---------------------	-----

На обложке: Памятник А. С. Пушкину в Москве. Рисунок Б. Захарова

К 185-летию
со дня рождения
А. С. Пушкина

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ А. С. ПУШКИНА

наследии Пушкина значительное место занимают миниатюры. Опубликованные самим поэтом и появившиеся в печати после его смерти, они представляют собой многообразие различных видов совершенных по исполнению миниатюрных текстов, которые условно можно разделить на три основных типа: афоризмы, анекдоты и размышления. Ввиду ограниченности рамок статьи, остановимся на анекдотах, которые по своему жанру, а также по приемам и принципам организации материала представляют собой модели повествовательных текстов. В настоящее время анекдот практически полностью утрачен как жанр художественной литературы, однако во второй половине XVIII в., и особенно в пушкинское время он был чрезвычайно популярен (см.: Гроссман Л. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1928, т. 1).

Можно наметить три вида анекдотов. Это рассказ о каком-либо историческом факте или случае из жизни известного исторического деятеля; занимательный случай из жизни самого рассказчика, удачная фраза, сказанная или слышанная им. Помимо этого, анекдот заключал в себе более отвлеченный смысл, выражая определенные (каламбурные, иронические) взгляды на вещи, явления жизни, которые культивировались французской цивилизацией.

Анекдот в этом смысле был воспринят Пушкиным с детства, так как соответствующее отношение к действительности прививалось всей системой воспитания в дворянском обществе.

Интерес Пушкина к анекдоту несомненен. В его библиотеке имеются самые различные сборники анекдотов, как русских, так и европейских авторов (кстати, название «Table — talk» «застольные беседы» — было навеяно, по всей видимости, изданием в 1835 г. застольных бесед любимого поэта Пушкина Кольриджа, под названием «Specimens of the Table — talk of the late Samuel Taylor Coleridge»). В основе сюжетов многих художественных произведений Пушкина лежат анекдоты. «Пиковая дама», «Египетские ночи», «Повести Белкина» построены «на анекдотической первооснове» (см.: Гроссман Л. Указ. соч., т. 1).

Анекдот входит составной частью не только в художественные, но и в критико-публицистические тексты. Так, в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин сопровождает анализ произведений и деятельности М. В. Ломоносова анекдотами о нем: «Вдова старого профессора, услыша, что речь идет о Ломоносове, спросила: „О каком Ломоносове говорите вы? не о Михайле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! Бывало от него всегда бегали к нам за кофейником. Вот Тредьяковский, Василий Кирилович — вот этот был почтенный и порядочный человек!“» (Все цитаты из А. С. Пушкина даются по изданию: Пушкин А. С. Собр. соч. АН СССР. М., 1949). В упомянутой статье, характеризуя независимость Ломоносова от его богатых и знатных покровителей, Пушкин пишет: «В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: „Я отставляю тебя от Академии“ — „Нет, возразил гордо Ломоносов, разве Академию от меня отставят!“». Характерно, что в черновом варианте этот анекдот не приводится, только в скобках Пушкиным в этом месте помечено: (анекдот).

Анекдот — это прежде всего жанр устного рассказа. Не случайно у Пушкина иногда помечено: «Слышано от такого-то». Сохраняя общий тон рассказа, Пушкин применяет характерные для него приемы построения сюжета и организации текста, которые своей основной целью имеют достижение предельной краткости при наибольшей занимательности повествования. Одним из таких приемов является устранение необязательных, а стало быть, излишних деталей. Так, в анекдотах Пушкина все поставлено на службу развития сюжета. Наиболее четко это прослеживается в серии анекдотов об одном персонаже. В «Table — talk» включено несколько анекдотов о Потемкине, в которых обыгрываются отдельные черты характера этого исторического деятеля. Пушкиным избирательно привлекаются лишь те лингвистические средства, которые необходимы

для характеристики этого человека в рамках развития данного сюжета. «Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел. Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего, спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера». Здесь Потемкин предстает перед нами в домашней обстановке, «босой», с туфлями в руках, пробирающийся «тихонько» в переднюю. В другой раз это уже совсем иной человек, у него «хандра», и вместо того, чтобы заниматься делами, он «...сидел в халате, босой, нечесаный, грызя ногти в задумчивости», и никто не смеет к нему войти. В случае с молодым Ш., который «напроказил», а Потемкин помог ему избежать гнева государыни, князь вообще не характеризуется прямо, а через свои действия и отношение к нему окружающих: «*Кинулись к князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человека. Потемкин велел Ш. быть на другой день у него, и прибавил: „да сказать ему, чтоб он со мною был посмелее“.*— Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде, не сказал никому ни слова и сел играть в карты». Несмотря на отсутствие образно-экспрессивных средств при характеристике этого персонажа, вырисовывается образ могущественного и своенравного вельможи.

Таким образом, Пушкин строго отбирает для характеристики своих героев только то, что является фоном основной фабулы или служит непосредственно для развития сюжета.

Подобная лаконичность в изложении материала способствует стремительному развитию повествования. Динамичность рассказа достигается также характерным пушкинским синтаксисом. Пушкин отдает предпочтение простым, нераспространенным предложениям, часто с чередованием однородных глаголов-сказуемых и со строго прямым порядком словорасположения, при котором глагол, находясь в позиции «логического предиката», «несет на себе главный повествовательный акцент» (Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969). И дело даже не в размерах предложения, а в том, что, благодаря точности отбора слов, предложение организуется по принципу высокой концентрации несущих смысловую нагрузку элементов, что представляет собой явление «синтаксического сгущения речи» (В. В. Виноградов).

«Некто, отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу. Государь открыл ему лоб, взглянул в лицо и сказал: „Ну! Этот плох. Однако записать его во флот. До мичманов авось дослужится“. Старик лю-

бил рассказывать этот анекдот и всегда прибавлял: „Таков был пророк, что и в мичманы-то попал я только при отставке!“». Всякое отступление от строго прямой речи в данном анекдоте служит стилистическим целям. Так, «представлен был» — такой порядок слов придает повествовательный тон рассказу. В прямой речи персонажей — «до мичманов авось дослужится» и «в мичмапы-то попал я только при отставке» — инверсия служит передаче разговорной речи и характеристике речи персонажей.

Анекдот не может быть занимателен, если он схематичен. Требования комизма и остросюжетности диктуют необходимость правдивой и глубоко психологической обрисовки образов, создания определенной атмосферы. Пушкинские анекдоты являют примеры самых различных приемов, удовлетворяющих этим целям.

«Граф Румянцев однажды рано утром расхаживал по своему лагерю. Какой-то майор в шлафроке и в колпаке стоял перед своею палаткою, и в утренней темноте не узнал приближающегося фельдмаршала, пока не увидел его перед собою лицом к лицу. Майор хотел было скрыться, но Румянцев взял его под руку, и, делая ему разные вопросы, повел с собою по лагерю, который между тем проснулся. Бедный майор был в отчаянии. Фельдмаршал, разгуливая таким образом, возвратился в свою ставку, где уже вся свита ожидала его. Майор, умирая от стыда, очутился посреди генералов, одетых по всей форме. Румянцев, тем еще недовольный, имел жестокость напоить его чаем, и потом уже отпустил, не сделав никакого замечания».

В этом анекдоте два действующих персонажа — граф Румянцев и майор. Посмотрим, как раскрываются эти образы. Граф Румянцев прямо никак не охарактеризован, но через его действия обрисовывается человек, наделенный властью, — хозяин положения: он «расхаживал по своему лагерю», «делал вопросы», «недовольный», «имел жестокость», «отпустил». Общий тон повествования нейтральный. Характерны галлицизмы «делать вопросы» и «иметь жестокость», употребленные Пушкиным в стилистических целях.

Майор — лицо в данном тексте анекдотическое. Кроме самой ситуации, в которую он попал, ощущение смехотворности, незадачливости его подчеркивается всей суммой слов, соотносенных с этим персонажем: «бедный», «был в отчаянии», «умирая со стыда» — характеристики, подходящие пежной барышне, а не военному человеку в походе.

Этот анекдот особенно интересен тем, что в нем порядок словорасположения играет важную стилистическую роль в создании общего фона повествования. Пушкинскую прозу, как правило, характеризует прямой порядок слов, при котором сказуемое сразу следует за подлежащим. В этом анекдоте между подлежащим и

сказуемым появляются обособленные обороты: «фельдмаршал, разгуливая таким образом, возвратился...», «майор, умирая со стыда, очутился...», «Румянцев, тем еще недовольный, имел жестокость». Обращает на себя внимание также большое количество деепричастных оборотов.

Таким образом, фраза приобретает затейливый рисунок, не свойственный пушкинской прозе. Это интересный стилистический прием, использованный для передачи «куртуазного» духа придворно-дворянского круга.

В анекдоте речь героя бывает подчас единственной и часто достаточной его характеристикой. Так, в приведенных анекдотах Петр I говорит просто, отрывисто, по-деловому стремительно: «Ну! этот плох. Однако записать его во флот. До мичманов авось дослужится». Князь Потемкин, влиятельный вельможа, опытный царедворец, осторожный человек, разговаривает важно, неторопливо: «„Скажи, брат“, — говорит Потемкин, показывая ему свои карты, — „как мне тут сыграть?“ — Да мне какое дело, ваша светлость, — отвечает ему Ш. — играйте, как умеете! — „Ах, мой батюшка“ — возразил Потемкин — „и слова нельзя тебе сказать; уж и рассердился!“».

Таким образом, Пушкин использует самые различные стилистические и языковые средства, добиваясь занимательности и краткости изложения. При этом четко прослеживаются общие тенденции, характеризующие пушкинскую прозу в целом: точность словоупотребления, использование стилистических средств различных пластов, четкий синтаксис, нейтральный порядок словорасположения. Именно так в кратчайших рамках анекдота Пушкину удается создать объемные произведения, наполненные колоритом и атмосферой времени.

Е. В. БЕЛАЯ

Слова усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора казались критикам низкими, бурлацкими; низкими словами я, как Вильгельм Кюхельбекер, почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь понятия; например, нализаться вместо выпить пьяным и т. п.; но никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.

А. С. Пушкин

ЖИВАЯ РЕЧЬ В ПИСЬМАХ А. С. ПУШКИНА

преобразовании и развитии русской разговорной речи особая роль принадлежит Пушкину. Письма поэта последнего десятилетия его жизни к жене и друзьям — А. А. Дельвигу, П. А. Вяземскому, А. И. Тургеневу, П. А. Плетневу, М. П. Погодину, В. К. Кюхельбекеру, П. В. Нащокину и другим — по своим речевым проявлениям особенно близки к ситуации непосредственного общения. Раскованность мыслей и чувств, непринужденность искреннего разговора в этих письмах образно называется

Пушкиным: «являться в халате, нараспашку и спустя рукава» (Письмо П. А. Вяземскому, ноябрь 1825 г.).

Как памятник русской бытовой культуры письма Пушкина были высоко оценены И. С. Тургеневым: «Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они суший клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами» (И. С. Тургенев. «Новые письма Пушкина»). Неоценим этот источник и для изучения такой стороны быта, как речевой обиход.

Письма Пушкина отражают важный этап в развитии обиходно-бытовой речи, когда из сырой, неупорядоченной речевой стихии начинает формироваться разговорная речь как особая разновидность литературного языка. Происходит своеобразная ревизия принятых форм общения, перераспределение лексических пластов: вхождение в новую норму — одних, отвержение — других. Стилистическая окраска лексики находится в состоянии постоянной динамики.

Эта динамика стилистического статуса особенно существенна была для просторечной лексики, которая еще недавно составляла основу обиходного словаря. Так как понятие просторечия исторически изменчиво и современные нам стилистические оценки не

совпадают с восприятием слов в начале XIX века (показаниями «Словаря Академии Российской» 1806—1822 гг., «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 г.), важно проследить употребление в письмах разных групп просторечия: 1) лексики, которая квалифицируется как просторечная и словарями XIX века, и современными нам, и 2) лексики, которая в пушкинскую эпоху не осмыслялась как просторечная и получила статус просторечности лишь впоследствии.

Просторечие первой группы и по характеру употребления слов, и по отношению к новым, складывающимся нормам разговорной речи используется в письмах Пушкина по-разному, в зависимости от своей экспрессивной или нейтральной окраски.

Разговорной практике пушкинской среды, в соответствии с общестилистической системой Пушкина, были чужды пуристические требования карамзинистов, их представления о разговорной речи как изысканно-утонченной светской беседе. Экспрессивное просторечие в письмах значительно по объему и очень активно по той общей тональности, которую оно придает контексту.

О своем отношении к грубоватой непринужденности выражения Пушкин писал в декабре 1823 года П. А. Вяземскому: «Я не люблю видеть в первобытном языке нашем следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота ему более пристали».

Характерно слово «прощелыга», употребленное в ласково-шутливом письме П. А. Плетневу по отношению к друзьям, которым Пушкин собирается сделать подарок: «Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 Бориса, для московских прощалыг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева» (А. С. Пушкин — П. А. Плетневу, 13 января 1831 г.). Просторечное слово придает здесь контексту колорит грубоватой, но дружеской, ласково-насмешливой речи.

Грубовато-фамильярное просторечие активно не только в письмах к друзьям, но и в письмах к жене, где оно создает тональность и грубоватой искренности, враждебной всякому жеманству, и глубокой нежности, и взволнованной заботы о судьбе любимого человека: «...как-то, мой ангел, удадутся тебе балы? В самом деле не забрюхатела ли ты? что ты за недотыка?» (А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 8 октября 1833 г.). Или: «Жена моя милая, женка мой ангел — я сегодня уж писал тебе, да письмо мое как-то не удалось. Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой» (А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 30 апреля 1834 г.). Экспрессивное просторечие в письмах к жене передает и атмосферу живого, искрящегося весельем шутливого речевого быта поэта: «О тебе гремит еще молва, после минутного твоего появления. Нашли, что ты похудела — я привезу тебя тете-

хой, по твоему обещанию: смотри ж! Не поставь меня в лгунь» (А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 3 августа 1834 г.).

Эта грубоватая простота пушкинских писем соответствовала вольным речевым нормам пушкинской среды, создавала особый шутивно-иронический колорит речи.

Экспрессивное просторечие широко представлено и в письмах друзей Пушкина, например: *хрычовка* — «На то ли тебя свел к Музам, чтобы ты променял их на беззубую хрычовку Москву?» (А. А. Дельвиг — Е. А. Баратынскому), *враки* — «Не забудь портрет — мне сдается, боюсь вымолвить, что я тебя иначе не увижу, но может это враки» (П. В. Нащокин — А. С. Пушкину, май 1831 г.). С несколько иным воплощением новых, складывающихся норм разговорности сталкиваемся в письмах Грибоедова, где почти не встречается грубо экспрессивное просторечие, столь активное в эпистолярном слого Пушкина и его окружения.

Речевая практика начала XIX века, испытывая влияние «нового слога» Карамзина, в то же время продолжала традиции речевого быта XVIII века, с его свободным обращением к просторечной архаике. Границы неэкспрессивного просторечия в письмах современников Пушкина еще достаточно широки, например: «завтре» (П. В. Нащокин), «упреждаю» (Н. А. Дурова), «сумлеваюсь», «сумление» (П. В. Нащокин), «ослюниться» (П. А. Вяземский) и под. Широко представлено неэкспрессивное просторечие и в письмах Грибоедова: «Зачем же вы ускурили у меня жалование более, чем на месяц» (А. С. Грибоедов — К. К. Родофиникину, 12 июля 1828 г.). Грибоедов как бы живет в этой стихии просторечия, ему еще чуждо ощущение строгой разговорной нормы.

Простонародный колорит неэкспрессивной лексики писем Пушкина значительно слабее, что свидетельствует о новом, особом понимании им нормы разговорной речи. Ряд слов данной группы знаменует отход Пушкина от архаически просторечной традиции и может служить иллюстрацией важного процесса — начала изменения стилистической оценки слова, привычной для разговорной речи предшествующей эпохи. Таковы слова *ан*, *бишь*, *чай*, *вчера*, *вечер*, *страшать*, *отымать* и др.

Слово *вчера* Пушкиным употреблено пять раз, в том числе в письмах дважды. Например: «Святую педелю провел я чишо дома, был всего *вчера* (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой» (А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 28 апреля 1834 г.). В то же время его нейтрально-литературный вариант *вчера* встречается в письмах 63 раза. Такое соотношение может быть истолковано только как переход слова из активного в пассивный запас разговорного словаря пушкинской речи.

Материалы картотеки современного русского языка содержат

контексты нейтрального употребления слова *вчера* в письмах XIX века, например: «Я перевел вчера места три из Ариоста, посягнув на него первый раз в своей жизни» (К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу, 29 декабря 1811 г.); «Приехал я вчера поздно, сего дни сижу дома: кашель меня держит» (А. Г. Барладин — Н. Н. Раевскому, 3 апреля 1840 г.).

Более ранние тексты — конца XVIII — начала XIX в. (произведения Крылова, Карамзина и др.) дают многочисленные примеры употребления этого слова как нормативного не только для разговорной речи и эпистолярной, но и для книжных контекстов. Ср.: «Вчера же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика» (Карамзин. Письма русского путешественника). Отражение старых норм — контекст драмы М. Ю. Лермонтова: «Эмилия. Ко мне ужасные теснятся мысли; Вчера я видела во сне, Что ты меня хотел зарезать» (Испанцы).

Вторая группа лексики, отмеченная 17-томным Словарем современного русского литературного языка как просторечная, по не имеющая помет в Словаре 1847 г., — относилась к так называемому верхнему слою просторечия — интеллигентскому, дворянскому, нормы которого были еще близки в начале XIX в. речевому обиходу широких слоев городского населения и крестьянским междialeктным формам речи, но не осмыслились как нелитературные, например в письмах Пушкина: *струхнуть, прибить, нагородить, наболтаться, дотащиться, баламутить*; в эпистолярной дружеской речи Пушкина: *похабничать, дурь* (П. А. Вяземский); *глазеть, околеть, наврать* (А. И. Тургенев) и др.

Письма Пушкина иллюстрируют характерную черту его речевых норм — замену отрицательной оценочности стилистически сниженных слов на положительную, с шутливо-фамильярной окраской. Например: (ласково-шутливо) «Какая ты дура, мой ангел! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом» (А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 12 мая 1834 г.). Те же нормы словоупотребления встречаем и в письмах пушкинского окружения: (грубовато-шутливо) «Твою рожу не мог я отдать той, которой ты не называешь, потому что не достало рожу твоей на ее долю» (П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу, 1 ноября 1833 г.).

Отражен и такой существенный процесс развития разговорной речи, как выход за ее пределы ряда слов, претерпевавших снижение своего стилистического статуса. Например, слово *помереть*.

Это слово отсутствует в письмах. В художественных текстах Пушкина оно всегда стилистически мотивировано. Таково, например употребление его в несобственно-прямой речи персонажа из на-

родной среды в повести «Станционный смотритель»: «В сени вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель год как помер, что в доме его поселился пивовар и что она жена пивоварова».

Показательно, что даже последующая история применения слова далеко не так стилистически определена, как у Пушкина. Чаще слово *помереть* употребляется писателями XIX века в целях стилизации речи персонажей из народа. Например: «Матрена. Что ж жив, сказывают? — Анисья. И не говори. Жить не живет и помирать не помирает» (Толстой Л. Н. Власть тьмы). Однако контексты не однородны. Есть свидетельства употребления слова как абсолютно нейтрального: «Государь помер в Таганроге» (Герцен. Былое и думы) или: «Добрый и любезный Александр Александрович! Александр Сергеевич Пушкин помер, у нас его уже более нету!» (А. В. Кольцов — А. А. Краевскому, 13 марта 1837 г.).

Характер просторечной лексики в языке писем Пушкина и его современников позволяет выделить некоторые черты складывавшихся норм литературной разговорной речи и определить влияние на этот процесс Пушкина.

Разговорная речь Пушкина и его окружения вольнее, неприужденнее салонной манерной беседы. Пушкин смело расширяет стилистический диапазон лексики, создавая эмоциональную раскованность разговорного слога. Язык его писем отражает и буйную веселость, и интимную грубоватость, и яркую оценочность — все оттенки юмора, иронии, сарказма.

Живое общение в пушкинской среде и художественное отражение разговорной речи в творчестве поэта способствовали утверждению такого речевого обихода, о котором Пушкин писал: «В гостинной светской и свободной Был принят слог простонародный И не пугал ничьих ушей Живою странностью своей». Вместе с тем письма Пушкина отражают стилистическое переосмысление ряда слов неэкспрессивного просторечия, таких, как *помереть*, *вчера*, *бишь*. Благодаря активному творческому воздействию Пушкина на язык подобные просторечные слова вышли за границы разговорно-литературной нормы, что способствовало очищению речевого обихода образованного общества от просторечной архаики.

Обработка Пушкиным разговорной речи была оценена как огромная заслуга писателя еще современниками. О. И. Сенковский писал в 1834 году Пушкину: «Основа, которой совершенно не существует в нашей прозе,— это язык хорошего общества... Нужно его создать... и слава эта, вижу ясно, уготована вам, вам одному, вашему вкусу и прекрасному таланту».

И. А. ИВАНЧУК

Саратов

А. И. ТУРГЕНЕВ И А. С. ПУШКИН

О языке и стиле «Хроники русского»

Первые десятилетия XIX века — время небывалого расцвета дружеского письма. Блестящим мастером эпистолярного жанра был Александр Иванович Тургенев — друг Пушкина, Жуковского, декабристов. Масштабы его корреспонденции поражают воображение: собрание писем Тургенева могло бы занять несколько десятков объемистых томов. Он, по свидетельству П. А. Вяземского, «переписывался и с просителями своими, и с братьями, и с друзьями, и с знакомыми, и часто незнакомыми, с учеными... был в переписке со всею Россиею, с Франциею, Германиею и другими государствами» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 8, СПб., 1883). В существенной своей части письма Тургенева переросли значение бытового документа: они стали фактом русской литературы, появляясь на страницах лучших журналов эпохи рядом с произведениями Пушкина, Гоголя, Жуковского. «Письма его, — отмечал авторитетный в этом вопросе Вяземский, — большею частью образцы слога, живой речи. Они занимательны по содержанию своему и по художественной отделке... Русским пером в особенности владел он, как немногим из присяжных писателей удается им владеть».

Не удивительно, что письма Тургенева этих лет высоко ценились его друзьями и уже тогда воспринимались как своеобразная рукописная публицистика: они не только читались теми, к кому были непосредственно адресованы, но и распространялись порою в достаточно широком кругу. Однако окончательное превращение автора дружеских писем в первоклассного литератора произошло позже — и при весьма драматических обстоятельствах.

Трагические последствия восстания декабристов не миновали и А. И. Тургенева. Его родной брат, Николай Иванович Тургенев, живший тогда за границей, был заочно приговорен к смертной казни, А. И. Тургенев, не отрекшийся от брата и боровшийся за отмену приговора, оказался в полуопальном положении. Тяготясь полицейским режимом николаевского царствования, он отправляется за

границу, где и проводит в общей сложности свыше пятнадцати лет. Связь с Россией поддерживается посредством писем, в которых находят отражение самые разнообразные события культурной, литературной и политической жизни Европы. Современники с восторгом встретили заграничные корреспонденции Тургенева, «этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего» (Остафьевский архив, т. 3, СПб., 1899). Стараниями друзей эти письма проникают и на страницы русской периодики. Особый интерес к корреспонденциям Тургенева проявил Пушкин: в 1836 году под общим заглавием «Хроника русского» он начинает печатать их в своем «Современнике». Печатание «Хроники» продолжалось и после смерти Пушкина, когда журнал перешел в руки П. А. Плетнева.

Что же привлекало Пушкина в письмах Тургенева? Прежде всего, конечно, их содержательное богатство. Но, кроме того, «Хроника» оказалась во многом созвучной и с эстетическими исканиями Пушкина. Еще в 1822 году в набросках статьи «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» Пушкин заметил, что «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч., М.—Л., 1949). «Хроника русского» как раз и стала своеобразной лабораторией русского «метафизического языка», иначе говоря, — языка интеллектуальной прозы, наполненной политической, философской, исторической проблематикой.

«Метафизический язык» Тургенева формировался в отталкивании от ряда авторитетных для первой трети XIX века стиливых традиций. Для автора «Хроники русского», как и для Пушкина, ясно было, как не надо писать. Тургенев не приемлет и перифрастический язык повестей Н. М. Карамзина (и его многочисленных эпигонов), и вычурный, полный словесных излишеств язык знаменитого в ту пору А. А. Бестужева-Марлинского. Опору для своих исканий Тургенев находит в наиболее подвижной и открытой языковой системе — разговорной речи, богатой просторечными формами. Тургенев смело вводит в свои письма элементы просторечия. Однако он употребляет их не как словесную экзотику. Просторечные формы для языка тургеневской «Хроники» — столь же необходимый элемент, как и «европеизмы». Органичное соединение двух этих, прежде далеких, языковых полюсов характерно для всех его писем. «Я так морально и интеллектуально охилел после шестинедельной простуды, что едва ноги таскаю, а в ногах и в пере вся моя умственная сила!» — пишет Тургенев (Цитируется: Турге-

нев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.— Л., 1964). В словах «морально» и «интеллектуально» современники Тургенева ясно ощущали их иностранное происхождение; однако просторечные «охилел» и «едва ноги таскаю» как бы нейтрализовали их французский колорит, естественно подключая их к системе русского литературного языка. От такого смелого сопряжения двух разнородных языковых элементов внутри одной фразы просторечные формы расширяли свой семантический ореол («охилеть» не физически, а «интеллектуально»), а «европеизмы» демократизировались. При этом Тургенев был противником засорения языка иностранными словами, не привносящими новых понятий и лишь создающими макаронический стиль. В неопубликованном письме к П. А. Плетневу, редактировавшему «Хронику», Тургенев просил его безжалостно вычеркивать «слова иноземные, без нужды употребленные» (следует отметить, что таких «без нужды употребленных» слов в письмах Тургенева оказалось очень немного).

Ориентированность на разговорную речь обусловила включение в текст «Хроники русского» множества пословиц и поговорок, причем значение их, как правило, расширялось. Тургенев пишет: «Да и согласится ли (директор архива иностранных дел в Париже — В. П.) допускать меня в архив? я и домогаться этого не буду. Они и без того едва не раскаиваются, что впустили козла в огород. — А сколько капусты! Чем дальше в лес, тем больше дров! Лес вековой, по еще полный жизни исторической!». «Лес истории, в котором исследователь обнаруживает «дрова» документов, фактов, сведений... Это и было как раз тем, что Пушкин называл «создавать обороты слов». Игра пословицами и поговорками снимала ореол исключительности, научности с писем Тургенева. Здесь звучала живая речь русского образованного и любознательного интеллигента, а не малодоступная для понимания, обращенная лишь к избранным речь профессионала-специалиста.

Тургенев, как и Пушкин, шел по пути расплывания карамзинистского принципа «среднего стиля». В противовес лексической ограниченности этого стиля, исключаящего как просторечие, так и церковнославянизмы, Тургенев со вниманием относится к старой, «книжной» традиции. Он активно использует тот фонд церковнославянских слов, который уже потерял налет «книжности» и был существенно трансформирован в значениях. Тургенев пишет: «В блаженном расположении духа пришел я к философу Эрдману — на чай!». Церковнославянизм *блаженный* употреблен здесь в значении «радостный», «приятный». Сама эта фраза по своему лексическому составу и по структуре вскрывает стилистические особенности писем Тургенева. В ней церковнославянизм соседствует с галлицизмом («расположение духа») и просторечным «прийти на

чай»; все это осложняется паузой, выраженной на письме тире, которая придает иронический оттенок всему содержанию фразы (пришел к философу... на чай!). Такое ироническое остранение чрезвычайно характерно для всего стиля «Хроники русского» А. И. Тургенева.

В языковом мире Тургенева существует целый ряд слов, значения которых приобретают особый, часто политический, подтекст. Так, например, он пишет: «...тут был Баланш, всегда остроумный и откровенный наблюдатель...». Слово «откровенный» выделено Тургеньевым курсивом — на нем поставлен особый акцент. Свободолюбивый писатель, «откровенный» наблюдатель духовной жизни Франции противопоставлен тайным соглядатаям николаевской России. Политический подтекст слова должен был быть понятным всем читателям-вольнолюбцам, оппозиционно настроенным по отношению к правительству Николая I. Узнав о том, что Пушкин получил разрешение на выпуск четырех томов «Современника» в год, а не на ежемесячный журнал, Тургенев сетовал на непригодность своих писем — «животрепещущих новинок» — для подобного издания: «Вся жизнь их эфемерная, и они не выдержат *квартального* срока». Опять-таки слово «квартальный» выделено им курсивом. Тургенев играет полисемантизмом этого слова: безусловно, речь идет не только о том, что Пушкин будет издавать журнал ежеквартально. Это слово вызывало определенный ход мысли, на который и рассчитывал автор: кварталный, то есть полицейский надзиратель — полицейские порядки, во власти которых судьба журнала лучшего русского поэта — наконец, находящаяся во власти «квартальных» Россия. Подобному расширению семантики слова Тургенев придавал большое значение: это было чем-то вроде «эзопова языка» полуопального автора «Хроники русского», постоянно подвергавшегося цензурным гонениям.

Иногда в качестве такого слова-символа выступало цитатное слово — или прямо взятое из известного произведения, или косвенно соотносящееся с ним. Вот как Тургенев писал об известном французском писателе Шатобриане, собиравшемся посетить славянские страны, в том числе и Россию: «Старую Европу он почти всю объездил — и ему в ней *душно*: он хочет освежиться на славянском севере?». Вопросительный знак, которым завершается фраза, как бы подчеркивает сомнительность намерений Шатобриана. «Душно», по мысли Тургенева, как раз на славянском севере — в России. В 1834 году сам Тургенев применил к себе цитату из «Братьев-разбойников» Пушкина, записав в дневнике: «...я в лес хочу» (целиком пушкинская строка, как известно, звучит так: «Мне душно здесь, я в лес хочу»). Эта цитата активно использовалась Тургеньевым в его письмах. В 1841 году он сконцентрировал весь потаенный

смысл цитаты из Пушкина в одном слове, ставшем знаком определенной — политической — темы, проходящей через всю «Хронику русского».

Не только отдельное слово, но и целый фразеологизм может получить дополнительный смысл под пером Тургенева. Так, он сообщает о том, что «Ламартин запродавал себя на всю жизнь, прошедшую и будущую, так же как Шатобриан, т. е. продал за несколько сот тысяч право на старые сочинения и на все новые». Под «будущей жизнью» традиционно понималась «загробная жизнь», поэтому «запродать себя на всю жизнь, прошедшую и будущую» — значило вступить в сговор с дьяволом. Тургенев отождествляет продажу прав на сочинения с ситуацией продажи души нечистой силе. В результате иронического обыгрывания традиционного оборота вся фраза приобретает дополнительный смысл, а сам поступок писателей предстает в совершенно особом освещении. Он осмысливается Тургеневым и как печальный результат новых, торговых, отношений в литературе, и как свидетельство потери писателем личной свободы в условиях буржуазного общества. Начало борьбе с торговым духом в литературном мире положил Пушкин. Тургеневым она была продолжена.

Работа над «метафизическим языком» прозы требовала соблюдения «принципа семантического соответствия стиля повествования и описания «духу» воспроизводимого мира» (Виноградов В. В. Стил Пушкина. М., 1941). Этим принципом руководствовался и Тургенев в своей эпистолярной прозе. Характерно в этом плане описание в «Хронике русского» дома Гете, ясно показывающее понимание Тургеневым «духа» жизни и творчества великого немецкого писателя. Тургенев пишет: «Кабинет Гете о трех окнах, низкий и без всяких украшений. Посреди комнаты круглый стол простого, некрашеного дерева, по стенам такие же шкафы с выдвигаемыми ящиками: в них бумаги, минералы, монеты и всякая всячина. На простых креслах подушка, под креслами для ног сидевшего — другая. — У стены еще стол, на котором Гете писал стоя; он наполнен черновыми бумагами...». Язык Тургенева здесь подчеркнуто прост, скуп, он, как и кабинет Гете, — «без всяких украшений»; здесь использован синтаксис коротких предложений, неполных или нераспространенных. Все это связано с общей установкой Тургенева, который предварил описание дома Гете своеобразной эстетической декларацией: «В этом домике все просто, как гениальное создание...». Концепции гениальной простоты подчинен и весь стиль описания дома Гете. Сам этот отрывок полемичен по отношению к романтической традиции изображения Гете и его стиля жизни. Так, в 1835 году литератор и критик С. П. Шевырев, рассказывая о своем посещении дома Гете, рисовал самого поэта как «могучего

старца... с неугасимыми очами, с челом высоким, с талисманом властительной думы, на нем покоящейся» (Московский наблюдатель, 1835, ч. IV). Романтической концепции творчества Гете соответствовал и романтический, метафоризированный стиль описания. При этом окружающая поэта обстановка отметалась как нечто малозначительное, несоизмеримое с масштабами возвышенного гения «могучего старца». Характерно, что и в веймарских эпизодах «Писем русского путешественника» Карамзина быт был выведен за пределы изображения. Тургенев идет иным путем: он стремится к точной, реалистически-конкретной фиксации бытовых деталей. Быт — исторический и современный — стал восприниматься в 30-е годы XIX века (прежде всего Пушкиным и близкими ему литераторами — Тургеневым, Вяземским) не как незначительный фон жизненных событий, а как сама жизнь. По справедливому замечанию видного литературоведа Г. А. Гуковского, быт давался теперь «в порядке объяснения людей». В своей сущности установка Тургенева-хроникера была установкой, близкой Пушкину-прозаику, шедшему в 30-е годы по пути реализма.

Таким образом, стилистическая и языковая позиция Тургенева отражала наиболее плодотворные, реалистические тенденции в развитии русского литературного языка. Попытки создания обновленного, «метафизического» языка прозы привели Тургенева к синтезу разговорной речи с книжным языком. С другой стороны, язык прозы — «язык мыслей», по выражению Пушкина, — требовал напряженной, творческой работы со словом, требовал умения не только «создавать обороты для понятий самых обыкновенных», но и искать пути обогащения семантического потенциала слова. Скромный «хроникер» А. И. Тургенев внес свой вклад в разрешение тех задач, которые стояли перед великой русской литературой.

В. Ю. ПРОСКУРИНА

Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. Пламень неминуемо тащит за собою камень. Из-за чувства выглядывает непременно искусство. Кому не надоели любовь и кровь, трудной и чудной, верной и лицемерной и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным.

А. С. Пушкин

А. С. ПУШКИН О ТВОРЧЕСТВЕ И. А. КРЫЛОВА

20—30 годы XIX столетия четко определились два направления, различавшиеся между собой подходом к вопросу о литературно-языковом творчестве. Одно направление придерживалось ориентации на «новый слог» Карамзина и рассматривало басни И. И. Дмитриева как выражение истинной художественности, другое — придавало первостепенное значение народности литературного языка, обращению к живительным силам русской разговорной речи, поэтому считало И. А. Крылова зачинателем нового пути в развитии русского литературного языка. К началу 30-х годов XIX века все слышнее звучат голоса, ставящие под сомнение утверждение сторонников «нового слога» о совершенстве басенного языка И. И. Дмитриева: «Первые места в числе действующих наших поэтов занимают Крылов и Пушкин» (Н. И. Греч. Письмо в Париж к Якову Николаевичу Толстому. — «Библиотека для чтения», 1834, № 1). Именно басни Крылова характеризуются как тот жанр литературно-художественного творчества, где народно-разговорная речь возводится на уровень эстетического компонента художественного повествования. Все большее распространение получает мысль, что Крылов своим творчеством проложил дорогу Пушкину. В. К. Кюхельбекер в «Дневнике поселенца» называет Крылова непосредственным предшественником Пушкина: «Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина. Крылову я говорил, что он первый поэт России и никак этого не понимает. Потом я доказывал преимущественно ту же тему Пушкину. Грибоедова, самого Пушкина, себя я называл учениками Крылова...»

По мере выхода в свет очередных сборников басен язык Крылова становится предметом самых различных споров и дискуссий. Не оставался безразличным к творениям баснописца и Александр Сергеевич Пушкин. Уже в 1824 году он утверждает, что Крылов занимает первое место среди баснописцев, правда, еще с оговоркой относительно Лафонтена: «Крылов превзошел всех нам известных

баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена» Но через некоторое время Пушкин замечает, что Крылов имеет превосходство и над Лафонтеном: «Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги. Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который в басне столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо».

Великий русский поэт с участием относится к изданиям басен Крылова — «во всех отношениях самого народного нашего поэта». В письме к П. А. Вяземскому от 8 марта 1824 года, сопоставляя басни Крылова с баснями Дмитриева, он подчеркивает: «...грех тебе унижать нашего Крылова... И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова». Ознакомившись с предисловием П. А. Вяземского к изданию стихотворений Дмитриева, Пушкин уже решительно возражает либеральному князю, отмечая, что тот предвзято подходит к роли Крылова в развитии языка художественной литературы; в апреле 1824 года он пишет Вяземскому следующее: «Повторяю тебе перед евангелием и святым причастием — что Дмитриев, не смотря на всё старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя Василий Львович». Расхождения между Пушкиным и Вяземским в оценке Крылова заключались прежде всего в разном понимании народности литературы. Для Вяземского народность в баснях Крылова — это грубые слова и выражения, это изображение сцен из жизни трудового люда. Народность для Пушкина — это выражение посредством меткого русского слова самобытной жизни русского народа.

Пушкин воспринимает Крылова национальным баснописцем, выразителем духа русского народа и в этом отношении сопоставляет его с Лафонтеном: «отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов».

Народность творчества Крылова трактовалась Пушкиным как выражение национального самосознания, настроения народа и обличения социального зла, поэтому басни Крылова — это «сатирические притчи». Крылов потому народен и национален, что басни его «читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети».

Пушкин не только отмечал национальный характер творчества великого баснописца, подчеркивая выразительность крыловского языка, отражавшего безграничные возможности емкого и меткого русского слова, но и стремился раскрыть содержание самого слова *народность*: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие на

родности в произведениях литературы — но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность. Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной истории, другие видят народность в словах...

Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Пушкин резко осуждал манерность и фальшь слога сторонников карамзинского направления: «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность». Именно поэтому великий русский поэт поддерживал новое направление литературного выражения, обозначившееся в творчестве Крылова — соединять разнородные языковые средства различных сфер общения для всестороннего и динамичного изображения предмета словесно-изобразительного творчества. «Истинный вкус,— утверждал А. С. Пушкин,— состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

А. А. КОЖИН

Ни один поэт не имел на русскую литературу такого много-стороннего, сильного и плодотворного влияния. Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского псевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русской жизнью и русской современностью, обогатил идеями, пересоздал язык до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотели писать.

В. Г. Белинский

И прежде него существовали на русском языке хорошие стихи; но когда явились произведения Пушкина, все увидели, что еще не имели понятия о том, как прекрасны могут быть русские стихи. В самом деле, до Пушкина еще никто не писал таким легким и живым языком, в котором соединялись и простота, и поэтическая прелесть; еще никто не умел придавать русскому стиху столько точности, выразительности и красоты.

Н. Г. Чернышевский

В июне 1984 года
исполняется 185 лет
со дня рождения
А. С. Пушкина
и 120 лет
со дня рождения
А. А. Шахматова.
Два славных имени:
великого
русского поэта
и крупнейшего
отечественного
филолога, академика,
многочисленными
трудами которого
в области русского
языка, его истории,
диалектологии и
текстологии гордится
советская наука.

Помимо причастности
к истории русской
литературы
и к становлению
и изучению русского
литературного языка,
одно внешнее
обстоятельство
сближает А. С. Пушкина
и А. А. Шахматова.
Так, Пушкина
в последние годы
его жизни,
а Шахматова в детстве
вленили рассказы
из русской истории
детской писательницы
А. О. Ишимовой.

Выходил журнал «Лучи». Перу Ишимовой принадлежат «Рассказы старушки», «Исторические рассказы», «Бабушкины уроки, или Русская история в разговорах для маленьких детей», «Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей», «Рассказы для детей из естественной истории» и другие. Книги Ишимовой

«Вот как надобно писать!»

О рассказах А. О. Ишимовой

Александра Осиповна Ишимова (1805—1881) — русская писательница, переводчик и педагог была знакома с Жуковским, Пушкиным, Гоголем, Тургеневым. А. О. Ишимова начала печататься в 1831 году. Наибольшую известность приобрели ее рассказы для детей, представлявшие собой переложения исторических сочинений, в том числе «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

Самым крупным трудом Ишимовой была «История России в рассказах для детей» в 6-ти частях (1837—1840). С 1843 по 1863 год Ишимова издавала «Звездочку» — журнал для детского чтения, в 1850—1860 годах при «Звездочке»

пользовались большой популярностью и при ее жизни неоднократно переиздавались.

В 1836 году Ишимова встречалась с Пушкиным на «средах» у П. А. Плетнева, поэта, критика и начиная с 1826 года издателя почти всех книг Пушкина. В 1835—1836 годах Плетнев был одним из ближайших сотрудников Пушкина в издании «Современника». 22 января 1837 года Пушкин посетил Ишимову и не застал ее дома. В письме от 25 января поэт предложил Ишиимовой перевести для «Современника» несколько драматических очерков английского поэта и драматурга Барри Корнуола. 27 января Пушкин вместе с письмом препроводил Ишиимовой книгу, в которой отметил пьесы Корнуола для перевода их на русский язык: «...переведите их как умеете,— писал он,— уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше». Переводы Ишиимовой из Барри Корнуола были опубликованы в «Современнике» (1837, III).

В доме-музее Пушкина в Ленинграде на Мойке, последней квартире поэта, и сейчас посетители могут увидеть на письменном столе в его кабинете книгу Ишиимовой «История России в рассказах для детей», которую Пушкин читал в день дуэли. «Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах,— писал он Ишиимовой,— и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!».

В. Г. Белинский высоко оценил мастерство писательницы в двух рецензиях на издание 6-й части «Истории России в рассказах для детей» в 1840 году и на переиздание «Истории» в 1841-м. «...рассказ г-жи Ишиимовой,— писал Белинский,— до того картинен, жив, увлекателен, язык так прекрасен, что чтение ее истории есть истинное наслаждение... первое место занимает превосходный рассказ и прекрасный язык, обличающие руку твердую, опытность литературную, основательное изучение предмета, неутомимое трудолюбие. Рассказ есть одно из главнейших достоинств историка: мало того, чтоб верно излагать факты и события,— надо, чтоб эти факты и события непосредственно запечатлевались в уме и воображении читателя, а глаза его видели не одни буквы, но и картины. В этом отношении г-жа Ишимова обладает необыкновенным талантом».

Высокую оценку исторические рассказы Ишиимовой получили и в критических статьях революционных демократов. Н. Г. Чернышевский в 1857 году в рецензии на 4-е издание «Истории России» писал: «Известность этой книги так велика, что отзыв о новом ее издании может состоять только из простого извещения: каждый из наших читателей, вероятно, когда-нибудь имел в руках „Историю России“ г-жи Ишиимовой...». Вместе с тем Н. А. Добролюбов осуждал религиозно-монархическое направление издававшихся ею детских журналов «Звездочка» и «Лучи».

В руки мальчика Шахматова попала другая книжка Ишимовой, содержащая тоже рассказы из русской истории,— «Бабушкины уроки, или русская история для маленьких детей» (1852). Старшая сестра Шахматова Е. А. Масальская в книге «Повесть о брате моем А. А. Шахматове» (М., 1929) писала: «Толчком Лёле [А. А. Шахматову.— В. П.] к интересу историей послужил подарок тети, „Бабушкины уроки“ Ишимовой. Эта толстая книга в малиновом переплете, с картинками, надолго стала его любимой, настольной книгой». И далее Е. А. Масальская признается: «Также, сознаюсь, и моей... Мне тогда была вручена „Вселенная“ Герштекера с соответствующей надписью... Я старалась, согласно предписанию в надписи дяди, проникнуться интересом к чужим странам, но в душе мне казались и скучными, и ходульными беседы немецкого папаша с своими благовоспитанными детьми, тогда как рассказы бабушки своим внукам о событиях русской истории были очаровательны».

История долгое время была главным увлечением будущего ученого. Десяти лет А. А. Шахматов пишет свою «Историю России», а двенадцати лет, как он писал в автобиографии, «занимался в Мюнхенской университетской библиотеке Страбоном и Помпонием Мелой для извлечения из них данных о древнейших обитателях России» (см. Предисловие М. А. Цявловского в книге Е. А. Масальской). Этот интерес к истории у Шахматова никогда не ослабевал и скоро, по словам академика С. П. Обнорского, «переместился в сторону изучения, притом исторического изучения, русского языка» (А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов. М.— Л., 1947).

Итак, по случайному стечению обстоятельств, последней книгой, которую держал в руках наш великий поэт, родоначальник русского литературного языка А. С. Пушкин, и первой серьезной книгой, попавшей в руки будущего русского филолога, основоположника изучения русского литературного языка, крупнейшего исследователя русского летописания А. А. Шахматова, были рассказы из русской истории А. О. Ишимовой, прекрасный язык и живая картинность которых была отмечена В. Г. Белинским.

Естественно, что не только эта своего рода историческая эстафета сближает имена Пушкина и Шахматова. И в дальнейшем жизнь и научная деятельность Шахматова соприкасались с творчеством и жизнью Пушкина. Приведем один мало известный факт,

Как Председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук, Шахматов имел непосредственное отношение к деятельности Пушкинской комиссии, собиравшей разнообразные материалы о творчестве и биографии Пушкина.

В октябре 1910 года французский филолог-славист Андре Мазон (1881—1967), впоследствии член Французской Академии и иностранный член АН СССР, писал А. А. Шахматову: «Я спешу уведомить Вас о получении официального письма, в котором Председатель Пушкинской комиссии просит меня снестись с наследниками покойного акад. Вандаля [Альбер Вандаль — историк, член Французской Академии, автор трехтомного труда «Наполеон и Александр I». — В. П.] и выяснить через них, где теперь могут находиться бумаги барона Дантеса-Геккерна и можно ли надеяться получить их в пользование Пушкинской комиссии.

Поверьте, что я очень польщен сделаться случайно сотрудником, хотя и очень скромным, Пушкинской комиссии. За такую честь благодарю я сегодня же г. Председателя Пушкинской комиссии и извещаю его о том, что постараюсь немедленно выполнить его поручение. Надеюсь, что на днях я буду в состоянии сообщить комиссии точные указания на судьбу семейного архива Дантеса» (письмо хранится в Ленинградском отделении Архива АН СССР).

А. А. Шахматов придавал большое значение той роли, которую сыграло творчество А. С. Пушкина в становлении русского литературного языка. «Теоретическая мысль грамматиков XVIII века, — писал Шахматов, — отчетливо представляла себе взаимное отношение борющихся в литературной речи элементов: Ломоносов сознательно вступает на путь, который приведет к перевесу в ней народной стихии. Во второй половине XVIII в. русский литературный язык получает тот вид, который он сохраняет до сих пор. Карамзин и позже Пушкин своим высоким авторитетом завершили великую реформу, обеспечившую нашему книжному языку национальное значение» (Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е. М., 1941).

В. А. ПЛОТНИКОВА

ХРОНИКА

**ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ
О СТИЛЯХ ЯЗЫКА
И СТИЛЯХ РЕЧИ**

19—21 октября 1983 года в Орджоникидзе состоялось Всесоюзное координационное со-

вещание «Стили языка и стили речи как явления функционально речевой дифференциации».

На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 67 докладов и выступлений сотрудников научно-исследо-

вательских учреждений, преподавателей вузов и специальных средних учебных заведений почти всех союзных республик нашей страны.

Выступавшими подчеркивалась важность изучения актуальных проблем, связанных с определением стиля как категории стилистики; необходимость научной интерпретации речевых явлений, обусловленных функциональной дифференциацией литературного языка.

Положение стилистики как научной и учебной дисциплины продолжает оставаться не вполне определенным. Не уточнены некоторые важнейшие понятия учения о стилистически обусловленном употреблении языка. Термин «стиль» в исследованиях нередко наполняется самым различным содержанием. Нуждается в большей определенности и терминология, связанная с обозначением таких понятий, как «стили языка» и «стили речи», «стилистика норма», «функциональный стиль», «композиционные типы речи». В итоге обсуждения этих вопросов участники совещания пришли к единому выводу о том, что должна быть написана работа, в которой было бы обобщено состояние изучения стилистики на сегодняшний день.

Наряду с общими вопросами рассматривались и результаты конкретных исследований: проблемы стилистики художественной и публицистической речи, стилистики жанровых форм речи и стилистики — учебной дисциплины. В докладах отмечалась роль стилистики как учения, определяющего объективность подхода к анализу языка различных текстов: художественных, публицистических, научных, официально-деловых, а также важность изучения приемов стилистической организации текста. Было обращено внимание на дальнейшее изучение различных аспектов стилистики текста, в частности на необходимость уточнить содержание понятия «коммуникативные типы речи» (описание, рассуждение, повествование).

Материалы совещания, по мнению его участников, могут быть использованы в изучении лингвистической стилистики, культуры речи, и особенно в вузовском и школьном преподавании. Особым успехом пользовались выступления, посвященные стилистике художественной речи. Об этом свидетельствует и одна из рекомендаций: очередное координационное совещание посвятить проблемам художественной речи.

Л. К. ГРАУДИНА

О ВОЕННОЙ САТИРЕ

С. Я. МАРШАКА

В канун тревожного 1939 года появилось одно из первых сатирических стихотворений С. Я. Маршака — «Новогодняя ночь в парламенте». Написанное в несколько замедленной манере монолога из английской классической трагедии, оно воспроизводило «речь» Вильяма Шекспира, якобы произнесенную им в современной палате общин. Начало стихотворения как будто не предвещает его сатирической направленности, авторская ирония проявляется лишь в описании реакции государственных мужей на появление великого поэта:

Его соседи смотрят удивленно
На строгого таинственного гостя
И говорят вполголоса друг-другу:
— Кто он такой? Его я видел где-то,
Но где, когда, — ей-богу, не припомню!
Мне кажется, немного он похож
На старого писателя Шекспира,
Которого в студенческие годы
Мы нехотя зубрили наизусть!

(Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: С. Маршак. Сочинения в четырех томах, т. 2, М., 1958). Слова *зубрили, ей-богу* содают здесь оттенок разговорности и подчеркивают контраст с последующим текстом, который строится как стилизованное выступление Шекспира, обличающее политику правящих кругов Англии, нацеленную на контакт с фашистской Германией:

Я слышал, что почтенный Чемберлен
И Галифакс, не менее почтенный,
Покинув жен и замки родовые,
Скитаются по городам Европы,

То в Мюнхен держат путь то в Годесберг,
Чтобы задобрить щедрыми дарами —
Как бишь его? — Мне трудно это имя
Припомнить сразу: Дудлер, Тутлер, Титлер...

Стилизация сочетается с таким употреблением, при котором слово выступает как бы в своем «обратном» значении: *почтенный, не менее почтенный, скитаются*. Орфоэпическое обыгрывание фамилии Гитлер как Тутлер прямо соотносится с англ. *tootle* — «болтовня, пустословие». Ирония перерастает в сарказм, когда устами Вильяма Шекспира автор описывает цель поездок вельможных английских политиканов. Здесь С. Маршак прибегает к весьма интересному приему: он вводит реплики из подлинных произведений Шекспира и тем самым придает им большую актуальную значимость:

Британские вельможи вопрошают:
«На всю ли Польшу вы идете, сударь,
Иль на какую-либо из окраин?»

(в кавычках цитата из «Гамлета»)

С кем Англия в союзе? Кто ей друг?
Она в союз вступить готова с чертом
И прежнего союзника предать,
Забыв слова, которые лорд Пёмброк
В моей старинной драме говорит
Другому лорду — графу Салисбюри:
«Скорее в бой! одушевляй французов,
Коль их побьют, и нам несдобровать!..»

(в кавычках цитата из «Короля Джона»)

В сатирических произведениях Маршака нашли убедительное отражение его теоретические взгляды на слово, требования простоты и образности языка художественного произведения. Не без юмора он писал: «Спору нет, поэт, художник мыслит образами. Но если образ становится самоцелью, он превращается в некое подобие флюса». Установка на точность и меткость словоупотребления — вот основная языковая тенденция в творчестве С. Маршака. Эта тенденция, свойственная и его сатирическим стихотворениям, и его поэтическим переводам, опирается на народную речь.

В стихотворной сатире Маршака влияние разговорной, народной речи сказывается иногда уже в самих рифмованных названиях: «Укоротишь — не воротишь», «Последние итоги, или Дитмар в тоге», «О Лавале и его печали». Нередко заглавие стихотворения и его содержание составляют контраст, создающий сатирический эффект. Так например, в стихотворении «Вся Европа» (1941 г.) за-

главие, повторенное в составе прямой речи, раскрывается далее в перечислении:

— Нас поддержит вся Европа! —

Отвечали два холопа
И пустились вербовать
Многочисленную рать.

Швед
Из города Берлина,
Три бельгийца
С половиной

Да подручный
Дорио
Встать готовы
Под ружье.

Опереточный
Испанец
С шайкой жуликов
И пьяниц —
Вот фашистский
Легион
Всех мастей
И всех племен.

Вариативность сочетаний внутри текста (*вся Европа — многочисленная рать — фашистский легион всех мастей и всех племен*) имеет одинаковую объектную отнесенность, и этот объект «дробится» названием конкретных сателлитов Гитлера. Резко ироническую оценку выражают согласованные и несогласованные определения, характеризующие каждого из участников фашистского союза: *швед из города Берлина, три бельгийца с половиной, подручный Дорио, опереточный испанец*. Ирония поддерживается своеобразным сплавом слов и сочетаний, принадлежащих к разным стилям речи, например:

И пустились вербовать
Многочисленную рать.

Глагол *пуститьсь* используется в разговорной речи, часто с оттенком неодобрения «начать делать что-л., усиленно заниматься чем-л.»; глагол *вербовать* — нейтрален, первоначально он употреблялся в тех случаях, когда имелась в виду только военная организация, и именно такое употребление отмечается в приведенном контексте; сочетание *многочисленная рать* включает архаизм и ча-

сто используется в сказках (ср. у А. С. Пушкина в «Сказке о Золотом петушке»: Чтоб концы своих владений / Охранять от нападений, / Должен был он содержать / Многочисленную рать).

Сообразно с целями и задачами отдельного произведения Маршак вводит в свою поэтическую сатиру элементы басни и сказки, эпиграммы и сюжетного стихотворного рассказа. Эти элементы соотносятся с разными художественно-литературными жанрами, но некоторые особенности, специфические для стиля сатиры С. Маршака, наблюдаются постоянно. Так, поэт неоднократно прибегает к литературной ассоциации, но применение ее не однопланово, оно зависит от расстановки смысловых и экспрессивно-эмоциональных акцентов. Если в «Новогодней ночи в парламенте» шекспировские цитаты идут, так сказать, в унисон с авторским голосом, а «многочисленная рать» в стихотворении «Вся Европа» — лишь отдаленная лексическая параллель к пушкинскому словоупотреблению, то в других случаях С. Маршак уже более непосредственно и прозрачно прибегает к литературным аллегориям. Иногда это просто обращение к персонажам, имена которых употребляются как нарицательные («Новые приключения Макса и Морица»), но чаще поэт привлекает известное стихотворение, используя его ритмику, строфику, отчасти лексику (последнее характерно особенно для начальных строк). Сатира в этих случаях создается несовместимостью формы самого стихотворения и описываемых фактов. Здесь нет пародирования привлекаемого произведения: языковые средства и поэтические приемы служат осмеянию тех явлений, которым посвящена сатира. Таково, например, использование С. Маршаком «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина и пушкинского перевода стихотворения А. Мицкевича «Будрыс и его сыновья».

Стихотворение «Разговор ефрейтора с генеральским мундиром», имеющее форму монолога, аллегорично:

Прощай, мой мундир, мой надежный слуга.
Приходит минута разлуки.
Навеки прощай!.. Уж не ступит нога
В мои генеральские брюки!

Цитируемое произведение создано в 1944 году, когда неотвратимо приближался разгром фашистской Германии и власти «третьего рейха» мечтали только об одном — очутиться подальше от своей страны, от своего народа. «Монолог» ефрейтора относится не только к одному лицу, но и приобретает характер обобщения:

Давно уложил я тебя в чемодан,
Мечтая лететь в Аргентину.
Увы, далеко от меня океан,
А фронт подступает к Берлину!

Название другого стихотворения непосредственно соотносит его с пушкинским переводом произведения А. Мицкевича, ср.: «Шнабель и его сыновья» — «Будрыс и его сыновья»:

Два у Шнабеля сына, как и он, два кретина.
Говорит им папаша: «Ребята,
Самолет заводите, миномет зарядите
Да возьмите-ка два автомата (...)»

С. Маршак выдерживает ритм и синтаксический строй пушкинского стиха, соблюдая идентичные грамматические формы (обращение, трехкратное повелительное наклонение глагола в составе прямой речи). Лексика же изменяется не только в связи с обозначением современного оружия, но и с экспрессивно-эмоциональной оценкой (*как и он, два кретина*), с установкой на разговорную речь (*папаша, ребята, возьмите-ка*).

Один из самых эффективных сатирических приемов у С. Маршака состоит в том, что, привлекая широко известное изречение, поэт обыгрывает его или на основе содержания стихотворения, или на основе многозначности некоторых слов, входящих в состав этого изречения. Так, в стихотворении «Юный Фриц, или экзамен на аттестат „зверости“» встречается распространенный в фашистской Германии лозунг «Фюрер думает за всех немцев». Композиционно стихотворение строится как диалог между экзаменатором и «юным Фрицем»:

— Для чего фашисту ноги?
— Чтобы топтать по дороге —
Левой, правой, раз и два!
— Для чего же голова?
— Чтоб носить стальную каску
Или газовую маску,
Чтоб не думать ничего.
(Фюрер мыслит за него!)

Стихотворение «Новая басня про старого лжеца», написанное в размере классической басни, сопровождается эпиграфом из произведения Крылова «Лжец»: «...И к былям небылиц без счету прилыгал». Этот же эпиграф вводится в первую строфу. Литературная ассоциация в заглавии подчеркивается антонимическими прилагательными *новый — старый*. Сатирическая заостренность произведения достигается прежде всего за счет обыгрывания слов, принадлежащих к разным лексическим группам, связанных с разными понятиями.

Фон Роммель, старый лжец,
Который некогда грозился взять Суэц,

С корреспондентами гуляя в чистом поле,
Рассказывал про европейский вал
И к былям небылиц без счета прилыгал.

— Вы видите, друзья, цветут здесь каприфолы,
Ромашки, ландыши, и тмин, и бальзамит,

А под корнями их — два миллиарда мин!..
Смотрите, на лугу траву жует корова.

Даю вам слово,

Что минами она у нас начинена

И, если ток включить, взрывается она!

Мы всё минируем — от хлева до овина.

Вот немка к нам идет. «Как ваше имя?..»

«Минна!..»

У басенки моей простейшая мораль:

Границы должен знать и самый пылкий враль.

Пускай припомнит он один закон старинный,—

Что при плохой игре не помогают мины!

В тексте басни смысловую взаимосвязь обнаруживают слова *мина* — «особый взрывной снаряд, помещаемый обычно под землей, под водой» и *Минна* — имя собственное. В заключительной строфе С. Маршак прибегает к видоизмененному устойчивому обороту «делать хорошую (веселую) мину при плохой игре». Это устойчивое сочетание является буквальным переводом французского выражения «Faire bonne mine à mauvais jeu», связанного с карточной игрой. Опуская определение *хорошая (веселая)*, автор тем самым непосредственно соотносит слово *мина* (выражение лица) с омонимом *мина* (взрывное устройство). Таким образом, в строке, завершающей басню, *мина* одновременно может пониматься в двух разных значениях.

Иногда Маршак брал за основу какое-нибудь крылатое слово, полюбившееся фашистам, и вскрывал подлинный его смысл по отношению к конкретному факту. Стихотворению «Последние итоги, или Дитмар в тоге» предшествует краткое пояснение: «Перед последней «тотальной» мобилизацией 1945 года фашистский генерал Дитмар озаглавил свой очередной обзор: «Дело дошло до триариев». Выражение «дело дошло до триариев» — перевод латинской поговорки «res redit ad triarios», имеющей значение «дело дошло до крайности», (triarii — третий ряд римского боевого строя, состоящий из самых опытных солдат). С. Маршак, опираясь на историческую параллель по принципу контраста, так раскрывает содер-

жание поговорки применительно к заглавию обзора Дитмара:

Когда, бывало, в старину
Вели латиняне войну
С народом Галлии, Швейцарии,—
В несчастье обращался Рим
К последним воинам своим:

«До вас дошел черед, триарии!»
И нынче Дитмар-генерал
В минуты краха и аварии,
Накинув тогу, пропищал:
«До вас дошел черед, триарии!»

Маскарадное подражание фашистских лидеров внешним атрибутам римской империи подчеркивается сочетанием — деепричастным оборотом *накинув тогу*, который относится к глаголу *пропищал*. Стилистический диссонанс между *пропищал* (во второй строфе) и *обращался* (Рим) (в первой строфе) усиливает иронию.

Большую сатирическую силу приобретает такая трансформация поговорки, когда лексико-семантическое изменение приводит к прямо противоположному смыслу. В стихотворении «Последняя линия защиты» С. Маршак пишет о Нюрнбергском суде. В заглавии слово *защита* уже имеет двойственную семантику — «линия обороны» и «защитительная сторона в судебном процессе». Эта семантическая двуплановость раскрывается образными средствами стиха с привлечением лексики, относящейся к военной сфере:

Сидят в траншее адвокаты,
Сжимая перья-автоматы.
Но им не вычеркнуть пером,
Что вырублено топором.
И нет на свете красноречья
Краснее крови человеческой!

Перифразируя поговорку «что написано пером, не вырубишь топором», Маршак здесь же обыгрывает значение прилагательного *красный* и применительно к слову *красноречье* и применительно к слову *кровь*.

Сатирические стихотворения С. Маршака — яркий пример того, как талантливо и искусно умел пользоваться поэт возможностями русского языка в этом сложном жанре.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

Рисунок В. Толстоногова

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ

Ах, война,
что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы
подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли,
за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы,
будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,
и все-таки
постарайтесь вернуться назад.
Ах, война,
что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб —
разлуки и дым,
наши девочки платьица белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги —
ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников,
девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам
не во что,
что идете войной
наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

Булат Окуджава

„Будете
высокими!“

«Если стих живет не праздной жизнью, а работает, он выдерживает огромный груз прозаического житейского материала, ничуть не теряя своей поэтичности и музыкальности», — писал С. Маршак. Сказанное вдвойне верно по отношению к стихам о войне. Ибо поэтические строки о военном лихолетье несут на себе двойную тяжесть — тяжесть их каждодневной работы и неубывающий груз памяти, памяти о воевавших, о погибших, о выживших. Писать такие стихи и вдвойне трудно, потому что создаются они сердцем поэта, приговоренным всегда помнить о не вернувшихся с войны друзьях, об опаленной молодости, о Победе — одной на всех...

Кроме того, чтобы писать такие стихи, нужно иметь особое право — право, добытое в боях, в окопах, на передовой, в госпиталях. К числу поэтов, заслуживших это право, относится и Булат Окуджава, ушедший мальчишкой-добровольцем на фронт, провоевавший четыре года на передовой, тяжело раненный, но вернувшийся домой в сорок пятом. Вся военная лирика поэта свидетельствует о том, что своим высоким правом писать о войне он пользуется достойно — многие стихи Б. Окуджавы, посвященные Великой Отечественной, стали хрестоматийными. И среди них — одно из наиболее известных — стихотворение-песня «До свидания, мальчики».

Почти четверть века живет это стихотворение в песне поэта, оно любимо всеми, кому дорога память о войне. В чем секрет его жизнестойкости? Как оно «сделано»? Попробуем в этом разобраться.

Зачин стихотворения — вопрос недоумения, тревоги, отчаяния, боли: «Ах, война, что ж ты сделала...». Так мы говорим всегда, когда встречаемся с чем-то непоправимым — «что ты сделал?», «что же ты наделал?» Но присущая этому вопросу в обыденной жизни прозаичность уступает в стихе место поэтической экспрессии, которая усиливается здесь и постпозиционным использова-

Ах, война,
что ж ты сделала, подлая...

Следующий за этими строками авторский ответ-разъяснение воспринимается не только как ответ, но и как продолжение самого вопроса — что же это такое: опустели дворы — вострепнувшись, подняли мальчишки головы и, не доиграв, наскоро простившись, ушли воевать. Сила этих начальных строк в том, что автор передает трагизм сорок первого года с помощью случайных, казалось бы, деталей, которые, однако, несут большую смысловую нагрузку:

стали тихими наши дворы,
наши мальчишки головы подняли —

Надо хорошо знать нашу жизнь, дворы наших городских домов и их незатихающее мальчишеское многоголосье, чтобы понять, что означает эта внезапно наступившая тишина во дворах. Но в этих же строчках уже ощутима и та сила, которая в конце концов приведет нас к Победе — вслушайтесь: *наши* мальчишки, *наши* дворы. В этом маленьком слове «наши», как в капле воды, отражается единение чувств, единение сердец людей, поднявшихся на борьбу с врагом. И в этом «наши» слышится другое «наши» — ведь именно так называл народ своих солдат: «Наши идут!»

...Уходят мальчишки-солдаты, а вслед им вместе с прощальным приветом звучит просьба, призыв, мольба, заклинание:

До свидания, мальчишки!
Мальчишки,
постарайтесь вернуться назад.

Поэт не просит — «Вернитесь», он хорошо знает, что можно и не вернуться, но — «постарайтесь»! Постарайтесь достойно — «не прячьтесь», «себя не щадите», «будьте высокими». В этом последнем семантически чрезвычайно нагруженном слове записан целый этический кодекс — будьте смелыми, мужественными, гордыми, честными, бейте врага до Победы...

Тематически и композиционно стихотворение членится на две части. Вторая часть открывается повтором зачина, но если в начале стиха поэт как бы подыскивает определение к слову «война» и, найдя, с ненавистью выдыхает его в конце фразы — «подлая», то в вопросе второй части оно уже принято как единственно возможное, единственно верное:

Ах, война,
что ж ты, подлая, сделала...

И снова — противопоставление того, что есть, тому, что должно

было быть: вместо свадеб — разлуки и дым... Не будет свадеб, не понадобятся девочкам и припасенные белые платица — их можно отдать маленьким сестренкам, которые дорастут, доживут до своих свадеб, на их долю уже не выпадет такой войны.

А разлука — всегда беда, всегда испытание, испытание любви и верности:

Вы наплюйте на сплетников,
девочки.

Мы сведем с ними счеты потом.

Здесь речь все о той же вере и надежде, это не высокомерие молодости, не мстительность, а спокойная уверенность рано возмужавших солдат. И вновь слышится уже знакомое:

До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

Нет, не только ради структурного параллелизма и композиционной законченности употреблено тут это обращение к девочкам. В концовке стихотворения оно разрастается до масштабов символа — призыва ко всем победить и вернуться, вернуться назад, домой, в свои дворы, чтобы они вновь ожили и зазвучали, вернуться в мир новых надежд.

Почему это небольшое стихотворение так берет за душу? Почему хочется защитить этих мальчиков и девочек, и страну, и всех людей? Что, кроме прозрачной и стройной конструкции, обеспечивает этой вещи такую степень воздействия на нас? Что так сильно работает в этом стихе?

Императив? Да, здесь это исключительно важный стилистический прием — треть глаголов употреблена в повелительном наклонении. При этом просьба-лейтмотив «Постарайтесь вернуться назад» чередуется с запретами, приобретающими характер родительского наставления, приказа: не прячьтесь, не жалейте ни пуль, ни гранат, себя не щадите... Использование отрицания в побудительных предложениях увеличивает степень воздействия текста в целом.

Семантическая насыщенность? Несомненно. Слова знаменательных частей речи явно доминируют в речевой ткани стихотворения, и к тому же на каждое существительное в стихотворении приходится в среднем по одному глаголу — редкостная плотность, обеспечивающая тексту значительную смысловую емкость.

Повтор? Самоочевидно — стихотворение буквально изобилует повторами: повтор первых строк (с варьированием порядка слов), повтор формулы прощания «До свидания», повтор обращений, пов-

тор лейтмотива «Постарайтесь вернуться назад». Всякий повтор в художественном тексте — усложнение содержания текста, его стилистическое и смысловое обновление. Это явственно ощутимо при повторе слова-обращения «мальчики». После слов «До свидания, мальчики» как бы перехватывает дыхание, повтор обращения становится неизбежным, ибо в слово «мальчики» вложена вся любовь к ним, вся нежность и тревога за них, и именно в повторе эти чувства прорываются наружу. Однократное обращение сделало бы фразу обычной, будничной, повтор же наделяет ее огромной экспрессивной силой:

До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.

Особое значение приобретает и повтор оценочного эпитета «подлая», в котором сконцентрирована вся атрибутивная мощь стихотворения. Возможно, что из-за этой смысловой сосредоточенности на данном эпитете к слову *война*, автор очень экспонен в использовании определений к другим именам существительным — ср.: *тихие дворы, белые платья, зеленые крылья погон*.

Может быть, в стихотворении значимо и сочетание высокого слога и разговорного стиля? Бесспорно. Некоторая стилистическая сниженность второй части, где звучат слова до срока повзрослевших ребят (а слова эти — дружеское предостережение сверстникам, все тот же призыв к верности), еще заметнее оттеняет определенную приподнятость первой части, в которой голос автора сливается с голосами родных, провожающих на фронт вчерашних мальчиков, с голосом Родины, дающей напутствие своим сыновьям.

Как названные, так и не упомянутые в нашем анализе стилистические и композиционные средства служат цементированию насыщенного стихотворения в единое целое, в маленький поэтический шедевр, где ни убавить, ни прибавить ничего нельзя.

Осталось сказать, что мелодия, родившаяся у поэта одновременно со стихами, оказалась еще одной «виновницей» их все той же неправдной жизни — эти строки звучат, поются, их слушают, читают, запоминают и благодарно помнят. А что еще нужно поэзии?

Р. Р. ЧАЙКОВСКИЙ
Магадан

Рисунок Б. Захарова

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ

В обычной речи мы, как правило, не обращаем внимания на звуковое бытие слов. Главное, чем мы руководствуемся,— это их смысл, их значения. И только в стихотворных текстах слову-звуку отводится одна из главных ролей.

Заметную выразительность стихам придает повтор того или иного звука. Это способствует созданию благозвучия. Такой прием очень часто применял в своем творчестве К. Бальмонт. Например:

*Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Вблизи буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.*

Челн томасня

Следует отметить, что нередко поэт злоупотреблял аллитерациями (повтор одинаковых согласных) и ассонансами (созвучие гласных), которые воспринимались у него как самоцель (за что его упрекал А. Блок). Злоупотребление этим приемом делает стихи надуманными, искусственными, манерными. Совсем иное дело, когда такой повтор осуществляется с учетом чувства меры и в соответствии с содержанием. В этом случае стихи отличаются не только звуковой гармонией, но и естественностью. При этом повторяющиеся звуки часто подвергаются семантизации (осмыслению).

О как, о как нам к вам, к вам, боги, не гласить!

Сумароков

Кто это говорит? Читатель без труда услышит в этих стихах не только обращение к богам, но и обычное кваканье: ведь говорят лягушки.

Вот, например, как изображается гром, воплощаясь в отдельных согласных звуках в стихотворении Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза»:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые...

Поэт не только передает лирическое отношение к грозе, но и рисует ее при помощи звуков. В стихах читатель слышит эхо грозы.

Скучно нам слушать осеннюю вьюгу.

В этой строке Н. А. Некрасова 6 раз повторяется звук [у], дополнительно способствуя передаче воя ветра, одиночества, страха. Такая семантизация достигается благодаря включению в языковую структуру стихотворения слов, содержащих необходимый звук или сочетание звуков, способствующих созданию художественно-эстетических эффектов и вызывающих зрительные, слуховые или иные ассоциации.

Все мы хорошо помним стих из «Евгения Онегина»: «Итак, она звалась Татьяной». Нетрудно заметить, что имя героини, помещенное в конце стиха, в какой-то степени промелькнуло уже в его начале. Обратите внимание на звучание этого стиха: [итáк /aná звáлас' тат'йáнай]. В этой строке нетрудно заметить звуковую симметрию, она-то и способствует тому, что имя героини предугадывается читателем. Еще Ф. де Соссюр обратил внимание на этот прием. Исследуя ведийские гимны, он обнаружил, что в гимне, посвященном той или иной богине, очень часто повторяются слоги, составляющие имя богини. Открыто имя не называется, но вместе с тем оно звучит почти в каждой стихотворной строке (См.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию, М., 1977).

Нередко в результате семантизации звуков происходит десемантизация близких по звучанию слов, обновление их внутренней формы, когда различные по происхождению слова воспринимаются как генетически родственные. Например, у Л. Мартынова: «Попробуешь / Слова сличить — / И аж мороз идет по коже! // Недаром / «Мучить» и «учить» / Звучат извечно столь похоже. // Но и бывает смысл иной. / Доподлинно необъяснимый: // Казнящий ли владел казной, / Или казной владел казнимый? // Земля и тля. Вина — вино. / Апрель и прель. Мороз и проседь — // Все это будто не одно, / Но от другого не отбросить! // Берёзка — розга. Лик и лак / Уечить

и увековечить... // Неужто это просто так, / Одна случайность — / Чёт и нечет?» (Чет и нечет).

Как видим, благодаря звуковому сходству отдельных слов между ними появляются и смысловые связи. Весьма отчетливо они представлены у слов *учить — мучить, вина — вино, лик — лак* и др. А *увечить* — это бѣдь тоже *увековечить*. Много аналогичных примеров у А. Вознесенского, почти в каждом его стихотворении звуки несут дополнительную смысловую нагрузку. Нередко его сравнения осуществляются в двух направлениях: смысловом и звуковом. Ср.: «*И голенький, как иголочка*», «*Скандалы, точно кандалы, за нами с лязгом волочатся*», «*Прощай, дневник, двойник души чужой*», «*Вы, липы ночные, как лапы в ветвях хиромантии*» и др. Все это способствует созданию единого звукового и смыслового фона, единству звука и смысла.

Заметную выразительность стихотворной речи придает внутренний вокализм, т. е. система гласных звуков конкретного стихотворения, и прежде всего их гармонизм и сцепление. Пожалуй, нет такого человека, которого бы не очаровала музыка стихов поэмы «*Руслан и Людмила*» и особенно вступления к ней. Многие строки вступления удивительны по своему звуковому гармонизму, когда в четырехстопном ямбе в позиции под ударением повторяется один и тот же звук (или чередуются два звука):

И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...
Там лес и дол видений полны...

Гармонизм гласных делает звуковую волну стройной, симметричной, музыкальной. Этим целям служит и сцепление гласных, явление, при котором очередная стихотворная строка начинается теми же гласными, которыми закончилась предыдущая. Например, у А. С. Пушкина:

В темнице там царевна тужит, ий ыá аó аú ы
А бурый волк ей верно служит... аú ыó эó аú ы

У. Р. Ольшевского:

Я помню молодыми их. Они аó уа а́й и́й ай
Ходили нараспашку, чтоб медали ай на а́ уó и́а и
На пиджаках пронзительно сверкали... аи а́ ай на и́а и

Пирогов

Особенно часто использует этот прием С. Кирсанов, в стихах которого можно встретить сцепление одной, двух и более гласных.

При этом образуется стройная цепочка стихотворных строк. Например:

Слово! Скорее роди́сь
ри́фмой к рассветному миру,
будь, как полярный ради́ст,
и́щущий юг по эфиру...

После войны

Такой повтор гласных как бы возрождает звуковую волну, не дает ей угаснуть окончательно. И это, безусловно, делает стихи более напевными, музыкальными, ритмичными. Ведь гласные звуки — это основной материал для создания музыки стиха.

Целям выразительности поэтического текста могут служить и артикуляционно-акустические качества звуков. Так, в басне И. А. Крылова «Лягушки, просящие царя» имеются такие строки:

Со всех лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог.

Последний стих поражает своим динамизмом, причину которого В. А. Жуковский видел в «искусном соединении односложных слов, которые своею гармониею представляют скачки и прыганье». Однако смысловая и звуковая динамичность последней строки обусловлена не столько односложными словами, сколько тем, что из 13 согласных звуков, употребленных в этой строке, 10 являются мгновенными. Они произносятся быстро, подобно взрыву. По этой же причине весьма выразительны также следующие строки А. С. Пушкина из «Евгения Онегина»:

Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот тренака
Перед порогом кабака.

Здесь заметно преобладают мгновенные согласные звуки. Их почти в два раза больше, чем длительных (24 к 11; вибранты [p], [p'] можно произносить долго в результате часто повторяющихся взрывов. Учитывая наличие элементов взрыва при образовании этих звуков, мы относим их к мгновенным). Перед нами интересная картина: в стихах говорится о быстром старинном русском танце, а язык «пляшет» при артикуляции этих звуков. В данном случае звуки, подобно краскам в живописи, соответствуют тому, что они изображают. Сравните, например, в какой степени выразительны строки из «Тамбовской казначейши» М. Ю. Лермонтова, когда при спокойно протекающем действии преобладают длительные согласные, а динамичному содержанию соответствуют мгно-

венные. В Тамбов рано утром въезжает уланский полк, который с нетерпением ожидают все женщины города:

	Мгнов.	Длит.
Услыша ласковое ржалье	2	10
Желанных вороных коней,	2	9
Чье сердце, полное вниманья	2	12
<i>Тут не запрыгало сильнее?</i>	5	7
<i>Забыта жаркая перина...</i>	6	4
<i>«Малашка, дура, Катерина,</i>	6	4
<i>Скорее туфли и платок!</i>	6	5
<i>Да где Иван? Какой мешок!</i>	6	5
<i>Два года ставни отворяют...»</i>	7	6
Вот ставни настезь. Целый дом	4	11
<i>Трет стекла тусклые сукном —</i>	8	8
<i>И любопытно пробегают</i>	8	3
Глаза опухшие девиц	3	7
Ряды суровых, пыльных лиц	4	8

В русском языке длительных согласных почти в два раза больше, чем мгновенных. А в обычной речи количество мгновенных составляет примерно 60 процентов от числа длительных. Преобладание мгновенных в некоторых строках приведенного фрагмента придает этим строкам особую интонацию, особый динамизм. Даже равенство длительных и мгновенных в стихотворной речи указывает на повышенное употребление последних. И это придает стихам известную динамичность. Данный фрагмент очень выразителен и богат в интонационном отношении. Читатель хорошо слышит и нервный крик, и то, как судорожно трут окна сукном, он видит, как мечутся глаза девиц, стараясь увидеть сразу всех и найти одного.

Весьма наглядна артикуляционная выразительность стихов в поэме А. С. Пушкина «Полтава», когда поэт говорит о Петре I и Карле XII и невольно сопоставляются их действия.

О Петре I:

	Мгнов.	Длит.
И он промчался пред полками,	7	7
Могущ и радостен, как бой.	7	5
Он поле пожирал очами.	3	6

О Карле XII:

И перед синими рядами	5	4
Своих воинственных дружин,	3	14
Несомый верными слугами	2	10
В качалке, бледен, недвижим,	5	9
Страдая раной, Карл явился.	6	9

Динамизм строк о Петре I обусловлен не только содержанием стихов. В стихах большое количество мгновенных звуков. Их почти столько же, сколько и длительных (17 к 18). Это дополнительно способствует передаче стремительности, удали, отваги. В строках о Карле XII совершенно нет динамизма. И не удивительно. Количество мгновенных здесь намного меньше, чем длительных (21 к 46). Этим подчеркивается медлительность героя. Предугадывается его обреченность.

*

Иногда в тех или иных стихах в зависимости от их общего содержания поэт учитывает артикуляцию звуков, но ориентируется не на способ их образования (взрывные — невзрывные), а на место образования, добиваясь достаточно выразительной фоники. Например, в следующих строках С. Кирсанова нетрудно заметить ориентацию на губные согласные, что очень удачно гармонирует с общим содержанием стихов, придавая им известную выразительность:

И я живу,
тебя, как воздух, ртом ловлю,
стихом, последнюю строкой
леплю тебе из губ: «Люблю».

Твоя поэма

Активно используют поэты и такие акустические качества звуков, как краткость и длительность гласных. В обычной речи эти качества гласных являются несущественными. Однако в стихотворной речи, характеризующейся четким ритмом, длительность и краткость гласных приобретают большое значение. Так, в целях достижения стройной звуковой организации стиха некоторые гласные могут становиться краткими:

Эта наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.

Меж и р о в. Десантники

Нередко в соответствии с требованиями ритма в стихотворной речи наблюдается и обратное явление, когда буквы нет, а звук произносится.

И не пытайся измерять
Круг суммой абсолютных чисел,
И не пытайся все понять,
Иначе все теряет смысл (э)л.

Сулейменов

Особенно наглядно это явление представлено в стихотворении В. Хлебникова «Суд над старым годом», когда в одном стихе становятся два произношения: «Эта жизнь и жиз(и)нь та...»

Чрезвычайно важными элементами в смысловом и эмоционально-экспрессивном восприятии речи вообще и стихотворной речи в особенности являются ударение и интонация. Что касается ударения, то поэты по-разному пользуются им как средством выразительности. Вот как использует его, например, Я. Козловский:

Поклонившийся погосту
От селенья за версту,
Шел я по мосту, по мбосту,
По скрипучему мосту.
Много ль надо человеку?
Отдышаться б на веку,
Глядя на реку, на реку,
На спокойную реку.
Дым печной тянулся к дыму,
И клонилось потому
Солнце на зиму, на зиму,
На морозную зиму.

Мы коснулись лишь некоторых фонетических средств и приемов выразительности стиха. Вполне понятно, что они не имеют исключительного, самодовлеющего характера и используются не каждое в отдельности, а обычно в совокупности, создавая единую поэтико-эстетическую ценность. Удачность и эффективность их использования зависят от мастерства поэта, от его чувства меры, от уместности этих средств в конкретном тексте. «Мера — общее условие для всех видов слов». Это положение древнегреческой эстетики не утратило своей силы и глубины и в наши дни.

В. А. ФИЛАТОВ
Тирасполь

ИМЯ- ОБРАЗ

Писатель, изображающий жизнь определенного народа, должен уметь ярко и образно рассказывать о мире, весьма отличном от того, в котором живут его читатели. Это удастся лишь в том случае, если автор прекрасно знает национальные особенности народа, о котором пишет, его историю и культуру, обычаи и фольклор.

Н. Шундик познавал жизнь чукчей, работая учителем в глубоком кочевье, где ему приходилось обучать грамоте не только ребятишек, но и их родителей (в те годы народы Крайнего Севера только еще приобщались к новой, социалистической культуре). Вернулся он оттуда духовно обогащенным, со страстным желанием рассказать о том, что видел и пережил. Так появились его повести «На земле Чукотской» и «На Севере Дальнем», романы «Быстроногий олень» и «Белый шаман». В этих произведениях отчетливо проявился гражданский темперамент автора — истинного патриота нашей многонациональной Родины, равнодушного к судьбе не только русского народа, сыном которого он является, но и всех людей на земле.

Каждая новая книга Н. Шундика о Чукотке — это ступенька вверх и в постижении хода истории, и в овладении художественным мастерством. «Взяв одну высоту, он уже присматривается, примеривается глазом и сердцем к следующей, выверяет мускулатуру своего родного русского слова, слова мужественного, спокойного и всегда по-партийному горячего и убежденного», — так определил эту тенденцию в творческой эволюции писателя наш известный прозаик М. Алексеев.

Сопрягая судьбу отдельного человека с жизнью всего чукотского народа и — шире — всей нашей страны, Н. Шундик воссоздает действительность в ярких, самобытных образах. Помогают ему в этом различные художественные средства, в том числе и

**Антропонимы
в романе
Н. Шундика
«Белый шаман»**

Русская советская литература богата своими интернациональными традициями. Среди ее героев — представители разных народов СССР. Иногда инонациональная тема становится одной из главных в творчестве того или иного художника, увлеченного раздумьями над историческими судьбами народа, с которым он сроднился душой. Так случилось и с Николаем Шундиком, посвятившим немало своих произведений далекой Чукотке, мужественным и добрым людям, живущим в этом суровом крае.

речевые (активное использование семантики антропонимов и элементов поэтики фольклора северных народов, введение в текст произведения чукотской лексики, своеобразное построение диалогов, выявляющих национальную специфику говорящих, и т. д.).

Не только русские писатели, изображающие жизнь других народов, но и, например представители младописьменных литератур (Ю. Рытхэу, В. Санги и др.) активно используют разнообразные средства создания местного колорита, но в каждом отдельном случае ведут тщательный их отбор в зависимости от замысла, жанра и художественной формы конкретного произведения. Н. Шундик, в частности, очень широко использует чукотские антропонимы для выявления национальных и индивидуальных особенностей персонажей. При этом он опирается на способность собственных имен некоторых народов (в том числе и северного региона) сохранять связь с лексическими значениями слов, от которых они были образованы.

В этом отношении очень характерно использование антропонимов в романе «Белый шаман», удостоенном Государственной премии РСФСР в 1979 году. Здесь имена героев не только служат средством дополнительной характеристики персонажей, но и помогают сделать образы национально колоритными, несут большую смысловую и экспрессивную нагрузку, способствует созданию в романе особой лирической атмосферы, имеют символическое звучание.

Каждое имя собственное в «Белом шамане» поясняется переводом, который затем обыгрывается в соответствующем контексте. В этом художественном приеме удачно совпали две традиции: русской литературы, в которой «говорящие» фамилии издавна были ярким средством выявления индивидуальных особенностей героев (вспомним хрестоматийных Простакову и Скотинина, Молча-

лина и Скалозуба), и северных народов, у которых существовал обычай давать взрослому юноше то имя, которое соотносилось бы с его характером и внешностью. Так, например, главный герой этого произведения стал Пойгином (Копье) только после того, как в молодости убил копьём белого медведя. «До той поры его звали просто Нинкай — мальчик... И лишь потом, когда он доказал, что становится мужчиной, получил достойное имя — Пойгин. А мог, мог бы на всю жизнь остаться Нинкаем — бывает и так: уже старый совсем человек, но зовут его мальчиком...» (Здесь и далее цитируется по изд.: Н. Шундик. Белый шаман. М., 1979).

Образ центрального персонажа одноименного романа — главная удача автора. Белый шаман Пойгин стал олицетворением всех лучших черт, присущих чукотскому народу. Шундик рассказывает нам о человеке высочайших нравственных правил, от которых он ни разу не отступил. Пойгин был прям в выражении чувств и мыслей, не сломался под ударами судьбы, всегда оставался «стремительным, как острое копьё, стремительным на ногу, на слово, на решительный поступок». Так постепенно читатель начинает осознавать, что вся история жизни этого весьма необычного для нашей литературы героя (белый шаман — и председатель голхоза, философ и правдоискатель) в конечном итоге оказывается соотносённой с метафорическим значением его имени.

Призвание белого шамана — творить добро, защищать слабых, отстаивать справедливость. Гатле (Птица), рабу богача Эттыкая, он сумел внушить мысль о том, что унижительно для человека безропотно сносить насмешки и издевательства (Гатле держали впроголодь, не пускали в тёплый полог, заставляли ходить в женской одежде, заплетать волосы в длинные косы и т. д.). Пойгин помог ему порвать с хозяином, вернул мужской облик и нарек Клявылем (Мужчина). Смена имени для забитого Гатле равносильна возвращению к жизни в новом качестве: этим завершилась революция в душе человека, который поставил своей целью доказать, что он — настоящий Клявыль, настоящий Мужчина и достоин носить это имя.

Доброта Пойгина спасла и Омрыкая (Маленький силач): чёрный шаман предрек мальчику смерть, а белый — жизнь. Он даёт ему новое имя — Тильмытиль (Орел) — неспроста: по поверьям, это был едва ли не единственный способ защитить заболевшего ребенка от злых духов, но, кроме того, Пойгин считал, что новое имя нравственно укрепит Омрыкая, а значит, и поможет выздороветь. Метафорический смысл антропонима *Тильмытиль* автор раскрывает через несобственно-прямую речь главного героя: «Надо внушить больному, что у человека могут появиться невидимые крылья, способные поднять его над самим собой, слабым и сомне-

вающимся. Тот, слабый, сомневающийся, остается где-то внизу; это уже не ты... У тебя, в конце концов, даже имя теперь другое».

Обыгрывая значение этого антропонима в разных контекстах, писатель углубляет его символический смысл: и Тильмытиль, и другие чукчи смогли по-настоящему «расправить крылья» только в условиях советской действительности, где из «Маленьких силачей» непременно вырастают настоящие «Орлы» (Тильмытиль получил высшее образование, стал главным ветврачом в родном поселке Тынуп, а со временем сменил Пойгина на посту председателя крупной промысловой артели).

Н. Шундик никогда не упускает возможности расширить лексическое значение слова, ставшего именем собственным. Так, например, он упоминает имя отца Пойгина — Нутэтэгин (Предел земли). Перевод этого антропонима дается в сноске, в тексте же выстраивается цепочка рассуждений, содержащих глубокий социальный смысл. Исходной основой для них служит прямое значение слова «нутэтэгин»: «Предел его (отца Пойгина — Э. Л.) земли был где-то совсем близко, ну, в два, в три дня езды на хорошей собачьей упряжке. Предел этот можно представить в виде круга, в центре которого находилось его небольшое стойбище... И думалось ему, что земной мир весь ограничен этим пределом».

Постепенно семантика этого чукотского слова меняется, становясь все более абстрактной: «Значит, суть не только в том, что ты растешь, мудрее становишься. Уж его-то отец был для всех куда каким мудрым. Суть, видно, еще и в том, что сама жизнь далеко отодвинула черту предела доступного твоему пониманию мира». Как видим, понятие «предел земли» оказывается соотношенным с совершенно, казалось бы, иным — «беспредельность познания».

В подборе имен персонажей автор не скрывает своих пристрастий, ориентируя тем самым читателя на определенное восприятие каждого из героев произведения. При этом он не «конструирует» их в угоду своему замыслу, а берет из живого чукотского языка.

Целая группа положительных персонажей имеет лексически нейтральные имена: Майна-Воопка (Большой лось), Кукэну (Котел), Мильхэр (Ружье) и др. Антропонимы этой группы переводятся в сносках и, как правило, не получают дальнейшего развития в контексте. Если же это все-таки происходит, то чаще всего обыгрывается прямое лексическое значение имени собственного. Например, шутник Кукэну очень рад, что у него «вполне достойное имя, не какой-нибудь там Аляк — Кукэну! — Старик постучал по котлу, стоявшему у костра. — Вот от этой посудыны

происходит мое достойное имя. Кто может без котла обойтись? Так и без меня вы ни за что не обойдетесь».

В целом же писатель исходит из фольклорного по своей сути принципа соответствия антропонима характеру и внешности персонажа. Так, например, поэтичность натур Пойгина и его «белой шаманки» Кайти подчеркивается именем, которое они дали дочери — Кэргына (Женщина, сотворенная из солнечного света).

Иную социальную и эмоциональную окраску имеют прозвища и имена отрицательных персонажей. Рырка (Морж) — один из самых сильных и опасных врагов новой власти. Он полон звериной злобы ко всем, кто мешает ему вести прежний образ жизни, недаром Кайти называет его «желючи» (морж-людоед). Автор подчеркивает и его чисто внешнее сходство с грузным и нечоворотливым животным.

Черный шаман Вапыскат (Болячка) также вполне оправдывает свое прозвище: «Разъедаемый чесоточным зудом, он ненавидел все мироздание и, если бы на то была его сила, кажется, сдвинул бы с места даже Элькэп — энэр». Ятчоль (Лиса) — хитрый, изворотливый приспособленец. Интересно отметить, что слово «лиса, лисица» в качестве имени собственного имеет в романе ярко выраженный негативный оттенок, идущий от фольклорного образа («хитрый, как лиса»), но как символ любви Пойгина и Кайти приобретает совсем иное звучание: «И забылась Кайти, чувствуя, что где-то под самым сердцем опять, как всегда, ворочается, пытаюсь улечься половчее, мягкая, пушистая лисица».

Своеобразен образ Эттыкая (Собачка) — богатого человека, который понял, что «нельзя идти против ветра перемен»: он вступил в колхоз, сдал своих оленей и стал хорошим, честным пастухом. Но ему не давало покоя сознание, что он «прощённый». Это бесило Эттыкая и в то же время заставляло униженно заглядывать в глаза своим вчерашним батракам. Автор, верный принципу соотнесения значения имени собственного с его лексической первоосновой, так передает его размышления о себе: «Что это я все время перед ними, как собачонка, хвостом виляю?! Наверно, не зря мне родители имя такое дали, словно предвидели, до чего доживу».

Чукотские имена-прозвища получают также и представители русского населения, причем основой для их появления становятся, как правило, особенности внешнего вида «пришельцев»: заведующего культбазой Медведева чукчи прозвали Рыжебородым; учителя Журавлева Пойгин сначала называл Тин-лилетом (Стеклянные глаза) — так поразили его невиданные прежде очки. Потом он, как и все местные жители, стал звать его Кэтчанро (Журавль), часто используя это слово как метафору: «Спасибо, Кэтчапро. Мы будем летать с тобой над дальними землями, — шутливо сказал

Пойгин», которому учитель подарил географический атлас. Чукотский вариант фамилии Журавлева возникает и во внутренних монологах, песочно-прямой речи, причем автор вновь и вновь подчеркивает метафорическое звучание антропонима «Кэтчанро»: «Ему нравилось его чукотское имя. Он повторял его, как поэтический рефрен, в минуты особого настроения, когда хотелось взлета мысли и чувства. Он будет, будет писать книгу! Будет рассказывать людям о том, что он увидел за три года жизни в кочевье... Поднимайся, Кэтчанро, все выше и выше, тебе есть о чем рассказать».

*

Итак, в романе «Белый шаман» мы сталкиваемся с тщательно продуманной системой подбора имен собственных, основанной на традиционной для чукотского языка связи антропонимов с лексическими значениями слов, от которых они были образованы. Это позволяет придавать им символическое звучание, метафорически переосмысливать их в контексте, использовать как одно из средств характеристики персонажей. Читатель узнает о том, как чукотские имена возникают, какие обряды с ними связаны, т. е. чисто познавательный этнографический момент оказывается тесно связанным с теми художественными задачами, которые ставил перед собой автор.

Э. А. ЛАВРОВА

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«С каким ударением правильно произносить название поселка *Усть-Омчуг* в Магаданской области? В «Советском энциклопедическом словаре» ударение дается на звуке *о* — *Усть-Омчуг*, а в «Словаре географических названий СССР» — на звуке *у* — *Усть-Омчуг*».

А. Т. Алиханов, Хабаровск

Наименование поселку дано по названию реки *Омчуг*, которое произносится с ударением на первом гласном. Значит, и название поселка следует произносить с таким же ударением: *Усть-Омчуг*.

РИТОРИКИ

Российских академиков

Из истории русского красноречия

В 1983 году исполнилось 200 лет со дня торжественного открытия Российской Академии (первым президентом была Е. Р. Дашкова). Академия была задумана как центр гуманитарных наук. Задачи, которые ставились перед академиками, отвечали состоянию и общему развитию просвещения в России того времени. Проблемы, связанные с разработкой русского языка и словесности, считались первоочередными и главными. Начатая М. В. Ломоносовым деятельность по нормализации языка, его работа в области теории слова нуждались в продолжении и развитии.

В 1735 году было создано общество, которое называлось Российским собранием и которое ставило своей целью усовершенствование русского языка, издание переводов на русский язык мировой классики, составление основных филологических трудов по языку и теории словесности. В. К. Тредиаковский в своей знаменитой программной речи, с которой он обратился к членам Российского собрания 14 марта 1735 года, сказал: «Сего дождалась мы щастия, что и о совершенстве российского языка попечение восприимется».

Хотя это общество существовало недолго — лишь до 40-х годов XVIII века, идеи о необходимости издания трудов, способствовавших «процветанию российского слова», продолжали жить и находили конкретное воплощение в филологических сочинениях членов Российской Академии. Вокруг молодого учреждения сплотились наиболее талантливые, творчески активные деятели. Членами

Российской Академии были ученые и писатели XVIII и XIX веков: А. Х. Востоков, П. А. Вяземский, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, Д. И. Фонвизин и другие.

Трудов по теории прозы и поэзии в то время было недостаточно, и члены Российской Академии начали вести исследования этих проблем. Из ранних работ русских академиков заслуживает внимания Риторика Амвросия. Ее полное название следующее: Амвросий. Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося (М., 1778; изд. 2-е — 1791).

Амвросий [Серебренников или по некоторым источникам — Серебряков (1745—1792)] был екатеринославским архиепископом. В детстве он воспитывался в вятской семинарии, затем учился в Московской духовной академии, префектом (инспектором) которой был назначен в 1778 году. Амвросий прославился как один из выдающихся ораторов второй половины XVIII века, был известен также как писатель и переводчик. Им, в частности, был сделан перевод «Потерянного рая» Дж. Мильтона. Будучи членом Российской Академии, А. Серебренников был «рачительным соучастником в собраниях Академии».

Обращаясь к «любителям российского красноречия» в своем «Кратком руководстве к оратории», Амвросий писал: «Усердствуя общему наук российских благу, представляю любопытным сынам Отечества краткое сие руководство к оратории», понимая под ораторией «искусство преклонять словом других к своему намерению».

В области эстетических воззрений он не выходил за рамки канонов классицизма, и его книгу справедливо считают наиболее характерной риторикой Ломоносовской школы. Вообще Амвросий признавал произведения М. В. Ломоносова образцовыми и в своем руководстве за основу взял его риторику. В главе о доказательствах имя Ломоносова сближается с именем мудреца Соломона: Ломоносов-Соломонов. В Кратком руководстве те же части, что и в риторике Ломоносова; они определялись представлениями о том, что следует знать оратору: «Должность оратора состоит в изобретении, пристойном расположении или соединении, украшении и произношении мыслей своих». Однако, составляя свое руководство под влиянием учения о красноречии Ломоносова, Амвросий все же не шел по пути слепого подражательства.

В своих взглядах на чистоту слога, вопросы взаимоотношения церковнославянского и русского языков, автор придерживался теории В. К. Тредиаковского и придавал большое значение про-

блеме употребления слов и выражений. «Чистота штиля,— писал Амвросий,— требует чистых речений и употребительных выражений. Чистые речения суть те, которые всеми одобрены, вразумительны и употребляются в важных сочинениях лучших наших писателей. Одобренные всеми речения и выражения суть те, которые столичных городов лучшими лицами в общих разговорах употребляются.

Повреждают чистоту штиля речения грубые, невразумительные. Грубые речения и выражения суть те, которые странны ученому слуху и употребительны только между простым народом, которых сочинение противно общему паречию или грамматическим правилам, и которые из чистых речений новым образом или составляются или оканчиваются, напр., *швыряю*, т. е. *брожаю*; *притча* вместо *случая*; *получить убыток*, *потерять человека* вместо *убить*; *презирать* — кем вместо *кого*...

Но нет ничего противнее, как читать некоторые с иностранных сочинений переводы, в которых собственные оным языкам наречия, по незнанию переводчиков, в российский язык вносятся противу правил грамматических. Невразумительные речения бывают, которые или весьма древни, нововымышлены, в отменном значении положены или из иностранных языков заимствованы...»

Произведения авторитетных русских писателей Амвросий считал лучшей школой для выработки хорошего слога. Соединение церковнославянского языка с русским придает литературному языку «красоту и важность». Этим искусством в наибольшей степени, как считал автор, владел М. В. Ломоносов. В качестве примеров образцового красноречия Амвросий приводил его торжественные речи и стихотворения, а также отрывки из трагедий и од Сумарокова, поучительных слов Платона-архиепископа, «Московской академии полного директора», который считался одним из светил духовного красноречия екатерининской эпохи.

В «Кратком руководстве к оратории» нельзя не заметить одной особенности: в книге сочетается анализ русских сочинений XVIII века с образцами из риторик и речей греко-римской классики. Разбирая конкретные приемы ораторского искусства, автор должен был в каждом отдельном случае приводить и соответствующее правило. Как все составители риторик, Амвросий нередко ссылался на авторитеты древности. Однако условиям жизни русского общества XVIII века во многих случаях совершенно не соответствовали ни политические и правовые воззрения времен республиканского Рима, ни тот уклад гражданской жизни, который определял различия в развитии ораторского искусства Древнего Рима и России XVIII века. В некоторых случаях механическое совмещение прошлого с настоящим слишком уж очевидно,

Представления о неравенстве сословий являлись для автора пезыблемыми: право на панегирики принадлежит только «элите» общества, а не простому народу. «При похвале чяюв, управляющих республикою,— писал Амвросий,— можно иметь большую свободу мыслей, но менее великолепия; а особливо, если одному только говорится похвальное слово, то надлежит великую иметь осторожность, ибо весьма удобно можно оскорбить соправителей его; чего ради надобно пристойным образом и к их похвале обращаться слово... Впрочем, должно припомнить здесь правила о благоразумии»; «Лица бывают или знаменитыя или подлыя. Знаменитыя суть самовластные государи, в республиках чины или сенат, и прочие славные мужи. Подлых лиц хвалить почти не можно и не должно...»

Отмечая различия в формах правления, автор советовал в панегириках держаться золотой середины: важно «не показаться излишне ласкательным или до подлости раболепным, чего премногие писатели не наблюдают; но паче стараться наблюдать посредство между республиканскою вольностию и подданством раболепным». На это место читатели обращали особое внимание: для своего времени оно было смелым.

Как упоминалось выше, в отборе основного содержания «Краткого руководства к оратории» Амвросий придерживался риторики М. В. Ломоносова. Однако есть вопросы, которые разработаны автором по-другому. Так, у Ломоносова в жанре «разговоров» выделены три подвида: натуральные, ненатуральные и смешанные. В натуральных — между собой говорят люди; в ненатуральных — собеседниками оказываются звери или вещи; смешанный разговор происходит между человеком и животным.

Амвросий, обратив внимание на языковую форму жанра, делит разговоры на «исторические» и «комические» (это слово в XVIII веке употреблялось в значении «драматический»). Историческими автор называет такие произведения, в которых разговоры излагаются повествовательно. В комических «что-либо предлагается не повествовательно, а прямым словом».

Основное своеобразие Краткого руководства Амвросия и отличие от риторики Ломоносова заключалось, главным образом, в том, что оно содержало сведения по теории русской ораторской речи XVIII века. Амвросий выделял, например, такие жанры речей: похвальные, поносительные, жалобные, обличительные, повинные, просительные, поздравительные, надгробные и даже брачные.

Что касается теории жанровых форм речи, то, как известно, Амвросий не был первооткрывателем. Об этом писал достаточно и Ломоносов, но в своей Краткой (рукописной) риторике, а не

в печатной. В наставлениях же Амвросия обращает на себя внимание ориентация на разные виды и роды ораторской речи: «Речи суть малые сочинения по причине какого-либо происшествия или переменны к высшим или равным или подчиненным сказываемыя». Больше, чем у Ломоносова, в риторике Амвросия разработан раздел о качествах речи, в котором придавалось особое значение различиям в формах красноречия. «Не довольно, чтобы чистыя речения были употребляемы в слове; должно стараться,— писал автор,— дабы каждая вещь или материя пристойным образом была выражена».

«Чистота штиля», ясность речи, способы украшения периодов освещались и в прежних риториках. В руководстве же Амвросия дается весьма детальная разработка разнообразных приемов красноречия. Вот конкретный пример. Во все времена ораторы находили яркие краски в тонком приеме иронической насмешки. Амвросий демонстрирует пять разновидностей иронии: сарказм (ругательное посмеяние), диазирм (злая насмешка), хариентизм (веселая и притом язвительная шутка), миктиризм (шутка или насмешка, изображенная движением телесным), мимезис (подражание, когда пародируется чужая речь или голос, что нередко встречается в комедии).

Ораторское искусство неизменно находилось в центре внимания автора, поэтому теории произношения он придавал особое значение: «Произношение есть голоса и тела, по пристойности вещей и страстей, обращение»; «Вообще... должен оратор, вышед пред народ, не вдруг говорить, но несколько помолчать, дабы и слушателей сим возбудить, и самому с мыслями собраться»; «Вид лица должен быть прям, не пониклой... Обращение очей должно быть умеренно; не быстро, не весьма медленно или сурово... Вообще же очи должны быть вестниками души».

В своей ораторской практике Амвросий достиг совершенства. Современники считали его лучшим произведением «Последнее целование» — надгробное слово Г. А. Потемкину-Таврическому, с которым Амвросий был в дружеских отношениях. 13 октября 1791 года эта речь была произнесена в Яссах. Вот отрывок из нее: «...истинная скорбь чужда витийства... Соедините ваши сетования, вашу скорбь и слезы с моими... Прости, светлейший и любезнейший князь! Долго не перестанут искать тебя очи наши; долго не перестанут при искании том слезы проливать; долго и самое сердце почитать тебя потерянным; но мысли наши подобны ныне ручью, жестокою бурею возмущенному. Когда успокоятся, ты пакиобразишься в них ясно; и как видение тогда наше, так благодарность пребудут неизменны. Прости! и еще прости в последний раз». Это слово считалось «образцом трогательного крас-

поречия» и впоследствии неоднократно перепечатывалось и цитировалось в русской прессе и литературе.

А. П. Сумароков в статье «О Российском духовном красноречии» писал: «...Благодарности великие наши риторы достойны, что они, яко светлые звезды, в густом воссияли мраке». Сумароков ставил Амвросия в один ряд с Феофаном Прокоповичем, называя «отличным ритором», который «всеконечно достоин быти участником Феофановых и Платоновых лавров».

«Краткое руководство к оратории» было в свое время широко известно и популярно; многие места из этой книги использовались в последующих риториках. В частности, взгляды Амвросия на существовавшие «штилы» речи, жанры ораторских сочинений оказали определенное влияние на одного из замечательных деятелей Российской Академии — Ивана Степановича Рижского (статью о его риторике см. в одном из следующих номеров).

Л. К. ГРАУДИНА

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Полимербетон. Этим словом назван новый, устойчивый к коррозии материал. Слово *полимербетон* прозрачно по своему составу: *полимер* — греч. *polymērēs* (состоящий из многих частей, многообразный) и *бетон*. В то же время оно достаточно точно выражает состав нового материала, а по структуре может быть, видимо, поставлено в ряд аналогичных образований типа *железобетон*, *шлакобетон*. Вот что было написано в информа-

ции об этом материале, опубликованной в «Правде» (1983, 10 янв.): «К коррозии не боится. „Урожайным“ на высшие награды ВДНХ СССР оказался прошедший год для студентов и преподавателей Саратовского политехнического института. Золотой медали удостоена их разработка, завершившаяся созданием полимербетона, необычайно устойчивого к коррозии... новый материал состоит из обыкновенного цемента и отходов химического производства».

Напомним, что *цемент* — обобщенное название большой группы минеральных порошкообразных вяжущих материалов, применяемых при изготовлении бетона.

В. Д.

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРЫХ СЛОВ

Нива, жатва, страда

Эти слова издавна были связаны в представлении русских людей с профессией хлебороба и до сих пор обнаруживают тематическое родство: *нива* — это поле, возделанное для посева или засеянное хлебом, *жатва* — уборка хлебов с нивы, а *страда* — напряженная летняя работа на полях (косьба, жатва, уборка хлеба).

Известно, что значения слов могут изменяться, обогащаться новыми оттенками или устаревать и исчезать из языка. Названные слова, их «жизнеописание» — показательный пример того, как старые слова становятся вновь широко употребительными в современном языке.

Слово *нива* унаследовано русским языком из общеславянского; первоначальное его значение — «пашня, поле». В современных славянских языках — украинском, болгарском, чешском, польском и др. — сохранились его многочисленные родственники. Строки знакомых с детства стихов иллюстрируют употребление слова *нива* в его основном значении: «Когда волнуется желтеющая нива...» (Лермонтов); «На нивы желтые нисходит тишина...» (А. Толстой); «Нивы сжаты, рощи голы...» (Есенин).

Наряду со значением «поле, пашня» у слова *нива* отмечается современными толковыми словарями и переносное значение — «поприще, область деятельности» (см., например, Словарь русского языка в 4-х томах). Можно предположить, что это значение возникло еще в XIX веке не без влияния знаменитого стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям», где поэт обращается к сеятелям знания *на ниву народную*. Значение закрепилось первоначально в выражениях «нива народного образования», «нива просвещения». В наши дни *нива* в этом значении более свободно входит в сочетание с другими словами, однако в основном с определением (*нива* — чего или какая?), например: «То было брошенное в кинематографическую ниву семя, из которого потом высоко взметнутся

сильные побеги: Шукшин-писатель, Шукшин-режиссер, Шукшин-актер, поскольку он выступил как автор сценария, режиссер и актер» (Л. Куравлев. Как березы... — В кн.: О Шукшине). Это производное значение слова является переносным, так как оно не утратило живой связи со значением исходным. Не случайно в приведенном примере рядом со словом *нива* встречается тематически связанное с ним слово *семя* («брошенное в ... ниву семя»).

Родившееся в поэтической речи переносное значение сохраняет экспрессивную окраску возвышенности стиля, торжественности. Но употребление слова в этом же значении в обиходной речи придает разговору шуточный или иронический оттенок: «На какой ниве трудишься? — На медицинской» (из устной речи). Таким образом, экспрессивная окрашенность значения диктует свои условия: слово *нива* уместно в речи торжественной или нарочито сниженной.

И вряд ли следует считать удачным такое употребление, когда данное слово не может в должной степени проявить свои экспрессивные свойства. Вот примеры: «Когда я спросила у экономистов, работающих на ниве школьного питания, с чего начинается решение проблемы, они, не задумываясь, ответили: с упорядочения снабжения» (Неделя, 1983, № 15); «Где же все-таки искать основную причину многочисленных неувязок на ниве внедрения марикультуры?» (Сов. Россия, 1982, 17 авг.; марикультура — это система мероприятий по повышению эффективности использования моря: добычи рыбы, морских животных, растений).

Анализ современной разговорной речи и материалов периодической печати позволяет сделать вывод о том, что слово *нива* начинает употребляться в непривычном лексическом окружении, приобретая новые смысловые оттенки. *Нивой* стали называть не только поле, пашню, но и все то, что может дать человеку продукты питания. Например, *таежная нива* — тайга, где производится сбор грибов, ягод, орехов и т. д.: «Таежная нива по-прежнему богата и ягодами, и грибами, и травами» (Экономическая газета, 1981, № 3); *морская нива, голубая нива* — море, а также пруд или река, где осуществляется разведение и промысел рыбы: «Голубая нива Урала» (Сов. Россия, 1982, 2 сент.); «Пахарями моря называют работников рыбо-промыслового флота. Они призваны бережно использовать морскую „ниву“, поставлять к столу трудящихся разнообразные продукты» (Сов. Кубань, 1982, 25 сент.).

Заметим, что слово *нива* часто переносится в речь представителей разных профессий или используется для описания таких профессий не изолированно, а в сопровождении других «хлеборобских» слов и выражений — *урожай, кормовые угодья, страда* и т. д.: «„Урожай“ голубых нив можно увеличить...», «...естественные кор-

мовые угодья на голубых нивах сократятся» (Сов. Кубань, 1983, 30 янв.); «Страда па голубых нивах продолжается» (Сов. Кубань, 1982, 17 ноября).

Следует отметить и появление в современном речевом обиходе тавтологического по своей природе сочетания *хлебная нива* (то есть хлебное поле, засеянное хлебом): «На хлебных нивах Саратовской области завершается уборочная страда» (Сельская жизнь, 1982, 17 сент.); «По хлебной ниве медленно движутся комбайны...» (Сов. Россия, 1982, 10 авг.). По-видимому, такое сочетание — следствие расширения значения слова (напомним: *нива* — все то, что может дать урожай, продукты питания), когда говорящему необходимо конкретизировать, уточнить понятие, обозначенное словом: *хлебная нива* противопоставляется *ниве* — *таежной, морской, степной, голубой* и т. д.

Слово *жатва* по происхождению общеславянское (оно есть в болгарском, чешском, словацком и др. языках), его ближайший родственник в русском — глагол *жать*. «Словарь русского языка» в 4-х томах отмечает у слова *жатва* такие значения: 1. уборка хлебов серпами, косами или жатвенными машинами: «На гумнах везде, Как князья, скирды... Видит солянышко — Жатва кончена...» (Кольцов. Урожай); 2. сжатые хлеба, урожай: «Обильною жатвой паграждается... труд пахаря» (С. Аксаков. Семейная хроника). Первое значение имеет оттенок — «время уборки хлебов»: «Начало жатвы — пора беспокойная для механизаторов» (Всесоюзное радио, передача для работников сельского хозяйства, 1983, июнь). Некогда слово *жатва* обозначало еще и спелые хлеба на корню (ср.: «...И в зрелых жатвах круговины Глубоко врезали серпы...» — А. Фет. «Влачась в бездействии ленивом...»), однако теперь это значение воспринимается как архаизм, и в названном Словаре приводится с пометой «устарелое».

Таким образом, слово *жатва* издревле ассоциировалось с хлебом, с уборкой зерна с полей. В современной разговорной речи и в языке газеты компонент значения «уборка (урожай)» способствовал появлению новых сочетаний перифрастического характера: *ароматная жатва* — сбор урожая эфиромасличных культур, *сладкая жатва* — сбор винограда. Помимо этих сочетаний, зафиксированных в лексикографическом издании «Новое в русской лексике. Словарные материалы-79», можно указать еще и сочетания *вторая жатва* — уборка кукурузы на зерно (Правда, 1982, 11 сент.), *солнечная жатва* — уборка подсолнечника (Комсомолец Кубани, 1982, 11 сент.).

Широко употребляется в современной прессе и сочетание *белая жатва*. В центральной печати это сочетание обычно используется в значении «уборка хлопка»: «В нынешнем году хлопкоро-

бы Бардинского района намерены перекрыть рекорды „белой жатвы“—77, дать стране более 65 тысяч тонн сырца» (Известия, 1978, 20 февр.). Именно в этом значении сочетание отмечено «Словарными материалами—78». Однако у сочетания *белая жатва* есть и региональные (местные) значения. Так, на Кубани, которая стала крупнейшим рисосеющим районом РСФСР, оно употребляется уже в ином значении — «уборка риса». Подобное значение складывалось, по-видимому, под влиянием следующих речевых штампов: *рис* — белое зерно, *жатва риса* — жатва белого зерна, или *белая жатва*.

Еще В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» поместил сведения о переносном употреблении слова *жатва* — «получение каких-либо вещественных или духовных выгод». В современных толковых словарях подобное употреблению не получило отражения. Однако в устной и письменной речи встречаются выражения типа *хоккейная жатва* (о завершении хоккейного сезона — в речи комментатора радио), *музыкальная жатва* (о IV фестивале советской музыки «Московская осень» — Правда, 1982, 17 окт.). Вероятно, рано делать выводы о том, что у слова *жатва* появилось новое значение — «пора подведения итогов в какой-либо области деятельности». Однако то, что в последнее время это слово активно вовлекается в новые, непривычные сочетания, — факт, заслуживающий внимания лексикографов.

Слово *страда*, как и два предыдущих, возникло в общеславянском языке и имело значение «работа, нужда». Это слово сохранилось в русском языке в значении «сенокос, жатва, тяжелая работа». В славянских же языках (болгарском, чешском, польском и др.) оно ушло из активного запаса словаря, дав жизнь глаголу *страдать* — «испытывать душевные и физические муки».

В современном русском языке слово *страда* выступает как синоним к *жатва*, однако первое слово обладает более широким значением. Страдой называют уборку не только хлеба, но и других сельскохозяйственных культур: *хлебная страда*, *овощная страда*, *рисовая страда*, *хлопковая страда* и т. п., а также всякую напряженную работу на полях: *весенняя страда*, *посевная страда*, *летняя страда*, *уборочная страда*, *осенняя страда*, *виноградная страда*, *страда свекловодов* и т. п., на других участках сельскохозяйственного производства: *ремонтная страда* — о ремонте сельскохозяйственной техники, *страда у стригалей* и др.

Представление о страде в языковом сознании современного человека связывается не только со «страдой деревенской», у этого слова есть и переносное значение. Страдой называют всякую напряженную работу, деятельность, а также время, пору такой деятельности: *боевая страда*, *экзаменационная страда*, *заводская стра-*

да (о некоторых употреблениях слова *страда* можно прочесть в статье Алексея Маркова «Радость через страдание». — Русская речь, 1971, № 2).

Как и *жатва*, слово *страда* в современной русской речи все чаще употребляется в составе перифрастических сочетаний с цветowymi прилагательными: *зеленая страда* — напряженная пора во время ухода за овощами, их уборки (Словарные материалы-77); *белая страда* — уборка хлопка (Словарные материалы-79) и уборка риса: «Ритмы белой страды» (Комсомолец Кубани, 1982, 21 септ.); *яитарная страда* — уборка винограда («яитарных гроздьев»). Возможно, что подобные сочетания появились по аналогии с *белой жатвой*, поскольку основной элемент их содержания — «уборка (урожая)».

Таким образом, старые «хлеборобские» слова *нива*, *жатва*, *страда* входят в словарь современного русского языка как его активные долгожители. В современных художественно-публицистических произведениях они все чаще встречаются в сочетаниях, ранее языку не известных. Это свидетельствует о появлении в них новых смысловых оттенков. Сочетания типа *голубая нива*, *нива просвещения*, *зеленая жатва*, *сладкая жатва*, *белая страда* уже утратили первоначальную образность, стали шаблонными. Однако сфера их употребления по-прежнему ограничена: вполне уместные в газетной публицистике, в языке радио, они в обиходно-бытовой речи воспринимаются как инородные элементы.

Л. А. ЛЕБЕДЕВА
Краснодар

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как стилистически правильно писать: *его фамилия занесена в Книгу почета комбината или тов. Иванов Г. И. занесен в Книгу почета комбината, его фотография занесена на городскую Доску почета или тов. Иванов Г. И. занесен на городскую Доску почета?*»

Н. В. Андрианова, Череповец

Правильными вариантами являются следующие: *его имя (фамилия) занесено в Книгу почета и его фотография помещена на городскую Доску почета*».

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИЗНОШЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

известно, что основой для изучения истории языка являются письменные памятники. Исследователь, предпринявший попытку фонетической реконструкции того или иного говора, прежде всего имеет дело с орфографией древнего текста. Это важнейший источник, на который опирается историк языка при решении подобной задачи, так как только через приз-

му орфографии можно судить об особенностях живого произношения в определенную эпоху. Особую значимость при этом приобретает характер изучаемых источников: не всякие древние тексты могут дать необходимый материал.

Наибольший интерес при изучении произношения представляет деловая письменность: ее данные по своему содержанию шире, чем другие источники, а по языку близки к народной речи, хотя и содержат обязательные канцелярские формулы-трафареты, кочевавшие из документа в документ. «Памятники московской деловой письменности XVIII века» (М., 1981) включают в себя более трехсот различных документов: письма частного и делового характера, написанные московскими жителями того времени, сказки об имущественном состоянии, о торговле и др., фрагменты судебных дел, допросы, ответы, челобитные.

Наибольшую ценность для изучения фонетики представляют частные письма, авторы которых не были профессиональными

писцами, а просто владели грамотой — кто лучше, кто хуже. Письма, не предназначенные для широкого круга читателей (к родственникам, друзьям), написаны более свободно по отношению к обязательным формулам и правилам орфографии, чем, например, бумаги официально-делового содержания. Поэтому в материалах частной переписки чаще всего можно наблюдать проявления устной речи москвичей того времени.

Надо заметить, что в ту эпоху вообще существовала известная свобода в русском правописании. Г. О. Винокур писал: «Рукописная орфография XVII—XVIII вв. отличается крайней пестротой и дает богатый материал для суждения о живом произношении этой эпохи» (Избранные работы по русскому языку. М., 1959).

В подтверждение этих слов можно привести многочисленные примеры из «Памятников московской деловой письменности XVIII века»: «...опи были *скушны...*»; «За *письмо* ваше многа батюшка братецъ благодарствую и *сердешна* радуюсь...»; «и радуюсь *сердечно...*»; «...на возвратном нашемъ пути *съпускаюся* з горы у Хаткова монастыря, *лошеди* уронили кибитку... не *полагаюся* на судьбу, но елико можно *стараюся* избегнуть от всякаго случая. А всего *лутче* бы ты не ездил...»; «Я *удивляюся...*»; «...вы *обещалися...*»; «...*съезди къ дохтору...*»; «...*баушки* и *матушки*»; «*бабушки* и *матушки*»; и такие написания: *серца* и *сердце*, *извесно* и *известна*, *невеска*, *Яуских* ворот, *Арбацких* ворот, *объ ефтажъ*, *если*, *пондравитца*, *евдакомъ*, *въ евтомъ*.

В свое время Н. М. Карамзин писал в «Записке о древней и новой России»: «В целом государстве едва ли найдешь человек сто, которые совершенно знают правописание» (цитируется по кн.: Филологические разыскания Я. Грота. СПб., 1899). С точки зрения лингвиста, написания, содержащие «ошибки» и варианты, очень ценны, ибо, взятые вместе, они более или менее проясняют картину устной речи в Москве XVIII века, отражая диалектные особенности и фонетические процессы, происходящие в языке той эпохи.

Достаточно яркое отражение произношения в правописании дает возможность проследить по московским деловым документам XVIII века те языковые черты, которые впоследствии будут определены в специальной литературе как «старомосковское произношение», ставшее с образованием русского литературного языка на долгое время орфоэпической нормой. Поскольку в короткой статье невозможно описать все особенности московского произношения XVIII века, остановимся только на некоторых из них, наиболее ярко отразившихся в орфографии «Памятников московской деловой письменности XVIII века».

старомосковское произношение подробно описано Д. Н. Ушаковым в предисловии к «Толковому словарю русского языка». Позднее эти материалы были опубликованы в статье «Московское произношение» (см.: Русская речь, 1968, № 2). Д. Н. Ушаков, в частности, писал, что старомосковское произношение характеризовалось мягкостью зубных согласных *д*, *т*,

с, *з*, *н*, а также *р* и *ф* перед мягкими согласными; указывал он и на твердое произношение *с* в глагольных окончаниях, которые пишутся *-сь*, *-ся* (кроме *с* в деепричастиях с ударением на конце слова: *бойсь*); в причастиях, отмечал Д. Н. Ушаков, одинаково допустимо и *-са* и *-ся*.

В текстах «Памятников» обнаружено более ста пятидесяти форм возвратных глаголов в различных орфографических вариантах: *-са*, *-ся*, *-сь*, *-сь*. Двойное написание этих форм позволяет говорить о том, что в живой речи москвичей того времени звучал твердый *с* — *-са*, *-сь*. Сразу же необходимо сделать оговорку, что ведущим показателем при определении качества согласного *с* на конце глагольных форм является следующий за ним гласный полного образования, а не *ъ* или *ь*.

Вот примеры написания *-са*: *сабиралса*, *старалса*, *атправляласа*, *уговорилса*, *явилса*, *приготовляяса*, *ползуяса*, *справса*, *боряса*, *не прогневаиса*, *постарайса*, *кланейса*, *полагаиса*, *спускаяса*, *кормилса*, *женилса*, *записалса*, *поклонилса*, *взяласа*. Ср. немногие орфографически правильные написания: *удивляюся*, *гажуся*, *выбираемся*, *не сподобилося*.

А это примеры с написанием *-сь*: *опасаюсь*, *полагаюсь*, *остаюсь*, *утешаюсь*, *бажусь*, *радуюсь*, *не согласитесь*, *признаюсь*, *сумневаюсь*, *возвращаюсь*, *удивляюсь*, *не ошибусь*, *отправляюсь*, *боюсь*; орфографически правильные написания: *боюсь*, *отрекусь*, *полагаюсь*, *нахожусь*. Приведенные примеры отражают форму настоящего времени.

То же явление наблюдается в глаголах прошедшего времени: *лишились*, *простирались*, *обратилось*, *удалось*, *остановилось*, *стеклись*, *миновалась*, *апознались*, *имелось*, *загорелась*, *не причлось*, *отдалились*; и орфографически правильные написания: *показалось*, *записались*, *не явились*; преобладает *-сь* в деепричастиях и в немногих встретившихся повелительных формах глагола: *не соглашайтесь*, *не бранись*, *сложась*, *сменясь*, *не трудись*, *объяснись*, *изъяснись*, *торопясь*, *поклонись*, *возвратясь*.

ски восстали...» (Ода на день восшествия... 1747 года). В комедии писателя XVIII века В. И. Лукина «Щепетильник» встречается персонаж по фамилии *Верхоглядов*.

В XIX веке данная произносительная особенность еще имела место. В этом смысле любопытными оказались ранее неизвестные письма сестер Гончаровых, опубликованные в книге И. М. Ободовской и М. А. Дементьева «Вокруг Пушкина». В тех немногих строчках, которые написаны Натальей, Екатериной и Александрой Гончаровыми по-русски, авторы книги сохранили старую орфографию. В этих крупницах, разбросанных по письмам, можно «услышать» особенности произношения девушек начала XIX века, получивших воспитание и образование в Москве: «Ей-богу, как *первое* число приходит, так и теребют»; «Ездили мы несколько раз *верьхом*»; «...в прочем ето излишнее главное *верховья* платья»; «Пожалуйста не откажи нам дать денег для *верховых* платьев...»

Думается, что эта повторяющаяся орфографическая «ошибка» является лишним свидетельством того, что *р* мягкое было неотъемлемой чертой московской речи того времени и образцом литературного произношения.

В современном литературном произношении отмеченные для московской речи XVIII века черты проявляются непоследовательно. Объяснением этому служит нормативное правописание, которое влияет на произношение. Известно, что в современной речи нередко укрепляются те произносительные варианты, которые обусловлены правописанием.

Н. А. ВОЛКОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как нужно написать словосочетания *Всесоюзная вахта памяти* и *Вечный огонь славы*?»

В. К. Гурко, Ставропольский край

В сочетаниях *Всесоюзная вахта памяти* и *Вечный огонь славы* с заглавной буквы пишется только первое слово.

■

«С каким ударением надо произносить слово *правнук*?»

А. Ф. Соломатин, Пенза

В слове *п^равнук* ударение на первом слоге.

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ?

Раздел ведет доктор филологических наук
А. А. БРАГИНА

МОДА И РЕЧЬ

О чем только не говорят в связи с модой: о живописи, интерьере, архитектуре, музыке, истории (и не только истории костюма), о вкусах, о профессиях... А вот о языке — о нашей речи — в этой связи как-то забывается...

Однако перейдем к конкретной ситуации. А. П. Чехов «Дама с собачкой»: «...на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой... молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиц». Это Анна Сергеевна. Дмитрий Дмитриевич Гуров еще с нею не знаком. И вот он видит ее впервые: «Ее выражение, походка, платье, прическа говорили ему, что она из порядочного общества, замужем, в Ялте в первый раз...»

Вот видите, как много может рассказать только внешний вид человека. А наша речь еще больше расскажет о нас самих.

Известный писатель и ревнитель родной речи Корней Иванович Чуковский в книге «Живой как жизнь» вспомнил такой случай. Он услышал, как какая-то «дама с собачкой» говорила своему псу: «Ляжь!» И подумал Корней Иванович: Гуров, конечно, не мог бы влюбиться в Анну Сергеевну и даже вряд ли начал с нею разговор, если бы она сказала своему шпицу *Ляжь!* Действительно, вряд ли...

А теперь еще одна ситуация из газетного фельетона: «Граждане, *просуньтесь* вперед! — весело сказала на днях водитель трамвая в фирменных джинсах и модной прическе. И звонко добавила: — Не *грудите*сь на самой *середке!*» (Правда, 1983, 5 септ.),

И вот, задумавшись над речью, вернее «речевым образом», «речевым портретом», зайдем в магазин тканей или в магазин обуви, готового платья или в Дом мод и послушаем, что и как (особенно как?) говорят увлеченные покупательницы и покупатели.

Мы в магазине готовой одежды.

— Ну *вешай* же, *вешай* свой плащ и примерь этот *пиджак*, — говорит уверенно мама своей юной дочке. Девочка держит в руках плащ. Но что она должна все же примерить: *пиджак* или *жакет*?

— *Обвернись* ко мне спиной. Пуговицы *застегай*, все *застегай*. Ну вот, это хорошо.

Что же *делала* девочка во время примерки: *обвернулась* (но во что?), *повернулась* (в какую сторону? к кому?), *обернулась* (в какую сторону? как?). А пуговицы она *застегивала* и *застегнула*? Чтобы ее поторопить, мать должна была бы сказать...

А как правильно образовать форму повелительного наклонения от глаголов *застегивать* и *застегнуть*?

Девочка загляделась на платье в витрине.

— Какое красивое платье с кружавчиками...

— *Кружавчики!* С *кру-у-жевами*... — Это уже реагирует покупательница в нарядной кружевной блузке.

— С *кружевом*, — откликается девушка. Она тоже загляделась на платье. А девочка растерялась: — Как сказать? *Кружавчики* почему-то нельзя... *Кружева*... *Кружево*... Как сказать все-таки? Но ее уже зовут.

— Пошли. Нам еще в трикотаж: *полувёр* тебе купить. И в *обувный*, а то опять без *туфлёр* останешься. Эти совсем растоптала, вон правый *туфель* с ноги валится — потеряешь.

— А я, как Золушка, *туфельку* потеряю, — смеется девочка. — И *вдруг* задумалась. В сказке-то *туфелька*, *туфля*, не *туфель*.

А как правильно — *туфля* или *туфля*?

Как хорошо, что вспомнила и задумалась. Давайте сейчас все вместе подумаем: правильно ли мы говорим?

Ответы на все вопросы смотрите на стр. 160 журнала.

ОРИЕНТИРЫ ГАЗЕТНОГО НОМЕРА

Способными путеводителями для читателей газеты являются названия рубрик, заголовки статей, заметок, подзаголовки, врезки. Они привлекают внимание читателя, информируют его о теме публикаций. В современной газете выработалась четкая система рубрикации материалов, сложились модели заголовочных конструкций, их размещения. И каждая газета решает эти проблемы по-своему, в зависимости от ее типа, с учетом адресата, интересов определенного читателя.

Для лучшей ориентации в газетном номере публикации группируются в тематические подборки. Газеты имеют свои постоянные и сменные рубрики, которые определяют главные направления издания. В «Правде», например, выделяются такие: По Стране Советов; Доблесть идущих впереди; Адреса свершений; Человек и его работа; След на земле; Международная информация и др.; в «Ленинградской правде»: Страна на марше пятилетки; Как выполняются сообразительства; Сфере услуг — строгий контроль; Как дела, депутат?; в «Смене» (Ленинград): Наука на переднем крае; Мой труд волеется в труд моей республики.

Рубрики должны привлекать внимание читателя, они не должны иметь стандартных или нечетких формулировок. Если рубрика сигнализирует об общем направлении помещенных под ней публикаций, то заголовок называет тему конкретного материала, а с помощью подзаголовков можно подчеркнуть наиболее важные моменты. Под заголовком или под рубрикой может помещаться врезка,

обычно сжато информирующая о поводе для публикации. Так, в «Правде» (1983, 11 янв.) под заголовком «Командовал „Авророй“» дана рубрика «Далекое — близкое», ниже рубрики — врезка:

«В двадцатом томе Большой Советской Энциклопедии значится шесть Поленовых. Однофамильцы? Нет, все связаны родственными узами. Русский историк, академик-медик, художник, историк и библиограф, металлург, график — все шестеро Поленовых верно служили Отчизне. Наш рассказ — еще об одном Поленове из этой замечательной династии. О первом красном командире легендарного крейсера „Аврора“».

Врезка набрана полужирным шрифтом и отделена от основного текста, который в соответствии с названием всего материала начинается так: «На вечную стоянку у Петроградской набережной поставлен легендарный крейсер „Аврора“».

*

Заголовок должен не просто назвать, обозначить тему, он должен сообщить о факте, событии, формировать отношение к нему, передавать авторскую позицию. В настоящее время газеты располагают большим количеством структурных моделей заголовков и приемами их лексико-фразеологического выражения; среди них явно преобладают безглагольные конструкции. Очень редко в качестве заголовка используются многословные построения и сложные предложения. И дело, очевидно, не только в том, что они занимают много места на газетной полосе и требуют больше усилий при чтении, а в том, что они более расплывчаты, менее экспрессивны, в них трудно подчеркнуть главное. Поэтому среди заголовков-предложений чаще всего встречаются двусоставные: «Формируется комплекс» (Ленингр. правда, 1982, 8 дек.); «Рождается отрасль», «Уходят в море суда» (Правда, 1982, 3 дек.). Такие названия кратки, выразительны, легко воспринимаются читателями.

Из сложных предложений используются те, которые имеют четкое деление на две части: «Там, где течет Свирь» (Ленингр. правда, 1982, 8 дек.); «Там, где остановилось время» (Правда, 1983, 16 янв.). Однако их структурная четкость, свободное употребление при описании различных явлений приводит к частому использованию, превращению в стереотипные, штампованные заглавия. Стали штампами, например, заголовки типа *Цехком. Каким ему быть?* Передко в функции газетных заголовков используются и парцелированные части предложений, получающие самостоятельное значение: «Когда настала полярная почь» (Правда, 1982, 8 дек.); «Хотя завод и небольшой» (Правда, 1983, 14 янв.); «Когда „молния“ молчит...» (Смена, 1983, 19 янв.).

Вместе с тем однословные конструкции для газетных заголовков — явление тоже не характерное, так как они не обладают необходимой информационной насыщенностью: *Участливость*; *Зрелость*; *Трасса*; *Волжане*; *Спайка*. Но соединенные союзом двухсловные конструкции, имея в своей основе сопоставление, соединение или противопоставление, могут сказать читателю уже значительно больше: «Человек и экономика» (Правда, 1982, 7 дек.); «Писатель и время» (Правда, 1981, 9 июня); «Дружба и интернационализм» (Ленингр. правда, 1982, 21 дек.); «Финансисты и стройка» (Правда, 1983, 19 янв.).

Чаще всего в качестве заголовков выступают различные типы словосочетаний, которые приобрели в газете самостоятельное значение: *Острые разногласия*; *Опасная директива*; *Резкое осуждение*; *По закону совести*; *Ритм созидания*; *С уверенностью в будущем*; *При зимних звездах*.

Привлекают внимание читателя распространенные в современных газетах заглавия: «Индия: шаги энергетики», «Ливан: напряженность сохраняется» (Правда, 1982, 27 ноября); «Ленинградская правда»: «Чили: нарастает борьба масс» (1983, 18 янв.); «Социализм: реальные права человека» (1982, 11 дек.); «Динамо: только победы!» (1982, 21 дек.). Здесь к первой части после паузы, обозначенной двоеточием, присоединяется главная в смысловом отношении часть. Такие заголовки четки, информативны, обладают деловой тональностью. Немаловажно и то, что они дают возможность полнее использовать графическое оформление названия: первая и вторая части набираются разным шрифтом, иногда имеют разное расположение и т. д. Сами по себе достаточно выразительные, они становятся точнее, дополняют рубрику. Так, под рубрикой «Америка без грима» дан заголовок «Насилие: с экрана в жизнь» (Правда, 1983, 10 янв.), вносящий дополнительную информацию.

*

Конечно, невозможно рассмотреть и даже перечислить все многообразие типов газетных заголовков, тем более, что для одних читателей привлекающей внимание оказывается форма, для других — ее лексико-фразеологическое выражение, для третьих — и то, и другое. Стилистически значимы, например, восклицательные и вопросительные предложения, особенно с обращениями: «Кто за лидером?», «Как трехмерен этот мир!» (Смена, 1982, 24 дек.); «Расти, бригада!», «До встречи, футболинок!» (Смена, 1983, 15 янв.); «Браво, „Спартак“!» (Ленингр. правда, 1983, 19 янв.); «Вот так-то, Вирджиния!» (Правда, 1983, 1 янв.); «Какую позицию занимаешь?» (Правда, 1983, 16 янв.). Большой заряд экспрессии несут широко

распространенные инфинитивные конструкции, побудительные предложения, рассчитанные на воздействие, на соучастие. Вот примеры из газеты «Правда»: «Давайте сверим часы» (1983, 7 янв.); «Ядерную войну — вне закона!» (1982, 7 дек.); «Ядерному оружию — решительное «нет!» (1983, 4 янв.).

Для читателя важны, естественно, не только структура названия, но и его содержание. В заголовках широко используются переносное употребление слов, особенно терминов, оценочная лексика, необычное словообразование, смысловые контрасты и т. д.: «Эстафета деловитости» (Ленингр. правда, 1982, 25 дек.); «Спрос и... рассуждения» (Соц. индустрия, 1983, 18 янв.); «„Капли“ каменного дождя» (Ленингр. правда, 1982, 15 дек.); «Не любой ценой» (Правда, 1983, 14 янв.); «Эффект „холодного“ тепла» (Смена, 1983, 20 янв.); «Огурец в разрезе» (Правда, 1983, 20 янв.); «Шароном покажи» (Правда, 1983, 16 февр.).

Такие заголовки заинтересовывают читателя. Но экспрессивные элементы не должны противоречить содержанию материала, его жанру. Иногда попытки обновить заголовок, привлечь к нему внимание, оборачиваются ошибками, неудачами. Необычное использование слов, даже взятых в кавычки, не освобождает журналиста от решения вопроса об их уместности, о соответствии контексту тех ассоциаций, которые они вызывают. Так, не соответствует содержанию заголовков «На блины... к ЭВМ» (Комс. правда, 1983, 6 февр.), предпосланный заметке о всесоюзном семинаре студентов-радиолобителей. Не реализует ни смыслового, ни экспрессивного содержания известный афоризм, использованный для материала о свойствах женьшеня: «Зри в корень» (Комс. правда, 1982, 11 сент.).

Не совсем отвечает теме, многозначен заголовок репортажей «Потери у газетного стенда» (Сов. Россия, 1983, 20 февр., 1 марта), в которых речь идет о том, что в некоторых городах мало газетных стендов, особенно шестиполосных, поэтому две полосы просто выбрасывают. Двусмысленно звучит заголовок «Поиск новатора» (Соц. индустрия, 1983, 7 апр.), который может означать: новатор ведет поиск или ищут самого новатора. Не однозначен и заголовок «Испытывают трубы» (Известия, 1983, 7 апр.).

Попытка оживить заголовок, придать ему некоторую рекламность, необходимую в пропаганде, приводит к использованию индивидуальных метафор, включению разговорных слов, созданию необычных словосочетаний. Но не всегда такие заголовки сохраняют информативность, ясность, смысловую точность, стилевую специфику.

При анализе газетных заголовков, рубрик, других названий бросается в глаза встречающаяся иногда их лексическая, синтаксическая (структурная) и оформительская однотипность. Бывает, на-

пример, повтор слов: *Всегда в поиске; Идет поиск сырья; Поиски, находки...* И все это в одном номере газеты. Назойливым бывает такой графический прием, как кавычки (причем не всегда обоснованные). Например: «Джинсовое» дело; Из Москвы с «пятеркой»; «Спутник» приглашает; Сольются «картонные» реки (речь идет именно о производстве картона, поэтому закавычивание этого слова совсем непонятно).

В газете должны преобладать заголовки, привлекающие внимание читателя информативностью, точностью содержания. Соотношение в каждой газете разных моделей заголовков, очевидно, должно решаться по-разному, с учетом типа газеты и интересов ее читателей. Рубрики, заголовки, подзаголовки, врезки помогают читателю выбирать материалы, наиболее заслуживающие его внимания. И они должны быть настоящими ориентирами, своеобразными сигналами на газетной полосе.

Л. И. ЖИТЕНЕВА
Ленинград

СРЕДИ КНИГ

А. И. Горшков.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В науке о языке нет еще единого определения понятия «литературный язык». Многим представляется спорным даже само его существование. Автор книги «Теоретические основы истории русского литературного языка» (М.: Наука, 1983) А. И. Горшков доказывает, что литературный язык — объект вполне самостоятель-

ного изучения. В связи с этим в книге выделены наиболее важные вопросы и для науки о русском литературном языке, и для понимания самого литературного языка. Критически анализируя ряд определений, А. И. Горшков считает, что литературный язык — это язык нормативный, обработанный писателями (или, как говорил М. Горький, «обработанный мастерами»), обладающий стилевой дифференциацией и обязательный для всех членов данного национального коллектива, стабильный и традиционный.

Нормативный язык — это язык, выработавший свои законы словоизменения и словоупотребления, свои нормы. Однако выбор тех или иных слов для выражения мыслей и чувств во многом зависит и от

ситуации, от языкового вкуса говорящего или пишущего. Это и обуславливает стилевую дифференциацию (ситуация строго деловая, официальная, дружеский разговор, художественное изложение и т. д.). Нормы стабильны только для определенного периода. Они меняются, сохраняя при этом общую тенденцию в развитии данного языка. Тенденция связана с происхождением и формированием языка, с его историей и общей традицией.

В науке о русском литературном языке существует много нерешенных и спорных вопросов.

Полагают, что наш литературный язык развивался в разные периоды на разных основах, и соответственно выделяют «старый» язык (до XVII в.) и «новый» (после XVII в.). Одни ученые (А. А. Шахматов и его последователи) «старый» язык связывают с «обрусением» церковнославянского языка (церковнославянская основа). Другие (С. П. Обнорский и его последователи) настаивают на русской основе литературного языка, в который проникают церковнославянские элементы. Тем самым признается в древней Руси двуязычие: русский (разговорный, обиходный) и церковнославянский (литературный).

Существует и более компромиссная точка зрения: русский (разговорный, обиходный) и русский (литературный), а второй литературный язык — церковнославянский.

А. И. Горшков убедительно отстаивает непрерывность развития единого литературного языка, хотя и существовавшего в двух разновидностях: книжной и разговорной.

В споре об основе (или основах) русского литературного языка изучение конкретного языкового материала обычно ограничивается лексикой. По подсчетам одних ученых, старославянизмы в русских текстах составляют 60—70 процентов, по подсчетам других — 3—4. Столь резкое расхождение вызвано тем, что до сих пор не учитывалась степень активного усвоения заимствованных слов (не признаем же мы теперь чужими такие слова, как *яблоко*, *картофель*, *капуста*?). Обычно не принимались во внимание социальный и функциональный аспекты заимствований. Один лишь генетический принцип (происхождение) искажал реальную языковую картину: не позволял учесть живое употребление слов, их новое осмысление в заимствующем языке. Простой подсчет старославянизмов без учета их функции в русском тексте приводил к выводу о церковнославянской основе русского литературного языка.

Еще одно справедливое критическое замечание автора книги. Чисто количественное изучение языка приводит к тому, что русский литературный язык представляется искусственным: он рассматривается как соединение старославянизмов, заимствований из западноевропейских языков и школьной грамматики (с ее созданными правилами). На самом же деле, слово живет в языке, проявляя свое значение и обогащаясь новыми осмыслениями: возникают полисемия (многозначность), новые синонимические связи и т. п. Создаются условия для обработки языка мастерами. Все более дает о себе знать худо-

жественная литература в развитии русского литературного языка. Сама же специфика развивающейся русской литературы позволяет автору с достаточной четкостью провести периодизацию в развитии русского литературного языка, наметить границу между донациональным и национальным периодами.

В донациональный период деловой язык (исконно русский, как и разговорный) вливался живой струей в литературные тексты. В национальный период деловой язык все более «застывает» в сформировавшихся штампах. А в развивающейся художественной литературе выделяется замысел ее творца (обработка языка мастером). Тем самым термин «литературный язык» наполняется глубоким смыслом; язык подвергается воздействию художественной литературы.

А. И. Горшков особо выделяет роль литературы в жизни общества, в развитии его культуры. Теоретическое положение об историческом (не чисто генетическом) и филологическом изучении языка имеет большую практическую ценность. Уже в начале прошлого века раздавались голоса о том,

что «классическая словесность есть приготовление к деловой» (Магницкий М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. СПб., 1835).

В книге А. И. Горшкова освещаются проблемы становления и развития литературного языка, исследуются проблемы истории языка и истории стилистики, взаимоотношения разных языковых пластов, разговорного и литературного, письменного и устного, диалектов и единого, территориально не разобщенного литературного языка, его периодизация.

Книга А. И. Горшкова посвящена теории литературного языка. Это специальное научное исследование. Но одновременно эту книгу с интересом прочтут и неспециалисты. В ней нет терминологического «барьера», обычно отчуждающего читателя от научной языковедческой литературы. Книга эта привлекает и серьезным анализом теоретических основ истории русского литературного языка, и практической заботой о воспитании сознательного отношения к родному языку.

А. А. БРАГИНА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Где поставить ударение в слове *подростковый*?»

В. А. Королев, Москва

В слове *подростковый* ударение падает на второй слог: *подрѳстковый*. Ударение *подрѳсткѳвый*, распространенное в бытовой речи, не считается литературным.

Алексей
Александрович
ШАХМАТОВ
1864—1920

5 июня 1984 года исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося русского ученого — лингвиста, историка, фольклориста, этнографа — академика Алексея Александровича Шахматова. Его имя и труды известны каждому, кого интересует история, языки, культура и быт славянства (статью о жизни и научно-исследовательской деятельности А. А. Шахматова см.: Русская речь, 1970, № 6). Начав еще в раннем детстве изучать историю, мальчик Алексей Шахматов вскоре основательно увлекся языкознанием. И в его дальнейшем научном творчестве навсегда неразрывно соединились исследования по истории и языкам славян.

Осмыслив и восприняв все лучшее, что было создано учеными-языковедами России XIX века, в том числе такими, как А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. А. Потебня и в особенности его непосредственный учитель Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов своими трудами оказал огромное влияние на развитие русского и славянского языкознания. Вместе с другими выдающимися отечественными лингвистами он заложил основы русского сравнительно-исторического языкознания XX века.

Вслед за Ф. Ф. Фортунатовым ученый неразрывно связал историю восточнославянских языков с историей народов. В результате исследования летописей, многочисленных памятников древней письменности А. А. Шахматов сумел создать свою концепцию прародины славян, весьма

детально обосновал хронологию распада общеславянского единства, воссоздал так, как это ему представлялось, историю формирования восточнославянских языков. Пусть не все в этих гипотезах принято современной наукой, но труды А. А. Шахматова, по словам Ф. П. Филина, являются крупнейшим вкладом в русскую лингвистику.

Высокий уровень советской диалектологии в немалой степени обусловлен ролью, которую сыграл А. А. Шахматов в развитии этой науки в России. Ученым была окончательно оформлена историческая диалектология как особая отрасль лингвистики, заложенная трудами И. И. Срезневского, А. А. Потебни, А. И. Соболевского. В работах А. А. Шахматова получила освещение еще одна молодая в то время наука — историческая этнография, по происхождению тесно связанная с диалектологией.

Научно-организационная деятельность А. А. Шахматова способствовала массовому изучению русских говоров. По инициативе А. Ф. Бычкова и А. А. Шахматова и под их редакцией с 1896 года начали систематически (4—6 томов в год) выходить «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», а также специальные диалектологические приложения к ним. А. А. Шахматов стоял у истоков создания Московской диалектологической комиссии, которая благодаря его заботам получила материальные средства для организации широких исследований.

Лексикографические труды А. А. Шахматова также стали особой вехой в его научном творчестве и в русской лексикографии вообще: им были не только выработаны, но и воплощены в жизнь совершенно новые принципы создания словаря современного русского языка как словаря-тезауруса, вобравшего в себя богатства живого языка.

Впервые в отечественной науке А. А. Шахматов начал изучать летописи как филолог. Различные своды, варианты летописных текстов стали для него фактами не только истории, но и языка и литературы. Данные сравнительно-исторического изучения языкового материала были успешно применены учебным и для создания истории русского летописания, восстановления исконных летописных текстов, установления их взаимосвязи и времени появления. В результате этого в 1916 году был опубликован беспримерный по трудоемкости труд — реконструированный А. А. Шахматовым сводный текст «Повести временных лет». О том, как точны были шахматовские приемы

восстановления исконного варианта, свидетельствует такой факт. В процессе изучения Ростовской летописи ученый чисто теоретически предсказал существование в прошлом двух сводов летописи, и эта гипотеза полностью подтвердилась: Новгородский свод 1539 г. и Московский 1479 г. вскоре были найдены им в Публичной библиотеке Петербурга.

Большую роль играл А. А. Шахматов в организации научных исследований по славистике. Будучи членом, а затем председателем Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), А. А. Шахматов формировал вокруг него лучшие научные силы России и других славянских стран. При его содействии Отделение оказывало большую как научную, так и материальную поддержку славистам разных стран. Ученый щедро делился своими научными идеями, творческими планами со всеми, в ком видел интерес к занятиям лингвистической наукой.

А. А. Шахматов не был кабинетным ученым. Его всегда волновали общественные вопросы, и он активно вмешивался в их решение. Он выступал за равноправие народов и их языков в царской России, поддерживал деятельность как известных ученых, так и лишь начинающих свой творческий путь. Советский лингвист В. И. Чернышев оставил обширные воспоминания о своих первых встречах с А. А. Шахматовым, о поддержке, которую сразу же оказал начинающему исследователю известный академик, о его высочайшей культуре общения с людьми. Даже в рецензиях А. А. Шахматова В. И. Чернышев увидел яркое и разностороннее проявление его личности: «Сам А. А. Шахматов писал рецензии совершенно необыкновенные. В них виден весь Шахматов: пронизательный ученый-критик и справедливый, доброжелательный человек, изящно учтивый в стиле, как был изящно учтив в жизни» (В. И. Чернышев. Избранные труды. Т. 2. М., 1970). Волнующей страницей биографии академика была его борьба за избрание в Академию наук великого украинского писателя И. Франко и великого русского писателя М. Горького.

Весом вклад А. А. Шахматова в развитие просвещения в России. Ученый активно выступал за самостоятельность университетов в решении воспитательно-образовательных проблем, за расширение прав молодежи учиться в университетах независимо от социального происхождения, за максимальное приближение учебных

программ к потребностям общества. В начале XX века Фортунатов и Шахматов возглавили активную борьбу ОРЯС и передового учительства за реформу русской орфографии, которая была завершена лишь при Советской власти.

В январе 1905 года А. А. Шахматов вместе с другими деятелями науки и искусства, среди которых были А. Н. Веселовский, В. В. Радлов, И. Е. Репин, А. С. Попов, И. П. Павлов, подписал «Записку 342 ученых», резко осудившую царское правительство за развал просвещения.

А. А. Шахматовым отвергалась любая форма насилия над личностью, над ее убеждениями. Вскоре после «Кровавого воскресенья» Комитет министров обязал Академию наук давать научные отзывы на книги, с точки зрения правительства политически вредные и потому подлежащие уничтожению. В письме правительству академик с негодованием отверг это требование. «Уничтожить произведение духовно-умственной деятельности человека, сжечь книгу научного или литературного содержания есть преступление против науки...» — писал он.

Ученый горячо любил молодежь. «Есть одна среда, — говорил он, — к голосу и настроению которой я считал нужным всегда прислушиваться, — это студенческая». И был на стороне молодежи в трудное для нее время. В 1901 году студенты Петербурга в знак протеста против отдачи 27 студентов университета в солдаты провели демонстрацию у Казанского собора и были жестоко избиты полицией. А. А. Шахматов в числе 99 ученых и педагогов подписал заявление против такого насилия, а в письме на имя президента Академии наук так объяснил свой поступок: «Относиться равнодушно ко всем этим непорядкам, видеть, как тиранят и топчут очаги нашего просвещения, как в них и из-за их неустройства погибает гордость и радость всякой страны — молодое поколение — я не мог».

Молодежь отвечала ученому такой же любовью. В приветствии А. А. Шахматову по случаю 25-летия его научной деятельности студенты Петербургского университета писали: «Не менее, чем Ваши уроки, учит нас живой пример Вашей личности — пример ученого, гражданина и человека. Ваше всегда внимательное и душевное участие к студентам... еще и еще раз говорит нам, какого незаменимого руководителя и наставника мы имеем в Вашем лице».

В январе 1918 года Советское правительство предложило Академии наук сотрудничество в деле построения нового общества, и сразу же Академия ответила согласием. Под резолюцией, подписанной учеными в связи с этим, вторым (после неперемennого секретаря академика С. Ф. Ольденбурга) поставил свою подпись А. А. Шахматов.

По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, первым из академиков, с кем беседовал о будущем российской науки В. И. Ленин, был А. А. Шахматов. Владимир Ильич видел в Шахматове не только человека, в котором сочетались выдающиеся научные и организаторские способности, создавшие ему высокий авторитет среди русской интеллигенции. В. И. Ленину было известно, что в годы первой русской революции ученый вместе с В. И. Срезневским, сыном знаменитого филолога, в фондах рукописного отделения Библиотеки Академии наук прятал нелегальную литературу, документы многих организаций РСДРП и тем служил революционному делу. Узнав об этом в 1907 году, В. И. Ленин попросил Н. К. Крупскую сообщить в местные революционные организации, чтобы они посылали в этот отдел важную секретную документацию.

Вспоминая об А. А. Шахматове вскоре после его смерти в 1920 году, С. Ф. Ольденбург сказал пророческие слова: «...грядущие поколения настоящих, сильных, рабочих русских людей в те светлые будущие дни новой России вспомнят с любовью и благодарностью о большом настоящем русском ученом и работнике Алексее Александровиче Шахматове».

*В. И. МАКАРОВ
Киев*

Основная литература

Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве. М., 1966.

Виноградов В. В. История русского литературного языка в изображении академика А. А. Шахматова. — В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1920 г.

т. XXV. Пг., 1922 [том посвящен памяти А. А. Шахматова].

Макаров В. И. А. А. Шахматов. М., 1981.

Масальская Е. А. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. Ч. I. «Легендарный мальчик». М., 1929.

Чернышев В. И. Из воспоминаний об Алексее Александровиче Шахматове (1864—1920). — В кн.: В. И. Чернышев. Избранные труды. Т. 2. М., 1970).

«ДЕЯТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ»

Воспоминания об А. А. Шахматове

У выдающегося ученого А. А. Шахматова было много учеников, некоторые из них оставили проникновенные воспоминания о своем учителе. Мы впервые публикуем воспоминания Павла Матвеевича Евдокимова (они любезно переданы нам племянницей П. М. Евдокимова И. В. Микулович и внуком академиком Н. Н. Копыловым-Шахматовым, за что приносим им искреннюю благодарность).

П. М. Евдокимов родился в 1884 году в г. Боровичи Новгородской губернии в семье рабочего. В 1907 году он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, в котором начал преподавание А. А. Шахматов. К этому времени и относится знакомство с ним П. Евдокимова.

В январе 1911 года за распространение революционных прокламаций среди рабочих Петербурга П. Евдокимов был арестован, затем, в феврале того же года, он был арестован вторично. Его исключили из университета, судили, бросили в Петропавловскую крепость, а осенью 1911 года выслали за границу (сначала в Италию, затем во Францию он пробивался репетиторством).

П. М. Евдокимов пишет письмо А. А. Шахматову, в котором благодарит за участие в его судьбе. С этого письма началась регулярная переписка не закончившего университетский курс молодого человека, осужденного по политическим мотивам, и всемирно известного русского академика (письма А. А. Шахматова и П. М. Евдокимова хранятся в Ленинградском отделении Архива АН СССР). А. А. Шахматов посылал П. М. Евдокимову книги, чтобы он, находясь за границей, готовился к экзаменам самостоятельно. А здесь, в Петербурге, А. А. Шахматов использовал все свое влияние, чтобы добиться восстановления бывшего студента в университете.

Хлопоты А. А. Шахматова успешно завершились: П. М. Евдокимов вернулся в Россию и сдал экстерном государственные экзамены, видимо, осенью 1914 года. С сентября этого года он стал преподавателем гимназии имени П. А. Макаровой, в которой проработал до мая 1918 года. Затем преподавал русский язык и литературу,

немецкий язык в различных учебных заведениях Петрограда — Ленинграда, с сентября 1936 года и до выхода на пенсию в 1953 году преподавал латинский язык в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена.

Скончался П. М. Евдокимов в 1971 году.

В. И. МАКАРОВ

А. А. Шахматов по праву считается подвижником в науке, ибо создать строго определенную, точную систему истории русского языка из того сырого материала, который был до него в различных школах языкознания, основать свою научную школу славяно-русского языкознания, быть одновременно великодушным исследователем русской литературы, русской истории, исторической этнографии и завоевать место мирового лингвиста — может лишь человек, с юных лет страстно влюбленный в науку, расширивший ее горизонты, работающий не покладая рук и не изменивший науке до смертного часа.

О заслугах Шахматова в науке писалось много, и я оставляю это в стороне с глубоким преклонением перед трудами ученого.

Я желал бы посылно, быть может, слабыми красками, обрисовать внутренний мир этого человека. Судьба свела меня с ним случайно, затем приблизила к нему...

Все мы, студенты-филологи, слушали его курс истории русского языка, курс, не для всех сразу понятный; а после лекций вступали в тесное общение с этим удивительным учителем, который обвевал нас какой-то особенной атмосферой, как бы истекающим от него обаянием. И, признаться, многие из студентов не столько любили лекции, сколько лектора, и эта любовь выражалась у разных людей различно — от глубокого уважения, от душевного преклонения до внутреннего восторга. Все эти впечатления выразились однажды у одной из товарищей в такой фразе: «После лекций и бесед Алексея Александровича хочется быть морально чище, хочется делать добро людям и идти на подвиг». С этой откровенной и честной формулой все и всегда были единодушно согласны.

Алексей Александрович избегал всего того, что у других профессоров носило название строгости, создавая перегородку между профессором и студентами; Алексей

Александрович был очень чуток к душевному миру студента, видя в нем прежде всего человека.

Экзамены назначались им обычно в два срока (мало ли что может случиться в жизни студента, говаривал он). Экзаменационных билетов Алексей Александрович не признавал. Обычно он приглашал студента к столу и задавал вопрос: «Что Вас заинтересовало в моем курсе?» Студент отвечал, и начиналась беседа, беседа как бы двух товарищей: младший собеседник указывал на непонятные ему в курсе положения, прояснял вместе с учителем, спокойно иногда возражал ему, и оба приходили к желанному концу. Это внутри университетских стен. Много дополнялось и разъяснялось на квартире Шахматова, в его кабинете, где велись зачастую беседы на научные темы.

Вне университета проявлялась та его деятельность, которая не касалась ни лекций, ни науки, деятельность Шахматова-человека.

Будучи директором академической библиотеки, Алексей Александрович снабжал студентов нужными книгами, пособиями по разным дисциплинам, посылая книги с академическим служителем на квартиру того или иного студента.

А далее уже нужно отметить действия Алексея Александровича более личного характера, подвиженные любовью к человеку. Алексей Александрович помогал устраивать бедного студента на квартиру, посещал заболевшего студента в больнице, утешал, поддерживал бодрость и дух, снабжал лекарствами, покупая их в аптеке, оказывал денежную помощь и с присущей ему лаской и любовью старался рассеять горе. А горя и бед у молодежи было всегда много...

Я утверждаю все это потому, что я был не только свидетелем его благородных поступков, но иногда и действующим лицом от его имени; мало того — при первом же знакомстве с ним я сам на себе испытал его буквально отеческие заботы, избавившие меня от большого горя.

После этого Алексей Александрович предложил мне быть его доверенным лицом, собиравшим материалы о нуждах и бедах студентов и сообщавшим ему, а иногда и принимавшим участие в помощи по его указанию.

Не могу умолчать об одном самоотверженном поступке Алексея Александровича. Дело было весной, кажется, 1909 года, перед выпускными государственными экзаменами. Я получил от Алексея Александровича записку, при-

зывающую срочно явиться. Предполагая у него несчастье в семье, с детьми или с женой, я помчался в академическую его квартиру и застал Алексея Александровича в сильном волнении.

«Дело вот в чем, — сказал он мне. — Я сейчас узнал, что большое количество студентов за неуплату увольняется из университета приказом ректора. И это в такой момент! Они месяца через полтора кончают университет, а теперь должны лишиться дипломов! Так нельзя оставить! Нужно их спасти! Необходимо внести за них 2000 рублей!.. Я прошу Вас немедленно отправиться к ректору и упросить, умолять его под честное слово не давать хода приказу об увольнении студентов... Сегодня что? Понедельник?.. Так вот, до следующего понедельника, когда эти деньги будут внесены... Я все обдумал... Идите скорей! Только не называйте моего имени... никоим образом! Сообщите ректору, что эти деньги будут доставлены ему через Вас от одного лица, желающего остаться неизвестным».

Ректор лично меня знал и хорошо ко мне относился; но от мысли, что он откажет в просьбе, у меня захватило дыхание, пока я мчался из Академии в университет; у двери приемной у меня подкосились ноги, и я схватился за ручку двери, чтобы не упасть... Придя в себя, я трясушей рукой постучал в дверь...

Разговор был краток. «Что с вами?». Заикаясь, я изложил поручение Алексея Александровича. «А кто этот неизвестный человек?». Я сказал, что мною дана клятва не называть этого имени, и я могу поклясться, что все будет сделано, как я передал.

Чем был тронут ректор, я не знаю, но мне дано было твердое обещание задержать приказ.

Столь же быстро я бежал в Академию, чтобы успокоить Алексея Александровича, причем дорогой я вспомнил, что забыл поблагодарить ректора за его доброту.

Алексей Александрович обнял меня, пожал мне молча крепко руку и понемногу стал успокаиваться. Но все же всю неделю мы оба волновались — каждый по-своему. Где были добыты деньги, эти две тысячи, я узнал лишь через два года и, конечно, не от Алексея Александровича, а из другого источника: скромность принудила его молчать. Оказалось, что Алексей Александрович телеграфировал управляющему имением срочно продать часть леса и выслать ему 2000 рублей.

Деньги были получены в понедельник утром и вручены ректору.

«Поблагодарите сердечно от меня этого неизвестного благородного человека», — сказал, волнуясь, ректор и крепко пожал мне руку.

Студенты были спасены. Я не знал этих студентов, и они не знали, чей самоотверженный подвиг спас их.

Алексей Александрович взял с меня клятву никому не рассказывать об этом до самой его кончины. Клятва сдержана...

Мои воспоминания о человеке удивительной, благороднейшей и большой души, о моем дорогом учителе, о котором я свято храню благодарную память, мне хотелось бы завершить словами из предсмертного письма самого Алексея Александровича. В них, в этих коротких, но проникновенных словах лучше всего раскрывается его светлый образ ученого-человеколюбца: «Человеку открывается самый широкий путь для создания тех ценностей, в которых так нуждается человечество. Путь этот двоякий: это, с одной стороны, развитие познавательного ума, увеличение знаний, а с другой — деятельная любовь. Доброе слово ближнему, сердечное участие в его горе, радушный прием, нежная ласка, не говоря уже о действительной помощи, о самопожертвовании, увеличивают сумму „добра на земле“».

П. М. ЕВДОКИМОВ
Публикация В. И. Макарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Считаются ли мужские имена Изосим, Зосима и Зосим разными именами или это варианты одного имени?»

П. С. Нюнин, Жуковский

Основной, литературной формой является имя *Зосима*. *Зосим* и *Изосим* — разговорные варианты имени *Зосима*.

■
«Существует ли неполное имя от мужского имени *Феликс*?»

Л. С. Лифанов, Обнинск

Сокращенные имена от *Феликс* — *Феля, Еля*.

СВЕТ НАШЕЙ ДРУЖБЫ

Ты, солнце, — братства герб,
Один для всех народов.
Сияет всем вокруг
Горячий круг лучей,
И каждый яркий луч
Под вечным небосводом,
Не помешав другим,
Летит к Земле людей...

Это стихотворение «Солнце братства» армянского поэта Людвига Дуряна я перевел на русский язык, чтобы сделать достоянием самого широкого круга читателей в самых дальних краях земли нашей. Произведения братских литератур, как солнечные лучи дружбы, устремлены к нам. Они освещают умы и согревают сердца.

И для того, чтобы переводимые строки воспринимались как хорошие русские стихи, мало быть достаточно искусственным в стихотворной технике и бережно относиться к оригиналу, передавая тщательно все его особенности. Надо, чтобы тебя стихи трогали, волновали.

Способствует успеху в работе переводчика глубокое знание творчества поэта, знание природы, быта, истории, культуры народа, с которым он связан кровными узами.

Занимаясь переводами стихотворений мансийского поэта Ювана Шесталова, я отправился на север Тюменского края, в Ханты-Мансийский автономный округ, а еще точнее — в Березовский район.

Я увидел просторы с чуть синееющими на западе Уральскими горами, бескрайнюю гладь Оби... Бригада рыбаков выезжала на лодках-бударках на замет и выборку сетей. Муксун, нельма, а то и осетр свидетельствовали о завидных рыбных богатствах края. Великолепна осенняя тайга с кедрами и золотыми березами, завораживающим душу северным сиянием!

Эта поездка позволила проникнуться образами поэзии Ювана Шесталова, дала счастливую возможность ближе познакомиться с жизнью коренного населения, которое до революции не имело даже письменности. Очень гордятся березовцы своим знаменитым земляком лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького Юваном Шесталовым. Творчеству писателя и поэта в березовском краеведческом музее посвящен специальный стенд:

...А прислушайся к песне моей.

В ней — октябрьский счастливый простор.

Век мансийский, как лодка плывет,

И сверкает старинный узор,

И мелодия предков живет...

Мелодии предков исполнил нам хант Константин Васильевич Навьюхов, участник Великой Отечественной войны, много лет проработавший бригадиром в колхозе, лауреат фольклорных конкурсов в Москве. Его песни, рассказали мне односельчане, на пластинку записаны. Он пел о своей судьбе, об окружающих людях, о труде, о печалих и радостях жизни. Пел самозабвенно и очень сердечно о родной земле.

И вот она перед моими глазами за окном вертолета. Осенняя земля со множеством озер, рек и стариц, желтеющая насыпями газопровода Уренгой — Ужгород.

Вот поселок газостроителей и газовиков-эксплуатационников — Белоярский. На берегу реки Казым — пятиэтажные дома со всеми удобствами для 16-ти тысяч жителей. Новая школа. Склады техники и труб. Огромные монтажные площадки, дороги... и снова островки тайги, лесотундра, болота, ягельные поляны, озера. Трудные для строителей места, но красивые. — А что там белеется? Вон две белые точки на воде озера? — Да это же лебеди!

Таким я увидел родной край Ювана Шесталова. Но как поэт он сформировался в Ленинграде. Здесь он учился на Северном факультете педагогического института, который с благодарностью вспоминают посланцы многих народов Севера — педагоги, ученые, писатели. Творчество Ювана Шесталова, по его собственному признанию, имеет два крыла: он думает и пишет на мансийском и русском языках.

Его публицистическое взволнованное слово долетает до земляков. Его книги — о них, тружениках ханты-мансийской земли. Поэт поднимает важные народно-хозяй-

ственные проблемы, встает на защиту природы, радуется успехам нефтяников и оленеводов, рыбаков и строителей. Об этом и новая публицистическая книга Ювана Шесталова с энергичным названием «Сибирское ускорение» (издательство «Советский писатель»). В память о Ленинграде — стихи «Мой город, где я был вторично рожден» — в сборнике «О тебе, Ленинград!», подзаголовок «Город Ленина в поэзии народов СССР».

Среди авторов этой книги есть немало поэтов братских республик, заслонивших собой Ленинград в годы войны, разорвавших смертельное кольцо блокады. Я преклоняюсь перед мужеством этих людей, поэтому с особым волнением переводил стихи украинского поэта Роберта Третьякова. Мы одноклассники, дети войны. Роберта — пятилетнего сына командира пограничной заставы — война настигла у стен Брестской крепости. Я пережил ребенком блокаду в Ленинграде и чудом остался жив. Эти стихи мне дороги еще и тем, что в них строки о самом для меня святом — о стойкости ленинградцев.

К 60-летию образования СССР в издательстве «Советский писатель» вышел сборник «Братство». В нем стихи поэтов братских республик, переводы которых выполнены только ленинградцами. Это лучи нашей дружбы.

Я перелистываю корректуру сборника, читаю названия разделов — «Рукопожатие», «Песня о Родине», «Чувство семьи единой»... Имена, имена поэтов хороших и разных — Александр Прокофьев, Муса Джалиль, Самед Вургун, Сильва Капутикян, Максим Танк, Григол Абашидзе, Владимир Сосюра, Мустай Карим, Эдуард Межелайтис, Кайсын Кулиев, Богдан Истру.

Перекрещиваются лучи нашей дружбы. Мы больше узнаем друг о друге, мы становимся мудрее и духовно богаче. Свет нашей дружбы освещает путь другим народам. Об этом туркменский поэт Байрам Джутдиев в стихотворении «К Ленину» пишет:

Весь мир постепенно дорогу к вождю обретает,
Весь мир зажигает костры от лучей Октября.

Этими лучами освещены бывшие национальные окраины, и нам слышны песни далеких киргизских гор — стихи Сооронбая Джусуева:

На Алатау ты лежишь, моя страна,
Октябрьским ясным светом рождена...

На азербайджанском языке звучит голос Расула Рзы:

Я — река, я оттуда стекаю, где снег,
С горных пиков потоки гоня,
Не дано мне спокойствия.
Я — человек,
Отчий край есть
И Родина есть у меня.
И язык мой родной — в нем па выбор слова,
Чтобы выразить образ любой,
Чтоб о правде сказать — будь светла и жива!
И свободу воспеть и любовь!..

С ним перекликается стих чуваша Василия Давыдова-Анатри:

Чувашский край, расти и крепи,
Волною волжскою звуча,
Взлетай на будущего гребни
Под алым стягом Ильича!

В этой поэтической перекличке я коснулся только своих нескольких переводов. Но еще одной темы, вспомнив начало нашего разговора о душевном настрое поэта-переводчика в своей работе, хочется коснуться. Есть среди многих разделов сборника несколько страниц, посвященных самому святому на земле — матери: «Материнское сердце». Понятно, почему они особенно дороги. Но всегда ли мы осознаем, что любовь к матери, к родителям — это нечто большее, чем семейная привязанность? Через нее нам прививается любовь к нашему очагу, к родительскому дому, отсюда и чувство малой родины, вырастающее до понимания — «С чего начинается Родина?». Грузинский поэт Иосиф Нонешвили в стихотворении «Мама» так отвечает на этот вопрос

Мама — жизни начало благодное,
Мама — жизни опора бессменная,
Сердце — сердцем твоим жизнерадостно,
И твоими глазами видна мне Вселенная.

Когда переводишь такие стихи, как «Опять мы встречаемся, мама» молдавского поэта Павла Боцу, якутского поэта Ивана Гоголева (см. его книгу «Серебряное стремя»), отчетливо понимаешь — дружба наша крепка потому, что основана на духовном родстве.

Там, где медведями встает
Волна седая, ледяная,
Песнь созидания поет
Якутия моя родная,—

пишет Иван Гоголев.

Образ суровой якутской природы стал мне ближе и понятнее, когда довелось побывать в Олекминском районе. Городок Олекминск некоторыми своими особенностями близок Ленинграду: расположен на 60-й параллели, на высоком таежном берегу большой реки — красавицы Лены. Белые ночи Олекминска — примета Ленинграда.

Ленинград мы привыкли считать северным городом. А Олекминск — это юг Якутии, у которой есть еще и свой север, где в августе температура была чуть выше нуля. Олекминский район зовут якутской Украиной — единственный район, где вызревает пшеница, вырастает картофель. Это житница Якутии. Именно там, в далеком — далеком Олекминске я впервые понял, что ленинградцем быть и легко и трудно. Легко потому, что имя «ленинградец» — это уже пароль доброго к тебе отношения, внимания, гостеприимства, ведь поистине всенародна любовь к нашему городу на Неве! А трудно потому, что делами своими, творчеством писателя надо оправдать высокое имя «ленинградец».

Все нылче, как вчера, казалось, будет:
Текла река, звезда во мгле томилась.
А Прометей с огнем явился к людям —
И многое на свете изменилось.
Ковал кузнец, мужик вгрызался в поле.
Богач улыбки раздавал, как милость.
А Ленин Октябрем Россию поднял,
И многое на свете изменилось.

Эти поэтические строки из книги стихов украинского поэта Владимира Бровченко также вошли в сборник «Братство», символизирующий собой творческое содружество советских поэтов.

Пусть лучи этой дружбы освещают наш путь!

О. А. ЦАКУНОВ
Ленинград

Едва ли найдется в истории русской культуры вопрос, с которым связано столько загадок, будоражащих воображение многих наших современников, как вопрос о судьбе библиотеки Ивана Грозного. Мы уже немало знали об этом бесценном собрании и с каждым годом, обогащенные новыми догадками о том, как ее отыскать, приближаемся, надо полагать, к цели — прочесть еще одну страницу в истории русской культуры. В самом деле, ведь библиотека — это не просто собрание книг, памятник былой культуры. Живым явлением культуры делает библиотеку процесс собирания и систематизации книг, наличие среды образованных людей, для которых она существует. Как раз о том, шла ли вокруг библиотеки Ивана Грозного культурная жизнь, и если да, то в каких формах, с какими результатами, — нам по существу ничего не известно. Можно только сказать, что сундуки с книгами, принадлежавшими Ивану Грозному, иногда отпирались: в ряде церквей и монастырей оказались экземпляры, подаренные царем из своего личного собрания. Более того, находившийся в то время за пределами русского государства первопечатник Иван Федоров сообщает в предисловии к изданной им в 1581 году

«Библии» о том, что он воспользовался для издания рукописью, присланной из Москвы самим царем. Несомненно, библиотека Ивана Грозного постоянно пополнялась новыми книгами. Очевидно, именно для царского собрания книг артель миниатюристов создавала грандиозный многотомный Лицевой летописный свод — обильно иллюстрированное сочинение по русской и всемирной истории. Но кто и как руководил библиотекой, кто, наконец, заведовал хранением (и выдачей) книг — все это до последнего времени оставалось неясным.

*

Архивные разыскания последних лет дали возможность напасть на след человека, должность которого в переводе на современный язык можно передать как «библиотекарь» Ивана Грозного. Он упомянут во вступительной части рукописи календарно-астрономического содержания, переписанной в XVII веке. Текст гласит: «Творение грешного раба Ивана Рыкова, списание вкратце о году и о протчих пристоящих в нем. Российского царства цареву книгчию кир Софронию Постнику радоватися». Оставим пока автора «творения» и обратимся к слову «книгчий». Оно известно в древнерусской письменности и могло использоваться в широком смысле в значении «книжник», в более узком — «заведующий книгами». Сочетание слов «царев книгчий» можно было бы понять, как простой чтец, читавший, например, для царя молитвы и т. п. Однако торжественный титул «российского царства царев книгчий» заставляет считать Софрония не прислужником низкого ранга, а приближенным царя, должность которого имела государственное значение.

Было ли название «книгчий» официальным титулом Софрония? На этот вопрос трудно дать бесспорный ответ. В древней Руси были популярны риторические, витиеватые формы обращения, причем, например, воеводу могли назвать «стратигом» или «епархом». С той же целью русское слово «господин» заменяли однозначным греческим «кир». Официальным названием «книгчего» в деловых документах могло быть и слово «дьяк» или иной термин.

В приведенном отрывке нет ясного указания, когда написано разбираемое обращение. Неясно и когда появилась такая должность. Однако одно хронологическое указание в предисловии к «творению» Ивана Рыкова присутствует. Оказывается, сочинение было написано, когда «царев книгчий» вместе с царем уезжал из Пскова. При этом имя царя не названо.

Уточнить дату создания интересующего нас текста позволяет второе имя, упомянутое в предисловии, имя его автора. Дело в том, что существует еще одна рукопись, посвященная уже не астрономии, а астрологии и связанным с нею гаданиям, автор которой тоже Иван Рыков. В предисловии к этой книге имя Софрония отсутствует, но отъезд царя из Пскова упомянут, и сам он назван полностью — Иван Васильевич. Несомненно, речь идет об Иване Грозном.

О каком отъезде царя из Пскова сообщает рукопись? Царь был там дважды — в 1570 и 1578—1579 годах. Последний приезд царя в Псков по существу закончился поспешным бегством — как раз в это время Ливонская война вступила в тяжелую, неблагоприятную для России фазу. Польский король Стефан Баторий начал стремительное наступление, взял Полоцк и продвигался к Пскову. Только под стенами осажденного города был сломлен наступательный порыв войск Батория. Скорее всего, в предисловие и попала именно эта, памятная для современников дата. На первый взгляд, 1570 и 1579 годы — слишком близкие даты, чтобы уверенно предпочесть одну из них. Однако для такого предположения есть веские основания. Третья рукопись, содержащая небольшой отрывок, автором которого опять назван Иван Рыков, заканчивается словами «написано во граде Пскове российских стран, в лето господне 1579». Итак, имя Ивана Рыкова и упоминание одного и того же события — отъезда царя из Пскова — заставляет датировать творение, адресованное кир Софронию Постнику, с редкой точностью — 1579 годом, а самого его считать «книжчим» царя Ивана Грозного.

Никаких других упоминаний об этой личности или о другом человеке, исполнявшем те же обязанности при Иване Грозном, пока не найдено. Все, что можно о нем сказать, приходится искать в том тексте, который ему адресован.

Софроний не был просто хранителем кремлевского собрания книг. Он был нужен Грозному постоянно, по-видимому, в роли своеобразного консультанта. Иначе трудно объяснить, почему он сопровождал царя в поездке в Псков. Творение Ивана Рыкова было не просто адресовано Софронию. «Цареву книжчию» принадлежала инициатива его составления. Вот что сообщает по этому поводу Иван Рыков: «Тебе же, возлюбленне брате кир Софроние, пишу сие писание ради твоего словеси... (ты) понуди нас восписати о сих потребных ко твоему христоролюбию». Эти указания свидетельствуют о том, что Софроний был не только хранителем книг, но и заказчиком сочинений, имевших, по его мнению, государственное значение или иной интерес для царской библиотеки.

Отношения Софрония и Рыкова можно охарактеризовать лишь самыми общими чертами. С одной стороны, Рыков обращается к нему как к высокопоставленному лицу («молю твою духовную любовь и величество»), с другой — подчеркивает довольно близкие отношения и личное знакомство («аще бог еще подаст мне в радости видети твое честное лице»). Более того, из слов Ивана Рыкова можно понять, что они с Софронием принадлежат к одному кругу людей, связанных общностью взглядов и интересов («да прочтется сия книга и прочим нашей братии...»). Вероятно, именно поэтому Иван Рыков порой довольно фамильярно называет «царева книгчия» братом.

*

Каково же было содержание единственного сочинения, о котором достоверно известно, что в роли его заказчика выступил «царев книгчий кир Софроний»? Это довольно обычная для русского средневековья компиляция, в которой прикладные сведения, необходимые для календарных расчетов, соседствуют с повествованием о небесных светилах и созвездиях, истолкованием их названий, где смешиваются рациональные научные данные и чисто литературные пассажи. Если бы Иван Рыков был только автором этого произведения, то о нем, как о своеобразном явлении, едва ли можно было бы говорить. Разве что как о выдающемся эрудите своей эпохи. Однако его имя дошло до нас не только в заглавии этого вполне добропорядочного сочинения, написанного для царского окружения. Оно стоит также в предисловии к книге «Рафли» — «злому», еретическому сочинению, за составление которого, равно как и за чтение его, людей ожидало суровое наказание.

Подобная широта интересов и взглядов Ивана Рыкова неинтересна для характеристики культурного окружения библиотеки Ивана Грозного — ведь он в числе людей, которым заказывались сочинения самим «царевым книгчим». Более того, он называет себя и «книгчиго» единомышленниками. Попробуем кратко охарактеризовать круг его познаний и интересов.

Начнем с книги «Рафли». Она привлекает к себе внимание прежде всего тем, что была запретной. Действительно, в постановлениях знаменитого Стоглавого собора при перечислении «злых, ересных» книг, она поставлена на первое место. Гадающим по этой книге угрожала «великая опала» от царя и «конечное отлучение» от церкви. В 1628 году с книгой «Рафли» попался некий церковный дьячок. Приговор тогдашнего патриарха Филарета звучит достаточно сурово: «и мы те тетради велели сжечь, а дьячка

указали есмь послати к вам же в монастырь... и вы бы того дьячка взяли и велели сковати в ножные железа и быть в монастырских черных службах год, а как год отойдет и вы б о том отписали к нам к Москве... а причастья ему разве смертного часу до нашего указа давать не велели». Книгу «Рафли» осуждали не только церковники, считавшие попытки узнавать будущее грехом. Как ни странно, гадательная книга вызывала недовольство и у светских властей. Дело в том, что в этой книге имеется «руководство», пользуясь которым, можно якобы узнать, ожидает ли тебя победа (или поражение) в судебном поединке (был при Иване Грозном и такой наивный способ установления истины). «Да в нашем же православии тяжутца нецыи неправо, и поклепав (оклеветав) крест целуют или образ святых, на поле бьются и кровь проливают, и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научении пособие им творят... в Рафли смотрят и по звездам и по планитам гадают и смотрят (благоприятных) дней и часов и теми дьявольскими действе мир прельщают... и на те чарования надеясь поклепца и ябедник не миритца и крест целуют и поклепав убивают». Таким образом, по мнению Ивана Грозного (приведенная цитата взята из его вопросов, обращенных к собранию духовенства), гадание по книге «Рафли» нехорошо потому, что может оказывать моральную поддержку отстаивающим неправо дело участникам судебных поединков, и, в результате,— вводить в заблуждение правосудие.

Гадание по книге «Рафли» было известно на Руси и до Рыкова, он лишь составил новую расширенную редакцию этого сочинения. Как же Рыков относился к запретам, которые вряд ли были ему неизвестны? Действительно, он их не обходит, но отвечает, что гадание основано на вере в силу планет и созвездий, а те, мол, созданы богом. Все гадательные операции он советует начинать с молитвы. Стараясь уменьшить число упоминаний самого названия «Рафли», переводит это слово как «языческие святцы» (святцы в древней Руси ассоциировались с календарем, а последний — с астрономией). Название «Святцы языческие» звучит странно, но Ивана Рыкова это не смущало; иногда для разнообразия он называл их «святцы арапские». Попытки согласовать гадания по книге «Рафли» и христианское благочестие порой приводят Ивана Рыкова к курьезам. Так, вначале он пишет, что это гадание было изобретено «языческими» мудрецами, а потом даже с них пытается снять обвинение в неблагочестии.

Будь Иван Рыков только составителем одной (пусть крупнейшей) гадательной книги, он едва ли мог бы претендовать на заметное место в истории культуры древней Руси. Но он распространял не только суеверия, но и вполне рациональные научные

знания. Их много в творении, адресованном кпр Софронию. Среди них указания продолжительности дня и ночи в различные месяцы года и т. п.

*

В своих творениях Иван Рыков предстает перед нами не только как автор текстов прикладного назначения. В них есть отрывки повествовательного характера. Например, в книге «Раф-ли» — рассказ, необычный для русской письменности тех времен своим детективным характером об изобретателях этого гадания, персидских мудрецах. В календарно-астрономическом сочинении, адресованном Софронию, любопытны места, в которых излагаются античные мифы. Это своего рода комментарий к названиям планет и зодиакальных созвездий. Иногда Рыков не очень точно пересказывает мифы. В частности, он нередко вопреки античной традиции связывает зодиакальные созвездия с персонажами Троянской войны. Вот что он, например, пишет о созвездии Стрельца: «Беше же той стрелец от головы даждь до пупа человек, от пупа ж конь по всему подобию. Бысть же крепок и силен и той прииде на помощь троянскому царю, и убиен бысть на браня. И сего ради чюдного его мужества древнии меж звезд поставиша». Как известно, в античной литературе кентавры в роли участников Троянской войны не фигурируют. Данный отрывок ясно показывает на один из источников премудрости Ивана Рыкова. Он несомненно находился под влиянием популярнейшей на Руси в XVI веке переводной итальянской повести о взятии Трои, где такой персонаж упомянут.

Для характеристики образованности Ивана Рыкова показательно, что он знает, что «Еркулес» и «Ираклий» — одно лицо; что «Венус» — это «Афродита». Наиболее подробны рассказы о «планетных» божествах, особенно Зевсе (Юпитере). Рыков повествует о хитростях Иры (Геры, вместо Реи) против Крона (Сатурна), чтобы он не пожрал по своему обыкновению маленького Зевса; он знает миф о том, как Арис «связан бысть от юноши Иерота и от Ифеста». Особенно подробно рассказан миф о том, как Семела, наученная ревнивой Герой, попросила Зевса явиться ей во всем величии и была сожжена молнией и как потом Зевс «донашивал» в своем бедре ее сына Диониса — бога вина. В этих отрывках Иван Рыков предстает перед нами интересным и хорошо образованным литератором. Интерес к литературной форме отразился в его творениях уже в том, что он облек их в эпистолярную форму. Но в наибольшей степени его писательские способности проявились в тексте двух, как он их называет, притч — «О царе-годе» и «О четырех временах года». Первая притча по существу представляет собой загадку. «Царь некий бяше зело сла-

вен и велик... служаху ему некия 4 царя, строители и правители... устави велиий царь той 12 князя..., епархом предаде великий царь той 365 мужей светлых и храбрых». Смысл этой притчи легко понять по числовым ориентирам: четыре времени года, двенадцать месяцев, 365 — число дней в году... Далее в притче фигурируют и такие сложные понятия, как часы ночные и дневные, високосные дни, время солнцестояния, год лунный. Поскольку Иван Рыков смиренно называет эту притчу «грубыя моя стихи», видно, что это его авторское сочинение.

Вторая притча построена несколько иначе. Каждое время года представлено в виде царя с символическими атрибутами, которыми служат ключ, светильник, весы и т. д. Значение аллегорий подробно истолковывается, причем отмечаются реальные черты каждого времени года. Так весной «не у еще всяко древо исполнися листием»; летом «зело светло дресеса листием и плоды красно яко царскою багряницею одеяшася». С чувством описаны осень и зима — «тогда дресеса яко плачущися и рыдающе своя наготы от прекрасных цветов и плодов лишения...», «зла же и люта зело зима и немилостива ко всем (от) земных встров и великих мразов и человеком бывает многожды напрасная смерть во граде же и в селех и на распутиях человецы мнози, зверие же и скоты и птицы померзасмы».

*

Что же это за человек, в сочинениях которого находим мы и суеверия, и рациональные научные знания; которого влекут экзотические чудесные тайны и цифирная премудрость, который наряду с использованием переводных текстов выступает и как оригинальный писатель, со своеобразными понятиями о литературных красотах? Наконец, насколько он был необычен и одинок для своего времени?

Вполне одиноким мы его не можем назвать хотя бы потому, что слава о его учености дошла до «книгчег» Ивана Грозного. Упоминание о круге единомышленников имеется не только в календарно-астрономическом сочинении Рыкова, но и в запретной книге «Рафли». Там он обращается к своим землякам, псковичам, причем называет их не только «братья», но и «чада». Последнее слово показывает, что в среде псковских книжников он был учителем, главой. Плоды деятельности этих «сведущих людей» отмечает рукопись XVI века в интересной статье — «Указ книжным часам, во сколько часов обходит солнце над псковскою землею. Списано от сведущих людей». Расчет часов произведен специально для территории Псковщины, то есть статья представляет со-

бой результат оригинальных наблюдений или вычислений русских астрономов.

Любовь к точным наукам и писательскому творчеству, античным мифам и наукообразным суевериям (астрологии) и наряду с этим — демонстративное (или показное) правоверие и близость к правящим кругам — не случайные черты деятельности Ивана Рыкова. Этот автор крупнейшей русской гадательной книги (точнее — целого трактата) напоминает наиболее видного западноевропейского писателя XVI века по вопросам магии — Агриппу Неттесгеймского. Агриппа был рыцарем, участвовал в войнах. Одно время был секретарем императора Максимилиана, служил придворным медиком и астрологом, преподавал богословие и в разгар Реформации остался в лагере католицизма. Агриппа был знатком античности и переписывался с видными гуманистами, например с Эразмом Роттердамским. Увлечение магией и алхимией превратило его в один из прототипов доктора Фауста.

До открытия текстов, связанных с именем Ивана Рыкова, о деятелях такого типа в XVI веке на Руси ничего не было известно.

Новые находки в книгохранилищах показывают, что такие люди в XVI веке на Руси были и даже входили в близкий контакт с окружением Ивана Грозного. Нельзя быть полностью уверенным в том, что Грозный знал об увлечении Рыкова магией и гаданиями, но и не исключено, что знал и использовал его как придворного астролога. Хотя книга «Рафли» адресована псковичам, в ней есть слова, за которыми угадывается коронованный читатель. Рыков пишет, что в свое время святой Софроний патриарх Иерусалимский «еллинския (т. е. языческие) книги преложи на христианские», потому что они полезны «и самем тем венец и багряницу (царскую порфиру) носящим».

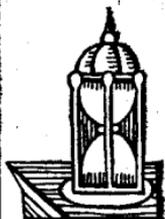
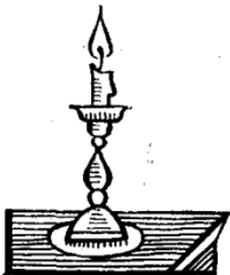
Мы не знаем дальнейшей судьбы Ивана Рыкова, выехавшего, согласно книге Рафли, из Пскова в свите Грозного. Возможно, он повлился за какое-нибудь неудачное предсказание. Главное, что удалось выяснить из текстов, в которых упоминается его имя: в XVI веке по указанию ближайшего окружения царя русским автором создавались научные книги. И для этой цели привлекались личности, незаурядные по широте и разнообразию интересов и познаний.

*А. А. ТУРИЛОВ,
А. В. ЧЕРНЕЦОВ*

Рисунок В. Леонова

НИГГИ ИВАНА ГРОЗНОГО

К первой трети XVI века относится упоминание известного русского просветителя Максима Грека о «книгохранительнице» Московского великого князя Василия III, отца Ивана Грозного, и о заключенном в ней «богособранном сокровище». В «Сказании о Максиме философе» (возможно, написанном кн. А. М. Курбским в XVI в.) тоже рассказывается о наличии многих греческих книг в великокняжеском книгохранилище. Рижский бургомистр Ниенштедт (ум. в 1622 г.) привел в своей «Хронике» рассказ о том, что примерно в 1565—1566 годах или несколько позже пастору Виттерману было показано несколько книг из царской библиотеки на греческом, латинском и еврейском языках, находившихся в помещении, куда никто из посторонних не имел доступа. Голландец Никлас Витсен записал в своем дневнике, что на его вопрос о древних книгах библиотеки царя русские ему отвечали в 1664 году: «Только одни наши братья имеют туда доступ». В 1819 году профессор Дерптского университета Хр. Дабелов нашел опись библиотеки Ивана Грозного с приведением некоторых заглавий латинских и греческих рукописей и с указанием их общего количества до 800 единиц.

Кроме прямых, имеется определенное количество косвенных свидетельств о богатой царской библиотеке. Как в настоящее время, так и прежде никто практически не сомневался в ее су-

ществовании. Однако поиски книжного собрания, предпринимавшиеся неоднократно, ни к чему не привели. Одни исследователи предполагают, что книги погибли в один из больших московских пожаров, другие считают, что библиотека была разграблена поляками в начале XVII века в период правления Лжедмитрия. Третьи думают, что она до сих пор находится в подземных тайниках. В конце XVII века на основании свидетельства дьяка Василия Макарьева 1682 года о сундуках, которые он видел в Кремлевских подвалах, здесь были предприняты раскопки. Они не увенчались успехом, как и все последующие.

Хотя судьба библиотеки Ивана Грозного остается загадкой, некоторые входившие в нее книги все-таки могут быть указаны. В конце 1930-х годов Николай Николаевич Зарубин (1893—1942) предпринял попытку собрать все сведения о книгах, которыми (точно известно) владел Иван IV, и на этой основе реконструировать хотя бы часть царской библиотеки.

В 1982 году вышла книга: «Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание» (Составитель Зарубин Н. Н. Подготовка к печати, примечания и дополнения Амосова А. А. Под редакцией Шмидта С. О.— Л.: Наука, 1982). Ее основу составляет архивный текст труда Н. Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги», состоящий из историографической и библиографической частей, в которых приводятся свидетельства источников о библиотеке Московских государей, мнения о судьбе царской библиотеки и история ее поисков, перечень книг, связанных с именем Ивана Грозного, анонимная опись библиотеки, открытая профессором Хр. Дабеловым. После Н. Н. Зарубина появились работы, пополняющие и уточняющие его разыскания. Основанные на их учете примечания и дополнения к работе Н. Н. Зарубина квалифицированно составлены научным сотрудником Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР А. А. Амосовым. Издание снабжено указателями географических названий и понятий, личных имен и памятников письменности, а также современных шифров рукописей.

Научный редактор книги, известный советский историк С. О. Шмидт характеризует ее как «справочное библиографическое пособие». Такое определение соответствует назначению издания, которое, однако, является сложным, многоплановым и по своему значению выходит за пределы обычной справочной литературы. Книга отличается от привычных справочников в узком смысле, какие существуют по различным отраслям знания, будучи предназначенными для облегчения поиска и использования нормативных и других сведений, тем, что она содержит информацию в известной степени гипотетическую, предположительную. Но это и

естественно применительно к объекту изучения — таинственной библиотеке Ивана Грозного.

Заслуга Н. П. Зарубина заключалась в том, что, взяв на вооружение вместо лопаты кладоискателя научную библиографию, он поставил перед собой цель создать модель части библиотеки, по которой с достаточной достоверностью можно охарактеризовать книжное собрание в целом. Если допустимо в данном случае использование понятий статистики, то в результате изысканий Н. П. Зарубина наука стала располагать своего рода выборкой, на основе которой определенно можно судить о библиотеке Грозного, как генеральной совокупности. Время показало, что путь, по которому пошел Н. П. Зарубин, оказался перспективным, особенно если учесть, что все попытки найти царскую библиотеку, так сказать, прямым путем, не достигли успеха, хотя соответствующие поиски и раскопки начаты 300 лет назад.

Н. П. Зарубин не считал свое исследование законченным, полагая, что «в полном объеме вопрос о книгах Грозного мог бы быть решен при том условии, если бы была приведена в известность рассеянная по разным библиотекам наша древняя рукописная и старопечатная книжность, а также были бы собраны о книгах все те данные, какие имеются во множестве во вкладных, приходо-расходных, писцовых, переписных книгах и тому подобных документах — материал, остающийся до сих пор почти целиком вне поля зрения исследователей» (с. 28—29).

Эти задачи (и независимо от установок Н. П. Зарубина) рассматривались в трудах исследователей последних лет, иногда даже не в связи с вопросом о библиотеке Ивана Грозного, но тем не менее в направлениях, важных для его решения. В их числе — разработка проблем истории русских библиотек вообще, отдельных книжных собраний, истории архивов, в которых могли отразиться сведения о книгах, связанных с Иваном IV. В результате накопился обширный материал о литературе, которая могла быть доступна царю. Эта информация содержится во многих трудах по истории библиотечного и архивного дела в России, делопроизводства приказов и пр. Основываясь на них, А. А. Амосов существенно дополнил и уточнил положения, выдвинутые и разработанные Н. П. Зарубиным.

А. А. Амосов значительно продвинулся и в вопросе реконструкции царской библиотеки, увеличив источниковую базу исследования. Н. П. Зарубин ограничивал предмет изучения почти исключительно книгами, оформленными в виде кодекса, допуская лишь незначительные исключения из этого правила. А. А. Амосов расширил его за счет публицистических произведений, справедливо полагая, что в составе библиотеки должны были находиться

не только кодексы, но и литература в виде отдельных тетрадей, свитков и пр. В таком случае в целях ее реконструкции нужно учитывать все произведения, о которых известно, что они адресовались Василию III и Ивану IV. В результате предполагаемый состав библиотеки Ивана Грозного, воссозданный П. Н. Зарубиным в числе полутора ста томов, увеличился более чем на 35 произведений, принадлежавших десяти видным русским писателям XVI века.

П. Н. Зарубин руководствовался прямыми указаниями источников о наличии книг в имуществе царя, подаренных Грозному или переданных им определенным лицам, монастырям и пр. Однако могли быть и другие произведения, известные царю. В результате кропотливой источниковедческой работы А. А. Амосову удалось прийти к неоспоримым выводам о том, что еще около 15 книг входили в состав библиотеки Грозного. Большинство из них использовалось в качестве источников летописного Лицевого свода, инициатором создания которого считается Иван IV. Таким образом, первоначальное «ядро» реконструкции книгохранилища значительно возросло.

Может показаться, что предположительное воссоздание части некогда огромной библиотеки мало что дает по сравнению с фактом открытия всего книгохранилища. Однако принцип «все или ничего» здесь неуместен. Если вновь обратиться к терминам статистики, то приходит на память понятие репрезентативности. Его понимают как такое качество выборки, которое позволяет ей служить достаточным основанием для суждения о существовании всей генеральной совокупности, как по определенному малому количеству морской воды судят о химическом составе района моря, откуда она взята.

Воссозданная часть библиотеки Грозного «репрезентативна» в том смысле, что по ней можно сделать некоторые достаточно точные выводы о всей библиотеке и без ее открытия. Но для этого надо иметь не только книжную выборку, но и глубоко разбираться в истории эпохи Ивана Грозного. Посмотрим, к каким выводам приходит в указанной области профессор С. О. Шмидт. Он считает, что книжное собрание Ивана Грозного состояло из двух или трех библиотек, точнее — ее разделов. Первый — античный; он был малодоступен и даже вовсе недоступен читателям; второй — современный, им пользовался царь и, очевидно, некоторые его приближенные. Возможно, был третий отдел, так сказать, подручная библиотека царя. Она могла находиться в составе так называемой «постельной казны», сопровождавшей царя во время его военных походов и поездок в разные города и монастыри. Как видим, С. О. Шмидт приводит довольно конкретные сообра-

жения о структуре царской библиотеки в целом. Но путь реконструкции не исчерпан и таит в себе новые интересные открытия о знаменитом книгохранилище.

Итак, мы имеем дело со справочником-исследованием, находящимся на пересечении таких научных дисциплин, как источниковедение, археография, ретроспективная аннотированная библиография, архивная эвристика и другие. Закрывая прочитанную книгу, скромно именуемую ее создателями справочником, осознаешь, что соприкоснулся с произведением нового типа, для которого еще не существует названия.

Р. А. СИМОНОВ

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Меня интересуют синонимы к слову *фанаберия* и различия в их значении».

П. Н. Клюквин, *Медынь*

Синонимами к слову *фанаберия* являются существительные *спесь*, *амбиция*, *чванство*, *гонор*. Общее значение всех этих слов — ничем не обоснованная гордость. *Спесь* — любованье собой и своими мнимыми достоинствами. *Чванство* — не только любованье собой, но и важничанье перед другими. Слова *фанаберия*, *гонор*, *амбиция* заимствованные. Они принадлежат разговорному стилю и имеют иронический оттенок. *Фанаберия* (из польского *fanabergia*) — спесь и упрямство, *гонор* (от латинского *honor* — честь) — спесь, соединенная с заносчивостью, *амбиция* (из французского *ambition*, что в свою очередь восходит к латинскому *ambitio* — честолюбие, тщеславие) — самомнение, излишнее тщеславие.

■ «Чем различаются слова *эгоизм* и *себялюбие*?»

Н. В. Печенова, *Велёв*

Слова *себялюбие* и *эгоизм* означают предпочтение своих, личных интересов или выгод интересам других людей, общественным интересам, пренебрежение ими. Отличаются эти слова не по значению, а по происхождению: *себялюбие* — русское, *эгоизм* — заимствованное из французского *égoïsme*, образованного от латинского *ego* — я.

Красна изба пирогами

Бытовой словарь древней Руси

«У них есть особый род печенья, который они называют пирогами, величиною в круг масла или с нашу сдобную булку, только несколько длиннее, и начиняют эти пироги мелко искрошенной рыбой или говядиной с луком, затем поджаривают в масле, а в постные дни в оливе; такие печенья довольно вкусны и ими угощает каждый своего гостя» — так писал о русских пирогах в XVII веке путешественник из Западной Европы Адам Олеарий (Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870).

ПИРОГ — основное название для обозначения печеных изделий из мучного теста с начинкой, оно известно в русской письменности с 1193 года. Происхождение слова до сих пор не выяснено окончательно, чаще его соотносят со словом *пир*.

В старорусском языке слово *пирог* имело повсеместное распространение, употреблялось в деловой письменности, художественных текстах и фольклоре. Выразительны пословицы с этим словом, записанные в XVII веке: «Ряб бело тело да в пирог залетело»; «Хорошо попам да поповичам: дураками их зовут да пирогами им дают» (Рукописное наследие Древней Руси, Л., 1972); «Хорошо

в дорожке пирожок з горошком» (Старинный сб. русских пословиц... Собр. П. Симоны, вып. I, СПб., 1899).

Несмотря на древность слова *пирог* и его широкую употребительность в языке, в лексиконах донационального периода его нет. Включается оно в словари с начала XVIII века.

С конца XVI века в текстах наблюдается уменьшительное образование *пирожок*. Об этом говорят и старорусские пословицы: «Голод не тетка, пирожка не подсунет»; «С соком пирожок — matka бережет». *Пирожком*, пожалуй, не назовешь такое редкое изделие, о котором упоминается в статейном списке Головина (1691 г.): «Афанасий же Байков х китайским полковым воеводам посылая с служилыми людьми пирог пшеничной весом в пуд».

*

Какие же были пироги и их названия в старой Руси?

По способу приготовления пироги были *подовые*, их пекли на поду печи, и *пряженые*, испеченные в масле на сковородке. От глагола *пряжить*, то есть жарить в масле, образованы слова *пряженцы*, *пряжены*, *пряжье*, бытовавшие в русском языке с XVII века: «6 блюд пирогов пряжья ... пирожки маленкия пряженцы» (Расходные книги Патриаршего приказа кушаньям..., СПб., 1890). Активно употреблялись эти слова и позднее.

Пироги различались по качеству муки (*просынные*, *смесные*, *крупитчатые*), по свойствам теста и начинки (*россольные*, *просольные* «с соленой рыбой», *сладкие*, *кислые*, *опарные*, *столовые*), по другим признакам (*братские*, *приказные*, *печорские*, *французские*).

В качестве начинки к пирогам использовались овощи, фрукты, ягоды, грибы, рыба, мясо, яйца, творог, например: «Того дня на братию корм шти с перцем, икра вареная, пирог с горохом» (Н. Новгород, XVI в., Синодик Печер. мон).

По названию начинки получили наименование многие разновидности пирогов. В старые времена при выборе начинки нужно было учитывать одно: «Пирогов ж начинити во скоромныя дни скоромною пачинкою, какова случилас, а в посныя дни с кашею или горохом и с соком, или с репою, и з грибы, и с рыжики, и с капустою» (Домострой).

КАПУСТНИК «пирог с капустой» наблюдается в памятнике конца XVI века: «Капустники да пиво сычевое» (1590); «Опа Ксения приходила ж и принесла с собою два пирога капустных... Спросила ее Ксению для чего де ты капусту сечешь и опа Ксенья ей вдове Федосье сказала, что на капустники» (1703 г. Государственный архив Вологодской обл.). Можно предполагать изначально территориальную ограниченность этого слова, так как в на-

циональный период оно наблюдается в севернорусских, среднерусских, уральских и сибирских говорах (Словарь русских народных говоров, вып. 13, Л., 1977).

КУРНИК — «пирог с курятиной», хотя начинкой его уже в старые времена могло быть любое мясо. Высказана версия о тюркском происхождении слова (мордовское *курняк* — «пирог с мясом»). В русском языке оно существует с конца XVI века.

Вот старинный рецепт изготовления курника: «Курник, а в него 2 лопатки муки крупчатые, кура, 20 яиц, гривенка масла коровья, 6 частей малых боранины, гривенка сала говяжьего» (Москва, 1613 г., роспись царских кушаний).

В современных говорах *курник* обозначает пирог с различной мясной и немясной начинкой, а также другие типы печеных изделий из мучного теста.

ЛУКОВНИК — «пирог с начинкой из лука» отмечается в письменности со второй половины XVI века, в частности, в цитированном списке «Домостроя» («Пироги пряженые со пшеном и с вязигою, левашники, луковники, блины с маковым творогом и с маслом»), а также в расходной книге кушаний Патриаршего приказа 1699 года: «Блюдо пирогов ягодников. Пироги луковники. Оладьи путные».

ИКРЯНИКИ или **ИКОРНИКИ** — «пироги с икрой». Впервые они упоминаются в «Домострое», а затем только в московских актах, например: «Блюдо пирогов карасей. Пироги икорники. Блюдо пирогов пражья... Блюдо пирогов икряников» (1698).

Печеные изделия с икрой известны на Руси и позднее, это *икряники* — блины, сбитые с икрой, а *икрянка* — лепешка из икры.

ЛЕВАШ — «ягодная пастила». Тюркское заимствование дало начало слову *левашник* — «пирог с ягодной пастилой». Встречается в памятниках с XVI века: «Постель и левашники себе и про гость» (Домострой). Нынешний левашник — «пирожок с начинкой из ягод» встречается в костромских, ярославских и тульских говорах.

СОЧЕНЬ (от *сочный*) впервые отмечено в «Домострое» по списку XVI века: «Всякие пироги и блины, и сочни и трубици делает». В зависимости от способа заворачивания начинки (наглухо или путем защипывания краев пирога) сочни различались по территории бытования, но в целом слово *сочень* распространено на северо-востоке, северо-западе, а также западе среднерусской территории.

СЫРНИК, судя по выявленным контекстам, в XVII веке имело значение «пирог с начинкой из яиц и творога». Употребляется с 1609 года, хотя историческими словарями не зарегистрировано: «С хлебного двorca ... блюдо пирогов пряженых с сыром, блюдо

сырников с япцы» (Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914).

В словаре В. И. Даля находим: «*Сырники* — пирожки, блинцы, начиненные творогом; вареники; род клецок, колобки из творога, с подливой».

ЯГОДНИК — «пирог с ягодами». Распространено в московской письменности с 1667 года, в исторических словарях отсутствует. Приведем описания ягодников в письменных источниках: «С Хлебного великому государю подавали ... 2 блюда левашников с черною постилою, 2 блюда ягодников с коринкою» (Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2, М., 1915).

Ягодный пирог широко известен в русском языке национального периода.

РЫБНИК — «пирог с рыбой». Слово отмечено в севернорусских актах с 1699 года. Например: «Петру с товарищем никакого вострого железа в печеном хлебе, в рыбниках и в калачах и в пирогах некоторыми меры не поднестъ».

Свой севернорусский характер слово сохраняет и позднее.

КУЛЕБЯКА. Происхождение его неясно, но, вероятно, это исконно русское слово. Имя собственное Кулебяка известно с 1603 года по расходным книгам Кирилло-Белозерского монастыря. Нарцательное *кулебяка* — «пшеничный пирог с обильной начинкой из рыбы, капусты, каши», фиксируется в письменности с 1671 года. «Печены кулебяки — платил Ивану Калинину алтын» (Из книги приходно-расходн. Спас-Прилуцк. монастыря). «На колебаку куплено теста пшеничного на два алтына» (Картотека Древнерусского словаря). *Кульбака* — «пирог с рыбой», отмечено в вятском словаре 1772 года.

По имеющимся историческим материалам, *кулебяка* — первоначально диалектное севернорусское слово. Позднее оно приобретает общерусскую известность.

Другие наименования пирогов содержат указания на форму изделия в зависимости от его способа изготовления: *каравай*, *перепеча*, *карашь*, *дрочена*, *налиток*, *пышка*, *растегай*, *сгибень*, *шаньга*.

КОРОВАЙ — **КАРАВАЙ** известно в восточно- и южнославянских языках. Происходит, возможно, от *корова*, есть предположение о первоначальном культовом его значении (см. об этом: Брагина А. А. Хлебные слова: буханка, булка, колобок. — «Русская речь», 1983, № 2). В качестве имени собственного употребляется с 1458 года: «Тихон Коровай, дворецкий митрополита Ионы» (Веселовский С. В. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974). Как нарицательное отмечено в тексте 1526 года: «А боярыни приговорили о короваях, короваи нести утрово из той избы, где их цекли».

Часто в памятниках упоминается *свадебный каравай*, с которыми связаны некоторые детали свадебного обряда. В зависимости от качества муки, начинки, способа выпечки были известны каравай: *битый* — «из сдобного теста», *просыпной*, *пересыпной* — «слоеный», *яицкой* — «который ели с медом», *молочный*, *крупичатый*, *блинчатый*, *прорезной* и другие.

Основной обязательный признак каравая — круглая форма; с начинкой — круглый пирог, без начинки — круглый белый хлеб. В тексте 1597 года читаем: «Пирог подовой с сыром, коровой яицкой, коровой битой, коровой ставленой с сыром» (Памятники дипломатич. сношений с Римской империею, т. 2, СПб., 1854). В росписи царских кушаний 1613 года: «Коровой битой, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 40 яиц, 2 гривенки масла коровья, полсыра кислого».

КАРАВАЕЦ. Известно в текстах со второй половины XVI века: «Пироги з блинцы и с маком, и с кашею, и с репою, и с капустою, или орешки в соку и короваици с чем бог послал» (Домострой).

ПЕРЕПЕЧА — старинное название разновидности русского пирога. В иллюстрированной рукописи 1626 года, описывающей царскую свадьбу, есть рисунок перепечи: это высокий пирог в виде горки, сложенной из отдельных шариков теста. Слово *перепеча* наблюдается в письменности с 1526 года: «И дружко великаго князя благословясь, учнет резати перепечу и сыры».

Перепечи были особенно распространены на столах знати. Так, на Рождество 1663 года царице Марье Ильиничне и ее дочерям было поднесено в дар 426 перепеч (Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., М., 1895). Хотя перепечи не имели начинки, но сдобное тесто и нарядный вид приближают их к пирогам. Сохранялись они и в более позднее время: «Перепеча — толстый сдобный, крупичатый или пшеничный кулич или коровай для свадьбы» (Бурнашев В. П. Опыт термин. словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. 2, СПб., 1844).

КАРАСЬ — продолговатый пирог в форме рыбы. Начинкой такого пирога могли быть и рыба, и мясо. Слово имело и два уменьшительных образования — *карасец* и *карасик*: «2 блюда карасиков маливких с курятиною, 2 блюда карасей с бараниною... 20 блюд карасей с говядиною рядовых» (Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2, М., 1915).

ДРОЧЕНА — от общеславянского слова *дрочить* — «пестовать, баловать». Дрочены отличались разнообразием исходных продуктов, например: «Каша молочная, яишницы или дрочены, пироги с блинцами»; «А прибыльная ества посная дрочена в маковом молоке» (Домострой по сп. XVII в.).

НАЛИТОК — «печеное изделие из теста». В московском деловом языке слово известно с XVII века: «С Хлебного дворца ... 2 колоба в 4 лопатки, 2 блюда налитков, 3 курника колобовых» (Памятники диплом. сношений с Римской империею, т. 5, СПб., 1858). Уточнению значения слова помогает обращение к диалектным данным: *Налитьш* — «блины, наливаемые на сковороду — олонецкое»; *наливашиник* — «пряженный пирожок с начинкой в одном углу»; *наливушка* — пирог с наливой, вроде высокой ватрушки — вологодское» (см. словарь В. И. Даля).

*

По внешнему виду из-за мягкости, пышности готового изделия некоторые виды пирогов стали именовать *пышками*: «Хлебнику Федке Григорьеву в приказ, что он государю патриарху кушанье сделал... к обедному кушанью пышку»; «Пироги пышки. Оладьи путные». В языке Москвы слово *пышка* быстро становится фактом общерусского употребления.

РОСТЕГАЙ — «пирог с рыбой или другой открытой начинкой», он как бы расстегнут сверху. Наблюдается в письменности с 1664 года: «Блюдо пирогов ростегаев с кашею да с сыром»; «Два блюда ростегаев с пшеном да с вязигую». В современном русском языке *ростегай* — широко известное литературное слово.

СГИБЕНЬ — «род пирога, согнутого вдвое» отмечается в 1700 году в московской деловой письменности: «Папошник с коринкою, згибень с горохом, 2 пирога с кашею». У Даля: «Сгибень, псковское — пирог, обычно согнутый, сложенный вдвое, с кашей, либо с ягодами; род калача, иногда ячного, согнутый вдвое круг теста, булка полукругом».

ШАНЬГА в письменности XVI—XVII веков представлено лишь как имя собственное: «Шаньга, крестьянин, 1564 г., Олонец». *Шаньга* — «мучное изделие», отмечено в вологодской пословице по записям конца XVII — начала XVIII века: «Тот же роствор да на те же шанги».

По диалектным данным XIX века, *шаньга* — севернорусское слово, обозначающее род ватрушки, сочня или лепешки.

Велико разнообразие русских пирогов, румяных, пышущих жаром, ароматным запахом печеного теста и вкусной начинки. В былые времена по праздникам к каждому блюду подавался особый пирог, а всего на столе их было более десятка. Любят и сейчас пироги в народе, берегут секреты их выпечки. «Не красна изба углами, а красна пирогами» — таков обычай русского гостеприимства.

Г. В. СУДАКОВ

Вологда

Рисунок В. Толстоногова

ЗДЕСЬ ВСЕ НАНОСИТСЯ НА КАРТУ...

Наверное, многие из нас сталкивались с тем, что люди, живущие в разных областях, говорят на родном языке по-разному. Даже жители близких деревень порой отличаются друг от друга своим говором. Особенности произношения закрепляются в прозвищах: «Да мы их зовем „щемяки“, они на *щ* говорят; вот, к примеру, *щичащ* (сейчас)...» (записано в деревне Поповка Тамбовской области).

Наука, изучающая говоры различных территорий, называется диалектологией (диалект — наречие, говор языка).

Интерес к диалектологии в русском языкознании проявился в XIX веке. На том этапе развитие науки шло по пути накопления фактического материала: исследователи стремились собрать как можно больше сведений о говорах, зафиксировать областные слова и речения, создать на этом материале диалектные словари. Одним из самых грандиозных памятников подобной деятельности стал «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866), включивший 200 тысяч слов, из которых значительная часть — диалектные.

Уже в середине XIX века академик И. И. Срезневский писал о «первой насущной потребности этой новой науки (диалектологии) — составлении языковой карты». А позже из диалектологии выделяется особая ее отрасль — лингвистическая география, основой которой является лингвистическая карта.

Что же такое лингвистическая карта? Это обычная карта, похожая на контурную, на которой с помощью специальных условных обозначений представлены территории распространения какого-либо языкового явления. Например, одно из главных диалектных различий русского языка — противопоставление *оканья* и *аканья*. Территориальные границы данного явления можно нанести на карту (см. рисунок). Для *окающих* говоров характерно различие *о* и *а* в безударном положении, то есть произношение типа

вода, корова и трава, сады; а для аканья, наоборот, — неразличение этих же гласных в безударном положении: *вада, карова и трава, сады*. Граница этого явления, показанная специальной линией — изоглоссой, делит территорию как бы по «диагонали», с северо-запада на юго-восток. Вдоль границы располагаются говоры переходные, такие, в которых сосуществуют обе системы (оканье и аканье), или же говоры, создавшие свою особую систему произношения *о* и *а*. Оканье — аканье — не изолированная фонетическая черта, а явление, влияющее на многие факты в фонетике, морфологии и лексике.

Интенсивное лингвогеографическое изучение русских говоров началось в 20 веке. В 1903 году при Российской Академии наук при поддержке академика А. А. Шахматова была организована Московская диалектологическая комиссия (МДК). Члены МДК основную свою задачу видели в составлении диалектологической карты русского языка. Решение этой задачи было возложено на таких ученых, как Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Труды которых и был создан известный «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением «Очерка русской диалектологии» (1915 г.).

В советское время лингвогеографические исследования были продолжены. Чтобы выяснить, какие именно диалектные явления найдут отражение на лингвистических картах, была составлена специальная программа, включающая около 300 вопросов («Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М.—Л., 1947). Например: «Какой гласный звук произносится в первом предударном слоге на месте буквы *о*? Произносится ли звук *о* или *а*, или звук, средний между *а* и *ы*, на слух близкий к *э*? — *водá, вадá, выдá; мой, ма́я* или *мыá...*». «Какое окончание имеют существительные во множественном числе: а) в именительном падеже: *домá, д́бмы; рогá, рóги; лесá, лэсы* или *лесý; лбшади, лошади́; болóта, болóты* или *болотá* и т. д. б) в родительном падеже: *годóв, годóх* или *год; зайцев, зайцóв* или *зайце́й* и т. д.».

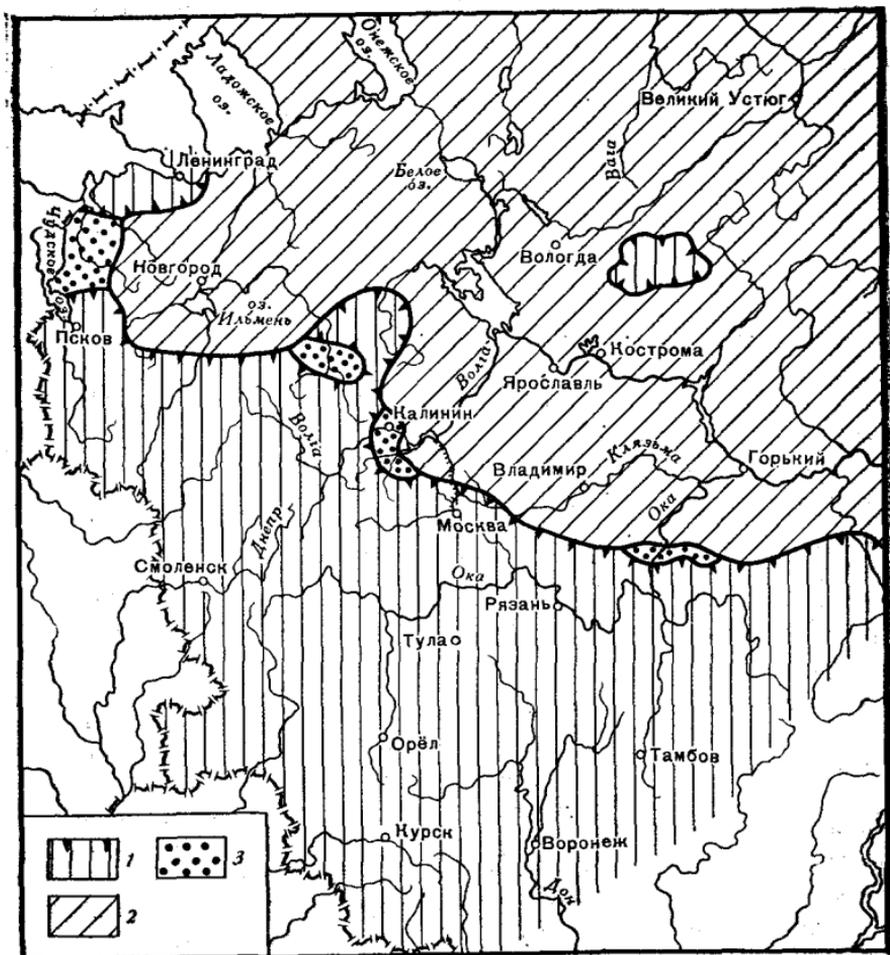
«Как у вас называются вязаные, кожаные или матерчатые рукавицы с одним пальцем: *ва́режки, вязёнки, дэльныцы, дянки, шубни́цы, делёнки, гблки...*?»

Составление программы было делом непростым, требующим осознания диалектных различий не как хаотического нагромождения фактов, а как явлений, связанных друг с другом. При этом перед диалектологами стояла задача показать данное языковое явление как часть целого — звена в системе говора и всей совокупности говоров.

Для обследования была выбрана территория в Европейской части РСФСР, издавна заселенная восточнославянскими племенами, где и сформировалась великорусская народность. Именно там складывались основные диалекты русского языка. Изучались говоры Белгородской, Брянской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Калужской, Костромской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Московской, Новгородской, Орловской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ярославской областей. Конечно, за пределами перечисленных территорий осталось большое пространство с русским населением, но там оно появилось позднее, уже после XVI века (Среднее и Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток). Это территории, на которых соседствуют говоры русских переселенцев из разных мест или же говоры, на которые влияли языки соседних нерусских племен и народностей. Обследование говоров этих местностей ведется многими вузами Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время проводится работа по составлению диалектологического атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья, уже составлены или составляются атласы, посвященные отдельным группам говоров территорий позднего заселения.

Материал по программе собирался, в основном, в 1946—1966 годах во время многочисленных экспедиций. В них участвовали преподаватели, аспиранты, студенты 70 педагогических вузов и университетов страны и сотрудники сектора диалектологии Института русского языка АН СССР. Чтобы дать представление о трудоемкости собирания материала, скажем, что число обследованных сел и деревень достигает почти пяти тысяч. Частота обследования — один пункт на 225 квадратных километров. Это значит, что населенные пункты находятся один от другого на расстоянии приблизительно в 15 километров. С карапдашом и записной книжкой в руках, позже — с магнитофоном побывали диалектологи во всех этих селах и деревнях. Вслушивались в местное произношение слов, записывали речь старожилов, памятуя о русской поговорке: «Кто говорит, тот сеет, кто слушает — пожинает».

Со стороны может показаться, что диалектологическая экспедиция — занятие легкое, не требующее специальной подготовки. Это не так. Работа требует не только больших профессиональных знаний, но и способности расположить к себе собеседника, вызвать его симпатию и доверие. Существует даже такой термин «разговорить информанта». Кроме того, лингвист должен слушать и слышать языковые явления. Существуют ведь и такие тонкие фонетические различия, которые неопытный собиратель может и не заметить, например, особое произношение *о*: *село* (*село*), *дорога* (*дорога*), и многие другие явления. Не обходится при сборе ма-

1 — аканье; 2 — оканье; 3 — переходные и смешанные типы вокализма

териалов и без курьезов. В одном из вопросов, например, требуется выяснить творительный падеж существительного *ложка*. Студенты спрашивают у бабушки Варварушки: «Бабушка, а чем вы едите?» На что получают полный иронии ответ: «Едим мы так же, как и вы — кочергой». Носители говора очень часто наделены не только чувством юмора, но и удивительным языковым чутьем. К работе диалектологов они относятся с пониманием и уважением. Как-то в одной из псковских деревень довелось услышать: «Ну и работа у вас трудная — христорадничаете за словом!»

После того, как материал собран, лингвисты анализируют его и, пользуясь специальными условными обозначениями (цвет-

том, штриховкой и пр.), наносят на карту. Сбор материала и его картографирование длились более 30 лет. Вся обследованная территория была разделена на регионы (участки): Северо-западный, Северный, Западный, Восточный, Южный. Сначала сотрудниками Института русского языка АН СССР были подготовлены атласы этих территорий — региональные атласы. Один из них — «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» — был опубликован в 1957 году. Работой по составлению лингвистических карт руководил член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов (1902—1982 гг.) — основатель московской школы лингвистической географии.

Лингвистические карты представляют интерес не только для тех, кто изучает современные говоры, но и для специалистов по истории языка, так как многие диалекты сохранили до наших дней древнейшие языковые особенности. К ним относится отсутствие звука *ф*: произношение — *Хвѣдор*, *Пилипп*, *сарахан*; произношение местоимений — *тобе*, *собе*, вместо более поздних *тебе*, *себе*; особое произношение *ѣ* как *иѣ*: *лиѣс*, *хлиѣб*, *пиѣт* и другие.

Современные диалекты — результат исторического развития русского языка, а история языка неотделима от истории народа. Так, в говорах некоторых областей России можно услышать *коронить* вместо *хоронить*, *кутор* вместо *хутор*, *клев* вместо *хлев* и т. д. Это языковое явление, по мнению некоторых лингвистов, связано со взаимодействием угро-финских языков с русскими говорами и отражает процесс контактирования самих народностей.

В настоящее время в нашей стране ведется большая лингво-географическая работа. Некоторые лингвистические атласы уже опубликованы (например, Диалектологический атлас белорусского языка). Этот факт — важный этап в культурной жизни народа.

Любой диалектологический атлас уникален, потому что собрать идентичные материалы уже невозможно. Говоры не имеют письменной формы существования, они постоянно изменяются в современной языковой ситуации, взаимодействуя друг с другом и испытывая влияние со стороны литературного языка. Таким образом, каждый атлас является своего рода историческим памятником народного языка, и в этом смысле он — бесценный материал для будущих поколений лингвистов.

Лингвистические карты русского языка помогли в разработке многих вопросов в области русской, восточнославянской, славянской диалектологии. Они могут дать еще много нового материала в руки историков, этнографов, археологов, этнолингвистов и просто любителей русского языка.

**И. А. БУКРИНСКАЯ,
О. Е. КАРМАКОВА**

Летописец достославного града Глунова, рассуждая «о корнях происхождения глуновцев» и их соседях, утверждает, что «был... в древности народ, головотяпами именуемый, и жил он далеко на севере, там, где греческие и римские историки и географы предполагали существование Гиперборейского моря. Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» головами обо все, что бы ни встретилось на пути. Стена попадетя — об стену тяпают; богу молиться начнут — об пол тяпают. По соседству с головотяпами жило множество независимых племен, но только замечательнейшие из них поименованы летописцем, а именно: моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, лапотники, черNONEБЫЕ, долбежники, проломленные головы, слепороды, губошлепы, вислоухие, кособрюхие, ряпушники, заугольники, крошевники и рукоосу...»

Все эти удивительные названия удивительных племен М. Е. Салтыковым-Щедриним, пародирующим здесь то ли Геродота, то ли Нестора, не выдуманы. Напротив, воспроизведены с почти научной точностью. «Племена» эти действительно существовали. И разумелись под ними не кто иные, как... жители Архангельска (моржееды) и Рязани (кособрюхие), Новгорода (долбежники, гущееды) и Вятки (слепороды), Дмитрова (лягушечники) и Чухломы (рукоосу), Коломны (черNONEБЫЕ) и Холмогор (заугольники)...

Подобно тому как у человека кроме имени и фамилии, записанных в паспорте, может быть и неофициальное — семейное, школьное, уличное — прозвище, у жителей различных мест, наряду с точными, «паспортными» названиями типа *москвичи*, *воронежцы*, *волжане*, *сибиряки* и т. п., могли существовать и «неофициальные» названия на манер тех, о которых сообщает глуховский летописец. Это тоже прозвища, но давались они не одному человеку, а населению целой деревни, города или края, целой этнографической группе. Таких прозвищ насчитывались многие сотни. Именоваться ими могли и население огромной территории (например, *чалдоны* — русское старожильческое население Сибири), и жители одной улицы или хутора (например, *крупенники* — жители части села Николо-Павловского, в 15 км. от Ниж. Тагила, предки которых занимались обдиранием круп, или *барётники* — жители хутора Титова станицы Богоявленской на Дону, носившие, в отличие от других казаков, башмаки — *барёты*).

Некоторые исследователи включают эти регионально-групповые прозвища, даваемые жителям городов, сел, губерний, уездов, побережий рек и озер и т. д., в этнонимиию — совокупность названий различных этносов (племен, народов) — на правах так называемых микроэтнонимов. Для многих прозвищ рассматриваемого типа такая их лингвистическая трактовка оправданна. Замечательный русский этнограф и диалектолог Д. К. Зеленин, обративший в свое время серьезное внимание на микроэтнонимы (сам он, вслед за В. И. Далем, называл их «присловьями»), писал по этому поводу: «...присловья являются голосом народа о самом себе (и о своих соседях). В этом отношении присловья особенно интересны для этнографа. Как народ сам себя делит? в чем видит свое отличие от других народов? в чем усматривает отличие жителей одной местности от другой?.. Присловья помогают установить исследователю деление народа на этнографические группы не только более крупные, но и мельчайшие. Установка этих групп — одна из трудных задач этнографии...»

Большинство микроэтнонимов-«присловий» посит, как нетрудно заметить, уничижительный, насмешливый характер. Несмотря на это, к ним можно отнестись вполне серьезно и увидеть в них любопытный источник сведений по истории, этнографии, диалектологии, социальной и этнической психологии. Подчас за грубоватым юмором этих прозвищ стоит поразительная наблюдательность, умение увидеть разницу между собой и соседями, острое чувство «своего» и «чужого». Все это позволяет говорить о регионально-групповых прозвищах как об одном из моментов своеобразной «этнографии изнутри», вскрывающей то, что часто ускользает от

исследователя-этнографа, которому по большей части свойствен взгляд «извне».

*

В регионально-групповых прозвищах отражаются природные условия, характерные для тех или иных местностей. Например жителей города Буя называли *лесовщиками*: костромское Заволжье славилось густыми лесами. Жителей Вологды, расположенной в болотистых местах, дразнили *лягушатниками*, *лягушечниками* и просто *лягушками* (так же, как и жителей Дмитрова). Обитателей сухой безводной долины северо-восточнее Чудского озера звали собирательным именем *ледчина* (вероятно, производное от *ляда*, в числе многих значений которого — «пустошь», «неудобь», «сухое место» и др.). В Ярославской области население деревень, расположенных на высоком берегу Волги, зовут *высотчина*. На Русском Севере, на Волге и Дону широко известны прозвища для жителей верховий рек, производные от слова *верх* — *верховик*, *верховцы*, *верховиё*, *верхотá* и т. п.

*

Большой интерес для исследователя представляет отражение в регионально-групповых прозвищах многих этнографических черт различных групп русского населения. Особенно часто в основу прозвищ брались такие признаки, как род занятий (ремесла, промыслы, распространенные в той или иной местности), одежда и пища, характерные для тех или иных этнографических групп.

В городе Егорьевске под Москвой исстари велось производство берд — гребней для ткацкого стана, а Красноборск на Сев. Двине славился выделкой тканых поясов. Их жителей, безотносительно к профессии каждого из них, называли соответственно *бердовщиками* и *кушачниками*. Знаменитый мстёрский иконописный промысел, сохранившийся до нынешнего времени как лаковая миниатюра, послужил причиной того, что всех мстёрцев дразнили *богомáзами*. Крестьяне села Б. Мурашкино в Нижегородской губернии, занимавшиеся в прошлом овчинным промыслом, были известны среди своих соседей как *тулупники*, *кислая овчина*. По бондарному промыслу, существовавшему в деревне Залывье в Архангельской губернии, всех жителей звали *залывчане купорá* (*кúпор* — «бондарь»). В дореволюционной России было весьма распространено отходничество — временный уход крестьян в другие местности на сезонные работы. Жители Юхновского уезда Смоленской губернии и Вельского уезда Вологодской губернии часто подвизались на земляных

работам; поэтому юхновцев и вельчан повсюду звали *землекбами*, даже если конкретные «обзываемые» лица к земляным работам никакого отношения не имели.

Разумеется, остролыбы не упустили случая посмеяться над обладателями редких или зазорных профессий. Например, жителей города Ялуторовска Тобольской губернии дразнили *кошкодерниками* (по Далю, *кошкодерушки* — «разъезжающие по деревням торговцы, меняющие товар на кошек»); жителей Бежецка Тверской губернии насмешливо звали *бэжецкими кошкодáвами*; прозвище *кашабэи* (производное от диал. *коша* «кошка» и *бить*) известно было также в Курской губернии. Возможно, однако, что такими прозвищами жители соответствующих мест обязаны не своим занятиям, а каким-либо не дошедшим до нас анекдотам или вошедшим в поговорку происшествиям.

Указание на профессию в прозвищах может достигаться использованием существительных, обозначающих предметы, тесно связанные с родом занятий «обзываемых», с сопровождающим оттопонимическим прилагательным: *ярославский фартук* — об официантах в старой Москве, в большой своей части родом из Ярославской губернии; *можайская игла* — об уроженцах Можайского уезда, которых было много среди московских портных.

*

Регионально-групповые прозвища, конечно же, не обходят стороной такие яркие этнографические признаки различных территориальных групп, как типы одежды и манера одеваться: *красные голенища* — насмешливое прозвище, которым жители Архангельска удостоили кемских поморов, так как те носили бахилы из сыромятной неочерненной тюленьей кожи; *канёжники* — жители города Кандалакши, от *каньга* «меховые сапоги из шкур с ног оленя»; *лапотны*, *лапотбчники*, *чернолапотницы* и т. п. — прозвища, дававшиеся коренными сибиряками переселенцам из европейской части России; *рбкан*, во множественном числе *роканá* — прозвище жителей Терского берега, от *рбкан* — «непромокаемый рыбацкий костюм»; *верхотычка* — прозвище крестьян с верховий рек в Холмогорском и Пинежском уездах Архангельской губернии, от *верхотычка* — «шляпа, шапка, сваленная из овечьей шерсти»; *долгопúзик* — прозвище воронежских переселенцев в Астраханскую губернию, *косопузий* — прозвище крестьян однодворцев из Коротоякского уезда Воронежской губернии, *ваги кособрюхие* — жители побережий реки Ваги, притока Сев. Двины. Для всех этих территориальных групп населения характерна традиция: рубаха с низкой подпояской и напуском впереди.

То же следует сказать и о народной гастрономии: разные регионы характеризуются различиями в пристрастиях их населения к тем или иным продуктам и блюдам, и это обстоятельство, естественно, не могло не получить отражения в регионально-групповых прозвищах. Жители побережий Печоры, в отличие от мезенцев, употребляли в пищу растение *борщ*, за что мезенцы дразнили их *борщеедами*. *Гущеёдами* новгородцев звали, по Далю, «за их пристрастие во время поста к гуще — кушанью из сваренной в воде ячменной крупы». Прозвище *кислицники* жители села Андомы в Олонецкой губернии заслужили своей любовью к щам со щавелем (ср. диал. *кислиця* — «щавель»). Жителей Ростова Великого дразнили *лапшеви́ками*, а жителей города Кириллова Вологодской области — *кашехлёбами*. Многие подобные прозвища являются производными от узколокальных диалектных слов: *кула́жники*, *кула́жники* — сибирские казаки (*кула́га* — «кушанье из толокна», «закваска для браги», «солод», «простокваша»), *айря́нчики* — некоторые группы уральских казаков (*айря́н*, *айра́н* — напиток из кислого молока), *качемáзники* — уроженцы побережья Охотского моря (*качемáз* — «вяленая рыба, юкола»), *кукше́ды* — жители деревни Шалы Пудожского уезда Олонецкой губернии («протекающая мимо нее река... богата налимами, зобок которых зовется кукшей», — по замечанию составителя олонецкого областного словаря Г. Куликовского), *сдобные коку́ры*, *завблжская коку́рка* — население нижегородского Заволжья (*коку́ра* — «ватрушка», «сдобная лепешка») и т. п.

Не все, однако, прозвища с компонентом *-еды* (или *-хлёбы*, *-глоды*) следует понимать буквально. Вряд ли упомянутые *кукшееды* действительно питались налимыми зобками (впрочем, слова *ку́кша*, *кукша́к* означают в северорусских говорах и некоторых непромысловых лесных птиц), так же как *моржееды* (архангельцы) — моржами, а *векшееды* (жители бывш. Никольского, Яренского уездов Вологодской губернии; Шенкурского уезда Архангельской губ., Красноуфимского уезда Пермской губ. и др.) — векшами, то есть белками (это связано скорее с родом занятий «обываемых», так как во всех этих местах развит промысел белки). По поводу прозвища *орловцы ершееды* — о жителях города Орлова (бывш. Вятской губ.) Д. К. Зеленин справедливо замечал: «Но ерш, ввиду его мизерности, демократическая рыба, так что ершееды можно понимать и в смысле: «беднота»... Ерш означает еще удар (кулаком?), и ершедами можно назвать также лиц, которым часто приходится кушать ерши этого последнего сорта». Если жителей города Спасска-Рязанского звали *блинниками*, вероятно, за их любовь к блинам, то это же самое прозвище, применявшееся к жителям Ишима Тюменской области, никакого отношения к мучным изделиям не

имеет: *блинниками* называли фальшивомонетчиков (ср. *блинкі* — «фальшивые монеты, ассигнации»).

Возможно, что намек (хотя бы и шутливый) на «гастрономические» привязанности населения определенных территорий содержится в групповых прозвищах типа *ерші гáлицкіе* — жители Галича Костромской области; *карасі* — жители села Двоеозеры Владимирской области (близ села находились озера, богатые рыбой); *ласкірь* — прозвище казака донской станицы Раздорской (донское *ласкірь* — «небольшой лещ»); *лòхи* — жители Пижмы в бассейне Печоры, которые считались плохими рыбаками, ибо ловили только отощавшую после нереста семгу, лосося — *лòхов*: «К ним хорошая рыба нейдет, их прозвали лохами»; *кривой бмуть* — прозвище жителей Иркутска; *наважьи гòловы* — поморы: «Онежаны — дружки, каргополы — мешки, поморы — наважьи головы». Не исключено, однако, что народная гастрономия здесь и ни при чем. Настораживает вообще обилие прозвищ с переносным употреблением названий живности, связанной с водной стихией. Кроме наименований рыб и лягушек, в прозвищах рассматриваемого типа весьма нередко встречаются названия водоплавающих птиц: *бакланы* — астраханцы, живущие по высокому берегу Волги; *гагáры* — жители села Княжая Губа Мурманской области (названия *гагáры*, *гогáры*, *балахбнская гагáра* для обозначения населения быв. Сарапульского, Малмыжского уездов Вятской губ., г. Балахны в Горьковской обл., по-видимому, из другого семантического ряда: в вятских говорах *гагара* имеет значения: «человек, часто смеющийся громким отрывистым смехом», «высокий нескладный человек; неуклюжая высокая женщина»); *кáчуры* — донские казаки рабочего полка (*кáчур* — «селезень»); *крекáль*, *крокáль* — житель села Ковда Мурманской области (другое значение — «крохаль, разновидность утки»); *чирòк* — житель сел Стрельна, Чаванга той же области. Высокая доля прозвищных образований по этой семантической модели вряд ли случайна, но конкретное их объяснение часто затруднительно. Может быть, существенно в них то, что большей частью переносу подвергаются названия малоценных в промысловом отношении рыб и птиц, и, таким образом, смысл подобных прозвищ — просто уничижение. А может быть, преобладает юмористический момент: слишком уж несходны между собою образ жизни людей и повадки водяных тварей.

Подмечаются в прозвищах жителей различных мест и особенности народной гигиены или, чаще, ее отсутствие: *кишкòбрòды* — насмешливое прозвище рыбаков, добывающих треску на Мурмане в

становище Гаврилово: «Рыбаки здесь совсем не заботятся об очистке берега от забросов и, как бы не замечая их, бродят в кишках в течение промыслового сезона»; *блосники* (по Далю) — «блосниками сибиряки зовут великорусов, потому что в Сибири нет блох»; *коптелы* — жители деревни Коровий ручей бывшего Усть-Цилемского уезда Архангельской губернии: «Коровенски — *коптелы*, они люди-то черны были таки»; *запьянские чупахи* — жители Запьянья, местности в Горьковской области (*чупахи* — «неряхи»); *чернонёбые* — коломенцы (последнее можно толковать как «живущие в избах с закопченными потолками», ср. *безнёбые* — о жителях д. Черепашиной бывш. Каргопольского уезда Олонецкой губ., по объяснению Г. Куликовского, «доведших избы свои до такого плохого состояния, что многие из них стоят без крыш») и т. д.

*

Множество регионально-групповых прозвищ находит объяснение в прибаутках, дразнилках, «бухтинах», анекдотах о жителях тех или иных местностей. Особенно «повезло» в этом отношении, как известно, пошехонцам (у которых немало собратьев по «везению» в других странах: габровцы в Болгарии, гасконцы во Франции, тexasцы в Америке и т. д.).

Жителей Вятки и Уржума дразнили *свиносáдами* и *порося́тниками* в связи с анекдотической историей, будто они пытались усадить поросенка на куриный насест, приговаривая: «чепись-чепись, не то падешь; курица о двух ногах, и то чепичья». О жителях села Кузаранды в Заонежье, которых дразнили *девятью лёдди*, рассказывали анекдот: были они вдесятером, решили пересчитать друг друга, но каждый из них недосчитывался одного, забывая посчитать себя; помог им, наконец, посторонний. О вологодцах-*толокбнниках* рассказывали, будто они, собравшись в путешествие ужинать, замесили толокно прямо в Волге. Впрочем, то же самое рассказывают и про пошехонцев. Прозвище оренбургских казаков *кошбмное вбйско* — из язвительной прибаутки «семь лет на кошме воевали, а ни одной блохи не пымали». Жителей бывшего Вытегорского уезда Олонецкой губернии прозвали *камзбльниками* за то, что они, дескать, то ли выпросили на память, то ли украли у Петра Первого камзол, из которого нашили шапок. Елабужане-*гуцемёры* «аршином гущу меряли», ардатовцы-*гужбтники* «сварили гужи вместо грибов в города, на постоялом двory». Казаков станицы Филоновской на Дону звали *гáлками*: когда строили церковь, кто-то повесил на колокольню дохлую галку, за что над станичниками подтрунивали: «у филоновцев на кресте галка удушилась». Широко известен анекдот о том, как жители некоей деревни по ошибке съели вместо зайца свою собаку. Из-за этой леденящей душу истории жителей села Вичкино Владимирской области драз-

нили *багряны* (их собаку звали Багрешкой), а жителей побережья озера Самро в Ленинградской области — *боскоёдами* (Боско — распространенная кличка собаки). Этот пример помогает объяснить «обвинение» против петрозаводцев, которые будто бы *божку съели* (находим мы в той же «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина).

Многие регионально-групповые прозвища подвергаются «облагораживающему» переосмыслению, для чего сочиняется соответствующий сюжет. Например, первоначально бранные прозвища уржумцев и холмогорцев *крапивники* и *заугольники* — «незаконно-рожденные» позже стали толковаться по-иному: уржумцы как будто раньше торговали на местном рынке крапивою, а холмогорцы якобы прятались от Петра Великого в бытность его в тамошних местах и только украдкой выглядывали из-за углов домов.

*

Русские регионально-групповые прозвища изучены еще явно недостаточно. А они, однако, представляют интерес в равной мере и для лингвиста, и для этнографа или специалиста по этнопсихологии. Языковед привлекает обилие формальных типов таких прозвищ, совмещение в одном наименовании-прозвище различных семантических признаков, территориальная варьируемость «микротипов» и многое другое.

Для этнографа же особый интерес представляет то обстоятельство, что регионально-групповые прозвища характеризуют с точки зрения истории материальной и духовной культуры не только свой «объект» (тех, кого «обзывают»), но и «субъект» (тех, кто дает эти прозвища), поскольку выбор признаков, берущихся в основу прозвища определен прежде всего сознанием отсутствия таких особенностей «у нас»: по словам великого французского философа Мишеля Монтеня, «мнения и обычаи нашей страны служат нам мерилami истинного и разумного».

А. Ф. ЖУРАВЛЕВ

Рисунок В. Комарова

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ

Окончание. Начало см.: 1984, № 2

XIV веке на страницах исторических документов появляется новый вариант названия города — *Великий Новгород*. Это было связано не только с расцветом боярской республики, но и с появлением в XIII веке у впадения реки Оки в Волгу Нижнего Новгорода. Топоним *Новгород* с определением *Великий* мы находим, например, уже в договоре Великого Новгорода с ганзейскими городами 1392 года: «...ко всему Великому Новгороду» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949). Что же касается имени города, возникшего на волжских берегах, то между ним и Новгородом существовала непосредственная связь, ибо путь из Новгорода на Волхове к Каспийскому морю по Волге назывался путем *на низ* (отсюда — *Нижний Новгород*).

Вероятно, в XV веке (быть может, и несколько ранее) возникает еще один вариант, еще одна необычная форма топонима, которому посвящен этот очерк, а именно — *Господин Великий Новгород*: «господин Великы Новьгород», а иногда даже: «господин государь Великий Новьгород» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова). Правда, в последнем случае перед нами скорее юридическая формула, вызванная потребностью включения в договор титулования, равного княжескому, и обозначающая, по-видимому, все обладавшее гражданскими правами население города, а может быть, и пригородов: «...и посадники и тысяцккии и весь господин Великы Новьгород» (Там же). Таким образом, появление формы

Новгород

Господин Великий Новгород неразрывно связано с особенностями государственного устройства Новгородской земли, представлявшей собой феодальную республику. Символом новгородской независимости было знаменитое городское вече. Слово *вече* — общеславянского происхождения; оно образовано с помощью суффикса — *-j-* от слова *вѣтъ*, то есть «совет» (вспомним и глаголы *вѣдѣти*, *вѣстити* «знать, ведать»). В современном русском языке слову *вече* родственны слова *завет*, *совет*, *ответ*, *обет* и некоторые другие.

Как уже упоминалось в первой части очерка, древний Новгород имел сложную планировку: две половины — Софийскую (иногда упоминавшуюся и под названием Владычная) и Торговую, на которые город был разделен рекой Волхов. Они соединялись между собой *Великим мостом*, известным как излюбленное место действия во многих былинах, и как место столкновений враждовавших группировок горожан. В названиях этих сторон отражены их основные признаки, присущие им особенности: городская святыня — *Софийский собор* и *Торг* (*Торговище*), имевший для города также большое значение. Новгородская летопись иногда именует Торговую сторону *Онънол* — «другая половина», а жителей стороны — *ониполовици*.

Основной частью Торга был *Великий ряд*, он же — *Сурожский* (поскольку наиболее богатая часть гостей торговала с крымским Сурожем, совр. — Судак). Другие ряды носили названия *Пробытный*, *Корыстный* (здесь торговали перекупщики). Торг располагался рядом с княжеским двором, это место ныне известно как *Ярославово Дворище* и представляет собой интереснейший архитектурный

ансамбль. Между прочим, на близость бывшего Торга указывают и названия сохранившихся до наших дней Николо-Дворищенского собора и церкви Параскевы Пятницы, данные в честь покровителей торговцев и путешественников. Топоним *Ярославово Дворище*, как это ни странно, — относительно позднего происхождения. Летописи, грамоты именуют эту часть Новгорода *Княжи двор*, *Княж двор*, чаще — *Ярославль двор*, а с XIV века — *Дворище* или же *Ярославль Дворищѣ*. Первая часть топонима связана с именем князя Ярослава Мудрого. После выселения княжеская резиденция пустеет, и *Ярославль двор* фактически превращается в название участка городской территории, в название урочища, где неоднократно собиралось вече Торговой стороны. Интересны названия древних улиц Торговой стороны: *Виткова* (от ручья Витка), *Путная* (ср.: *путо* — «стадо», *путник* — «дорога, где гоняют стадо»), *Бардова* (ср.: *барда* — «грязь, гуща», а также «плохая, бесплодная, болотистая или каменистая почва») и другие.

Центр Софийской стороны и всего города — храм св. Софии — был символом города: «...где Святая София, ту Новгород». Собор широко известен великолепием архитектурных форм, фресковой живописью, древними мозаичными изображениями. Западные ворота собора носят название *Сигтунских* (по имени шведского города Сигтуны, откуда они были привезены новгородцами в конце XII века в качестве военного трофея). Называют их и Магдебургскими, поскольку именно в Магдебурге были изготовлены украшающие их великолепные бронзовые пластины. Долгое время для этих ворот ошибочно использовали третье наименование — *Корсунские*; это слово обычно употреблялось на Руси для обозначения всего необычного и непривычного в области искусства.

Названия большинства башен Детинца сравнительно прозрачны и являются производными от наименований примыкающих к ним церквей. Нам бы хотелось указать на ошибочность объяснения на иноязычной почве названия самой высокой башни — *Кокуй*. В частности, распространена версия, толкующая наименование *Кокуй* на базе голландского *coque* — «смотри» (вспоминают и о старинной башне городских укреплений Таллина под названием *Кик-ин-де-Кёк* — «загляни в кухню» и пр.). Однако наименования типа *Кокуй*, *Кукуй* — вспомним московский ручей *Кукуй*, слободу *Кукуй* и другие топонимы — достаточно просто объясняются на материале русского языка. Ученым известен диалектный географический термин *кукуй* — «небольшой лесной островок, рощица среди поля» и «небольшой холм». В первом значении это слово употребляется кое-где и сейчас, например в говорах Воронежской области. *Кукуем* (чаще *кокуем*) назывался и *кокошник* — старинный женский

головной убор. Кокошник возвышался над лбом, был украшен спереди, а сзади от него шли ленты. Именно поэтому в народе родилась поговорка — *Вот тебе кокуй, с ним и ликуй*. Конечно, наименование башни произошло не от названия головного убора, а от народного географического термина, но оба они связаны общим элементом значения — что-то возвышающееся над поверхностью.

В первой части очерка мы отмечали, что древний Новгород делился и на пять концов: два на правом берегу Волхова (*Сла(о)-венский* и *Плотницкий*), три — на левом (*Неревский*, *Людин* и *Загородский*). Древнейшими были Неревский (упомянут в летописи под 1067 годом записи), Славенский и Людин (упомянуты под 1194 годом записи).

Славенский конец, часто именуемый летописью просто *Славна*, своим названием обязан ильменским словенам — восточнославянскому племени. Характерно, что подобные этнотопонимы обычно бытовали на границах расселения славянских племен — там, где они соприкасались с иноязычными племенами.

Людин конец занимал территорию к юго-западу от Детинца; его название трудно истолковать однозначно. Были попытки связать топоним *Людин конец* со словом *людин* — «человек», «простолудин», «мирянин», чему, однако, противоречит проживание в этой части древнего города крупного боярства. Не исключено, что слово *людин* может идти от какого-то этнонима (вспомним, например, о небольшом западнославянском племени людиков). Между прочим, племенные самоназвания со значением «люди» были достаточно распространены у самых разных народов. Допустима, впрочем, и еще одна трактовка топонима *Людин конец* — «густо населенный, с большим населением»; однако пока это лишь версия.

Неревский конец... На наш взгляд, убедительно выглядит точка зрения А. И. Попова, связывавшего топоним *Неревский конец* с наименованием одной из групп древних эстов (чуди), известной по русским источникам как *нерева* или *ерева* (Попов А. И. Следы времён минувших). Это ставит название в один ряд с топонимами *Нарва*, *Нарова*.

В источниках *Неревский конец* называется иногда и *Неревским концом*.

Древние названия новгородских концов в XIV—XV веках дополняются новыми: Людин конец часто именуют *Гончарским*, *Неревский* — *Кожевническим* (по занятиям населявших их ремесленников).

В источниках XIV—XV веков упоминается уже и *Плотницкий конец*, самый, пожалуй, поздний по происхождению из топонимов этой группы. Правда, географическое название *Плотники* (в Нов-

городе) упомянуто в летописи под 1198 годом записи (Полное собрание русских летописей, т. 3). Его обычно описывают как производное от названия профессии плотников. Однако, как нам кажется, это не единственное возможное толкование. Дело в том, что весьма часто в памятниках повгородского происхождения интересующее нас название фигурирует в форме *Плотинский* или *Плотенский конец*. Из этих же источников известно, что конец пересекался *Плотничным ручьем* (позже он упоминается как Федоровский ручей — по знаменитой церкви Федора Стратилата). Вот одно из летописных упоминаний ручья под 1134 годом записи: «В том же лете погоре Търгови пол от ручья Пльтницькаго до копца Хълма» (Новгородская первая летопись). В связи с этим упомянутая форма топонима — *Плотинский*, *Плотенский конец* — может быть истолкована не через слово *плотник*, а через слова *плотница* (север.) — «плавающая пристань», *плотина* — «запруда, дамба» и др. Думается, исследование топонима *Плотницкий конец* в историческом плане обязательно должно быть продолжено.

Много памятников с интересными названиями и в ближайших окрестностях Новгорода. Тот же Плотницкий конец называли также *Антоновским* — по расположенному неподалеку Антониеву монастырю, основанному в начале XII века Антонием Римлянином. Напротив Антониева монастыря, на другом берегу Волхова стоят церкви Симеона и Покрова в *Зверином монастыре*. Столь необычное для монастыря наименование восходит к древнему новгородскому урочищу *Зверинец*, заповедному месту княжеской охоты. В летописи есть, например, такая запись: «...Новгородци же поставиша пълк противу них у Зверинца на Къземли...» (Новгородская первая летопись).

Если пересечь Плотницкий конец и выйти на Московскую дорогу, то сразу за мостом через Волховец можно увидеть две деревни: *Волотово* (до войны здесь была церковь Успения на Волотовом поле, XIV века), и, правее, — *Ковалево*, с восстановленным храмом Спаса на Ковалево (1345 года). Вся эта местность овеяна легендами. В одной из них говорится, что в Волотове был похоронен новгородский старейшина Гостомысл. Поскольку старинное слово *волот*, нередко встречающееся в источниках, означает «великан, исполин» (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв.), то топоним *Волотово поле* может быть истолкован как «богатырское поле». Однако эта версия допустима лишь в том случае, если название деревни *Волотово* — не антропонимического происхождения.

Выше по Волхову, на том же правом берегу стоит получившая благодаря своим фрескам мировую известность церковь *Спаса-Нередицы*, точнее — Спасо-Преображенская церковь на Нередицком холме (построенная в 1198 году). С начала XIV века упо-

минается в источниках и Нередицкий монастырь. В основе этих наименований лежит гидроним — река *Нередица*. До настоящего времени его мотивировка не выяснена. Возможно, гидроним восходит к русскому слову *нерет*, *неретка* — «рыболовная снасть: верша, морда, плетеные из лозы». Второе название реки — *Спасовка*, по храму.

Влиже к Ильменю, у истоков Волхова, есть холм, поросший вековыми соснами. Это — урочище *Перынь*. Легенды говорят, что в древности здесь стояло изваяние языческого бога грома Перуна. Любопытно, что при археологических раскопках здесь действительно вскрыто языческое святилище.

Таков он, многоликий, вечный и прекрасный Господин Великий Новгород. Таковы страницы его лингво-исторической биографии.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,

В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно образовать прилагательные от названий населенных пунктов *Дресвищи* и *Яндовищи*?»

Н. Д. Буракова, пос. Сокольское Пеановской обл.

Прилагательные от географических наименований *Дресвищи* и *Яндовищи* следует писать с суффиксом *-ин* — *дресвищинский*, *яндовищинский*, так как они образованы от названий, оканчивающихся на *-и* (сравните: *Мытищи* — *мытищинский*, *Сочи* — *сочинский*, *Грязи* — *грязинский*).

■
«Как правильно писать сокращенное название города *Минеральные Воды*?»

Л. Б. Кузьменко, Минеральные Воды

Сокращенное наименование города *Минеральные Воды* с усечением прилагательного пишется в одно слово: *Минводы*.

Это выражение давно живет в народной речи. Его мы встречаем в Толковом словаре В. И. Даля: *У них и печки и лавочки, все вместе «дружны»*; в Смоленском областном словаре В. Н. Добровольского: *У яго з им и печки и лаўки «он с ним заодно»*; в Словаре русских народных говоров: *ворон. Кому-либо и печки и лавочки «особый почет и внимание», ворон. У кого-либо [и] печки и лавочки «у кого-либо близкие, интимные отношения»*. Известно оно и в записях современных диалектологов, например, С. И. Коткова в орловских говорах — *Отошли ему печки-лавочки «прошло для кого-нибудь хорошее время»* (картотека «Словаря русских народных говоров»). Популярность фильма В. Шукшина «Печки-лавочки», однако, заставила взглянуть на этот старый оборот по-иному.

1979 год. Кинофестиваль в Неаполе, где демонстрируется этот фильм. Организатор и директор международных неаполитанских Дней кино Д. Ронди, обращаясь к советской делегации кинематографистов, говорит: «Шукшинская ретроспектива вызвала огромный интерес... Кстати, как точно перевести название фильма „Печки-лавочки“?»

Критик Георгий Капралов, задумавшись над этим вопросом, очень точно выразил его «лингвострановедческую» сложность и разглядел в этом шукшинском символе смысл, намного выходящий за обиходно-бытовые границы выражения:

«Но попробуйте объяснить итальянцам, что такое „печки-лавочки“. Выражение шутовское, с лукавинкой. В деревне под ним

подчас понимают сугубо доверительные отношения или свойский разговор, смысл которого схватывается как бы между слов. Такой тон, да к тому же еще с усмешкой, и избрал Шукшин. Однако заметить лишь его — значит не понять самого главного в фильме. Внешне на экране — веселая история о том, как сибирский тракторист Иван с женой впервые на черноморский курорт ездили. А по существу — серьезный разговор о жизни народной, ее нравственных устоях, духовных ценностях. Не просты они, эти шукшинские „печки-лавочки“.

Беседы в Неаполе вспоминаются ныне не только как одно из свидетельств известности Шукшина, шагнувшей за отеческие пределы. Вопрос, условно говоря, о „печках-лавочках“, о стиле и — шире — эстетике писателя, о том, какие требования он предъявляет к тем, кто хотел бы верно прочесть и затем перенести на экран его произведения, обретает сегодня новое значение (Георгий Капралов. Уроки Шукшина. — Правда, 1979, 23 июля).

Как видим, за трудностью перевода такого фразеологического символа таится ключ к разгадке его глубинного содержания. При всем этом в фильме В. Шукшина не теряется и будничное фразеологическое значение оборота *печки-лавочки*, хотя, правда, шукшинское словоупотребление резко отличается по значению от зафиксированного в словарях (см., например, Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова) — «близкое, короткое знакомство с кем-либо». Герой повести Шукшина несколько раз употребляет это выражение, и каждое употребление семантически расплывчато и в то же время контекстуально связано: «Я вон пошел с удочкой, посидел, на бережку в тенечке — и все, и печки-лавочки»; «...тут снова пошли печки-лавочки»; «Будешь там заместо отдыха... печки-лавочки делать» (Шукшин В. Киноповести).

У Шукшина, как видим, *печки-лавочки* по смыслу — и нечто очень емкое, и в то же время — предельно размытое: и что-то «хорошее, домашнее, родное», и что-то «будничное, привычное, обыденное», а следовательно, — незначительное, мелкое, не стоящее внимания. В одном коротеньком выражении — два полюса, сближенные до нейтрализации представлением о своем доме, своей деревне, своей родной земле.

Такое единство фразеологических противоположностей схвачено писателем чрезвычайно точно. Ведь и у других советских писателей можно — правда, порознь — увидеть те же семантические линии выражения *печки-лавочки*. Вот две иллюстрации на темы «близкое знакомство» и «нечто обыденное, незначительное»:

«Вы с вашим ложно понятым, по сути балаганшым демократизмом напропалую фамильярничаете со студентом: заводите с ним печки-лавочки, адресуетесь к нему по имени, причем на ты: Дима,

Петя, Сережа» (С. Вайман. Доцент с авоськой.— Литературная газета, 1974, 20 марта); «— А что же ты делаешь? — Да так, печки-лавочки.— Ну вот и расскажи мне о печках-лавочках» (Бондаренко Б. Цейтнот).

В поисках причин этого непротиворечивого столкновения полюсов приходится обращаться к русскому деревенскому быту. Связь нашего выражения с основными реалиями крестьянской избы ярко показал известный этнограф С. В. Максимов (Крылатые слова. М., 1955). Неудивительно, что именно печка и лавочка стали здесь символами домашнего очага: ведь они — два «опорных пункта» крестьянского дома. Большая русская «битая из глины» или кирпичная печь занимала в избе чуть ли не третью часть всей жилой площади. Величина такой печи вполне соразмерна ее роли в жизни русского крестьянина: она грела в долгие зимние дни, на ней варили щи да кашу, выпекали хлеб, готовили еду скотине, а нередко использовали и как домашнюю баню.

Печь располагалась в левом углу от входа в избу. Пространство между печью и стеной с небольшим окошком — это «бабий кут», угол, хозяевами которого являются женщины. Тут и кухня, и место, где они прядут пряжу или мелют зерно жерновами, и угол для перседевания, и «детская» с подвешенной к потолку зыбкой.

Затем — «красный угол», почетное место с иконами и обеденным столом, этот угол объединяет функции столовой, гостиной и места для богослужения. От него к задней стене и в угол простирается «хозяйский кут», где спит и работает глава семьи. Над этим углом — *полати*, то есть деревянный помост из досок, который служит общей спальней и гардеробной. Полати одним своим краем смыкаются с *голкецом* — дощатой пристройкой к печи, где хранятся запасы пищи и откуда ведет спуск в *подъизбицу* — подвальную кладовку.

Таким образом, русская печь — основная часть избы, а потому и символ дома, домашнего уюта и покоя. Не случайно с печью связано много русских обычаев, обрядов, поверий. Печь — символ уважения к старшим: это «закопное» место стариков и потому в русских сказках дед, сидящий на печи, — типичный персонаж. Печь — символ гостеприимства, ибо на Руси угощают по принципу *Все что есть в печи — на стол мечи*, а если гость продрог или вымок под дождем, то укладывают спать на печи. Пословица гласит: *Кто сидел на печи, тот не гость, а свой*. Печь — символ благосостояния семьи, и потому она играет большую роль в свадебных обрядах. Во многих краях России был прежде распространен обряд «глядения печи» при сватовстве, который заключался в пристрастном осмотре хозяйства жениха. И после свадьбы, свято соблюдая обычай «сору из избы не выносить», семья использовала печь не толь-

ко для сжигания мусора, но и — тем самым — для полного сохранения семейных тайн и дрязг. В одной из народных песен поется:

Три дня печи не топила,
Много сору накопила;
На четвертый затопила,
В новы сени выходила.

Учитывая символический характер сжигания мусора, эти строки можно понимать в смысле «избавившись от прежних семейных неурядиц, зажили дружно и ладно».

Вся эта положительная символика нашла богатое отражение в русском фольклоре. Вот лишь несколько пословиц и поговорок, демонстрирующих отношение наших соотечественников к источнику тепла: *Хлебом не корми, только с печи не гони! Без печки холодно, без хлеба голодно; На своей печи — сам себе голова; Мала печка, да тепленька; Словно у печки погрелся «очень хорошо».*

Не случайно и соединение в интересующем нас выражении печки с лавочкой. Это — неразлучная пара фольклорных символов, которая попадает и в других видах народной словесности, не подвергаясь особому переосмыслению. *Трепака пошли — ходи лавка, ходи печь!* или *Пляши печь, пляши лавочка!* — говорили прежде об удалой пляске. А в одной из свадебных девичьих песен Сибири — «Уж ты красота, моя красота» печь и лавка сопрягаются в ином, мирном тоне:

Распроклятая ты, бабья красота!
Во дегтю ты купалася,
Во смоле полоскалася,
Отымалкой утиралася,
На печи в углу сушилася,
По-под лавицей валялася,—
Подкатилася бабья красота
К Татьянушке пригодилася.

И здесь сопряжение двух пространственных пределов, где «сушилася» и «валялася» девичья красота, прежде чем «подкатиться» к Татьянушке, закономерно. Лавки, прикрепленные к трем стенам четырехстенной рубленой избы, заменили едва ли не всю современную мебель. На них не только сидели или спали, но и ставили различную утварь, а места под лавками служили вместительным хранилищем многих предметов крестьянского обихода. Они были как бы «функциональным продолжением» печи (если иметь в виду, что она тоже служила как постель) и опоясывали ту часть избы, которая не была ею занята.

Не случайно поэтому в народной речи бытовала целая терминологическая «табель о рангах» для этой универсальной мебели: *бабья лавка* «лавка вдоль боковой стены от коника к переднему углу», *брусова лавка* «лавка у стены в заднем углу избы», *красная лавка* «лавка вдоль передней стены, выходящей на улицу», *судная лавка* «лавка недалеко от печи и против нее, где хозяйка стряпает и держит посуду» и т. д.

Естественно также, что на «вещном» уровне лавка, как и печь, расценивалась как мерило благосостояния семьи. Вот почему обряд «смотрения лавочек» практически равен уже упомянутому «глядению печи». «Вот сосватают, и родители невесты едут *лавочки смотреть*, смотреть хозяйство жениха, как живут, богато ли, бедно ли, есть ли скотина», — объяснила этот обряд московскому диалектологу А. Ф. Ивановой одна подмосковная старушка.

Уже из этого беглого ознакомления с русскими деревенскими реалиями можно как будто перекинуть мостик от прямого значения оборота *печки-лавочки* к переносному. *Печки-лавочки* — символ повседневного житья-бытья, когда домашние разделяют и пищу, и почлег, и неминуемые горести, и радости.

Но можно заглянуть и глубже.

В русских плачах и причитаниях часто повторяется фраза *бела-брусова лавочка*. И это не случайно. Ведь лавка — это одновременно и смертный одр в крестьянской избе. На нее кладут умершего.

До сих пор в некоторых говорах сохранились фразеологические следы этого печального обряда: перм. *растянуться подоль лавки* «умереть», донск. *лежать на смертной лавке*, ворон. *быть на сторонней лавке* «быть мертвым», ряз. *с лавки стащить (снести)* «похоронить», иркут. *умереть не на своей лавочке* «умереть на чужбине». В этом смысле *лавка / лавочка* выступает как бы антиподом нечи как дарителя тепла, огня, жизни. *Печки-лавочки*, следовательно, — это и дружба на всю жизнь, и брак на всю жизнь, и все великое и малое, что сопровождает человеческую жизнь на всем ее протяжении.

Как видим, единство противоположных значений, которые свойственны обороту *печки-лавочки*, вытекает из самых глубин русского народного быта и его фольклорно-обрядовых переосмыслений.

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок С. Гавриловой

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ДУБЛЕТЫ

ГИАЦИНТ — ЯХОНТ

Славен и почитаем был в древней Греции Гиацинт (или Иакинф), сын спартанского царя Эбала и любимец Аполлона, еще в расцвете молодости нечаянно убитый метательным диском Зефира. Предание гласит, что из крови убитого Гиацинта вырос цветок темно-красного цвета, а на его лепестках сохранилось предсмертное восклицание юноши в виде букв AI или AIAI. Именно это восклицание послужило якобы названием цветка *гиацинт* (предположительно — ирис, шпажник или дельфиниум). Не будем обращать внимания на противоречие — они передки в преданиях: выходит, друга Аполлона до его смерти звали иначе; к тому же, ученые полагают, что слово *гиацинт* — догреческого происхождения. Позднее древние греки гиацинтом стали называть драгоценный камень, разновидность аметиста, по красоте и окраске напоминающего этот красивый цветок; слово звучало примерно *иакинтос* или *иакинфос*, откуда непосредственно в древнерусский язык были заимствованы формы *акинт*, *акинф*, не сохранившиеся в современном языке.

В западноевропейские языки это слово пришло в X—XIII века через латинский язык, притом, со звуком *-ц-*, развившимся в латыни перед переднеязычным *-и-* не ранее V века (ср. аналогичные *кифара*, *гитара* — *цитра*, *кентавр* — *центавр*). В начале XVIII века (при Петре I) из немецкого языка это слово пришло в русский язык

в форме *гиацинт* (ранее *гияцинт*) с двумя значениями — «цветок» и «драгоценный камень».

В среднелатинском разговорном языке у слова появилась вторая, упрощенная форма *иакинтус* или *иацинтус* (*iacintus*), которая после заимствования в средневерхненемецком языке стала звучать *йахант* (*jâchant*), где *-и-* в конечном слоге в неударном положении через ослабленный, нейтральный звук *-э-* перешел в *-а-*. Уже при Борисе Годунове (XVI век) через польское посредство это слово пришло в русский язык в форме *яхонт*.

Таким образом, не только в западных языках (французском, английском, немецком и др.), но и в русском сосуществуют два слова, внешне ничем не напоминающие друг друга и тем не менее восходящие к одному и тому же слову-источнику. Это так называемые этимологические дубликаты: *гиацинт* — *яхонт* (устар.). Приведем несколько примеров, где эти слова употребляются в значении «цветок», «драгоценный камень»:

Цветы у нас стояли в разных залах:
Желтофиолей много золотых
И много гиацинтов, синих, алых,
И палевых, и бледно-голубых...

А. К. Толстой. Перурет

Словно кровь у свежей раны,
Красный камень гиацинт
Увлекает грезу в страны,
Где царит широкий Инд...

Брюсов. Гиацинт

Повсюду ткани парчевые;
Играют яхонты, как жар.

Пушкин. Руслан и Людмила

АЛМАЗ — АДАМАНТ — ДИАМАНТ

В древнегреческом языке от глагола *а* — *дамáиn* (*а* — «не», *да-* — «приручать, укрощать») образовано прилагательное *адáмас* (род п. *адамáнтос*) — «непреклонный, несокрушимый». В этом значении слово употреблялось, например, Гомером как эпитет по отношению к лицам. Переносно оно означает — «очень твердый металл или сплав», вероятно, сталь, а позднее — драгоценный камень.

Как название драгоценного камня *адамас* проникло в арабский язык и превратилось в *ал(а)мас* (вероятно, под влиянием определенного артикля *ал-*, как *алхимия*, *алгебра*). Через тюркские язы-

ки (напр., тур. *алмас, алмаз*) в XV веке заимствовано русским языком в форме *алмаз*.

Но еще раньше, возможно, во время торговых и культурных сношений между Византией и Киевской Русью, производящая основа этого же греческого слова дала древнерусскому языку слово *адамантъ (адамант)* с тем же значением «алмаз, бриллиант».

Более сложный путь развития прошел третий компонент дублетной группы — *диамант*. После заимствования греческого слова в латинский, слово *адáмас* (в разговорной речи *адимас*) продолжало обозначать как «самое твердое железо, сталь», так и «прозрачный кристалл-шестигранник наивысшей твердости», очевидно, корунд или сапфир. В то же время в поэтической речи у слова сохранялось значение «все самое твердое и несокрушимое».

Форма *адимас* в латыни звучит как *диамас, диамант* — по образцу слов, начинающихся с *диа-* (напр., греч. *диафанёс* — «прозрачный, блестящий»). При чем расщепление формы слова произошло, очевидно, с целью разграничения его значений: к этому времени *адамас* приняло на себя еще одно значение — «магнетит», развившееся под влиянием глагола *адамаре* — «горячо полюбить», «лнуть, как магнит» (это значение сохраняется во французском слове).

В средневековую эпоху *диамант, диамас* распространилось почти во всех европейских языках. В начале XVIII века (при Петре I) из французского языка через немецкое посредство слово заимствовано в русский язык в форме *диамант*.

В современном русском языке наиболее известным является слово *алмаз* — «прозрачный драгоценный камень с сильным блеском, отличающийся наибольшей твердостью» (ограненный в определенную форму — бриллиант). Вспомним оценку качеств алмаза, данную ему еще Ломоносовым: «Между известными вещами, что есть тверже алмаза? Что есть его прозрачнее?» (Слово о происхождении света).

Адамант и *диамант* в значении «алмаз, бриллиант» современными словарями русского языка отмечаются как устаревшие. Но в литературе XIX века их можно было встретить довольно часто, в сравнениях и образной речи, например: «Ольга Сергеевна закалилась, как адамант» (Салтыков-Щедрин. Господа Ташкентцы); «Анна Сергеевна твердо уверена мною, что вы ворочаете огромные груды червонцев; спите на диамантах» (И. Тургенев. Письмо Колбасину, 1859).

В. И. ФАДЕЕВ

Донецк

Рисунок В. Комарова

В древнерусском языке были широко распространены сложные образования с первой частью *домо-*. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приводятся, например, существительное *домогосподи* «хозяин дома», прилагательное *домокормленный* «выкормленный в своем хозяйстве» (*домокормленный скот*). Там же отмечены синонимичные прилагательные *доморощенный* и *доморослый* «выращенный дома» (*доморослые кони*), а также сложное по семантической структуре прилагательное *домородный*, в котором выделены три значения: 1. «рожденный и воспитанный в доме, некупленный» (*домородные рабы*); 2. «отечественный» (*домородные златворцы*); 3. в знач. сущ. *домородные* — «домочадцы». «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля отмечает применение слова *домородный* в сочетании *домородная челядь* — «дворовые люди, в доме рожденные и выросшие».

Из всех этих слов до наших дней дожило только одно — *доморощенный*. На нем и остановимся подробнее.

Согласно данным «Словаря русского языка XI—XVII вв.», в древний период языковой истории прилагательное *доморощенный* в сочетании с существительными, обозначающими лиц, а также домашних животных, употреблялось в значении «выращенный в доме, в своем хозяйстве, непокупной»: «У Фетьки ж купленной ево человек Васька... у него *доморощенной* ево человек Петрушка» (Писцовые книги города Казани. 1646 г.); «А пятнают лошади *доморощенные* и купленные своим пятном» (Жалованная грамота Троице-Сергиевского монастыря. 1542 г.).

Применение слова *доморощенный* к лицу, выращенному в своем доме, в своей среде, впоследствии стало заметно сокращаться, а затем локализовалось лишь в диалектах. Толковые словари современного литературного языка не отмечают его. Однако в речи лиц, выросших вне города, подобное употребление можно встретить и в наши дни. Его находим, например, в корреспонденции деревенского агронома: «У нас свой, *доморощенный* председатель колхоза» (Радиопередача, авг. 1983 г.).

Исконное значение слова *доморощенный* «выращенный дома, в своем хозяйстве» было еще живым, исполненным прозрачного смысла в конце XVIII — начале XIX века. В этом значении рассматриваемое прилагательное изредка встречается в литературных произведениях пушкинской поры, например: «[Несут на блюдечках варенья] И *доморощенный* арбуз» (Пушкин. Евгений Онегин, гл. III, черн. вар.); «...киево-печерские монахи уже облизывают уста, помышляя о делании вина из *доморощенного* винограду...» (Гоголь. Письмо к Максимовичу. 1834, 27 июня). Можно думать, что на протяжении XIX века оно применялось преимущественно по отношению к домашним животным. Подтверждение этому предположению находим в Толковом словаре В. И. Даля, где при слове *доморощенный* указано: «большей частью о животных, выращенный, выкормленный в дому». Такое применение еще встречается в художественной литературе середины — второй половины XIX века: «...помещичья карета, запряженная шестериком *доморощенных* лошадей, торжественно проплывала мимо...» (Тургенев. Постоялый двор). Оно отмечается и в словарях современного русского литературного языка: в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, в Словаре русского языка С. И. Ожегова, в Словаре русского языка в четырех томах и др.

В течение длительного времени прилагательное *доморощенный* служило обозначением признака конкретно-бытовых явлений и было вполне нейтральным. Продолжая функционировать в своем стилистически нейтральном значении, это прилагательное постепенно расширяло сферу своего применения. В конце XVIII — начале XIX века оно стало использоваться в качестве определения и таких явлений, которые относятся к области духовной жизни, интеллектуальной деятельности человека (музыка, театр и т. п.). Например: «Некоторые поступили в этом случае, как поступил бы иной помещик, хозяин *доморощенного* театра» (Вяземский. Языков и Гоголь); «Вот что говорит поэт о своем артисте *доморощенном*» (Вяземский. Новые книги). Особенно показательно субстантивированное употребление прилагательного *доморощенный*, когда оно применяется в качестве «положительного» определения, синонимичного словам *свой, родной*: «...и вот роман за романом полетели »

голову доброго русского народа, которому, бог ведает с чего, припала смертная охота к гражданской печати, к своему родному, *доморощенному*» (Бестужев-Марлинский, О романе Н. Полевого...).

Одновременно слово *доморощенный* стало употребляться и в образных и иронических контекстах. Так, в критическом рассуждении о баснях И. А. Крылова П. А. Вяземский пишет: «...предмет суждений и насмешек моих критик, требующий, чтобы Крылов был непременно поставщиком *доморощенных* зверей, *доморощенных* животных» (Жуковский — Пушкин — О новой пшеничке басен). Включение слова *доморощенный* в такие и подобные контексты привело к зарождению у него нового смыслового качества, которое указывает на ограниченность, невысокое достоинство того, что обозначается данным словом. В этом смысле оно использовалось преимущественно по отношению к лицам. Примеры такого употребления прилагательного *доморощенный* можно найти в произведениях писателей первой половины XIX века: «...он стал даже приобретать уважение со стороны тех, которые честили его невежей и *доморощенным* самоучкой» (Гоголь. Портрет); «Тут молодежь импровизировала бал под одушевлением импровизированного оркестра, состоявшего из флейты-самоучки и *доморощенной* скрипки» (Вяземский. Князь Андрей Иванович Вяземский); «...тут было пять или шесть наших *доморощенных* дипломатов...» (Лермонтов. Княгиня Лиговская). Негативный смысл слова особенно отчетлив, когда наглядно проступает ироническая оценка обозначаемого: «Бывало, вся губерния съезжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительном громе *доморощенной* музыки...» (Тургенев. Малиновая вода).

В то же время круг сочетаний, в которые входит слово *доморощенный*, расширяется. Оно начинает применяться как определение к словам, называющим выразителей каких-нибудь идей, представителей определенных направлений: «Предметом став суждений шумных. Несносно (согласитесь в том) Между людей благо-разумных Прослыть притворным чудачком, Каким-то квакером, масоном, Иль *доморощенным* Байроном...» (Пушкин. Евгений Онегин. Путешествие Онегина, черн. вар.); «Мир и твоим усам, наш *доморощенный* Жомни...» (Бестужев-Марлинский. Испытание).

Следствием употребления слова *доморощенный* в таких контекстных условиях явилось развитие у него нового — отвлеченного — значения «не обладающий высокими достоинствами, примитивный», на которое наслаивается отрицательная (ироническая) экспрессия.

Е. П. ХОДАКОВА

Рисунок С. Гавриловой

❖ ЗАБУБЁННАЯ ГОЛОВА ❖

Среди фразеологизмов со словом *голова*, как правило, характеризующих человека либо со стороны его умственных способностей (*глупая, словая, дубовая, дырявая, мякинная, острая, пустая, садовая, светлая голова* и т. д.), либо со стороны черт его характера, темперамента, поведения (*бедовая, буйная, ветреная, отпетая, отчаянная, удалая, шальная* и т. д.) и в большинстве своем наделенных живой образностью, особняком стоит выражение *забубённая голова* «бесшабашный, разгульный, отчаянный человек». Оно обращает на себя внимание необычностью внутренней формы, цельностью этимологии слова *забубённая*.

Существует несколько вариантов предположительного толкования слова *забубённый*.

Л. А. Булаховский считал первоначальным для слова *забубённый* значение «каторжный», полагая его производным от *бубен* (т. е. бубновый туз) — яркий матерчатый ромб, нашивавшийся на спину каторжника для лучшего прицела конвойным в случае попытки к побегу (Булаховский Л. А. Деэтимологизация в русском языке. — Труды Института русского языка. Т. I, 1949).

Но это объяснение не может быть принято хотя бы потому, что обычай метить каторжников бубновым тузом появился только в XIX веке, а слово в форме *забубённой* зафиксировано уже в «Российском Целларнусе» 1771 года. К тому же, если бы *забубённый*

означало «меченный бубновым тузом», оно должно было бы образовываться по типу *заклейменный* (от *заклеймить*), *запятнанный* (от *запятнать*) и, являясь причастием, имело бы форму *забубенённый* (от *забубенить*) или *забубненный* (от *забубнить*). Однако такой формы толковые и орфографические словари не регистрируют, а глаголы *забубнить*, *забубенить* не имеют значения «метить бубновым тузом».

С учетом статей из «Опыта русского простонародного словотолкования» М. Н. Макарова (1846) и «Кашинского словаря» И. Т. Смирнова (1901) в «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией Н. М. Шанского (т. II, вып. 6, М., 1975) высказывается мнение, что прилагательное *забубённый* могло возникнуть на базе страдательного причастия прошедшего времени от глагола *забубенить* «нагать бить, колотить». Таким образом, развитие семантики шло следующим путем: «забитый» — «одинокий, бездомный» — «пропащий» — «отчаянный, удалой». Но, как уже отмечалось, причастие от глагола *забубенить* имело бы форму *забубенённый*.

И. Желтов полагал, что *забубённый* представляет собой искажение прилагательного *забобонный*, имевшего значения «нелепый», «распущенный, буйный» и образованного от существительного *забобоны* «суеверия». С его точки зрения, семантика прилагательного претерпела такие изменения: всякое суеверие нелепо, потому *забобонный* наряду со значением «суеверный» получило значение «нелепый». Всякая нелепость вместе с тем и глупость, безрассудство, поэтому *забобонный* стало означать «глупый, безрассудный». В древнеславянском языке это значение имело прилагательное *буй*, которое в русском в форме *буйный* приобрело значение «беспокойный». По аналогии с ним это же значение закрепилось и за искаженной формой прилагательного *забобонный* — *забубённый* (Желтов И. Этимологические афоризмы.— Филологические записки. Вып. I, 1876).

Указание на совпадение значения слова *забобонный* с одним из значений слова *забубённый* содержится и в «Словаре русского языка... Академии наук» (т. II, вып. 3, 1899), где под словом *забобонный* читаем: «Забобонный человек — разгульный, забубённый человек». Но круг значений слова *забубённый*, приводимый в этом же словаре, несравненно шире и разнообразнее: 1) «Разгульный, буйный, беззаботный, бесшабашный; отчаянный и отважный, пропащий», например: забубённая голова, забубённый помещик, забубённая артель, забубённое общество, забубённая молодость, забубённое пьянство, забубённая удаль и т. п.; 2) «Забористый, крепкий», например: забубённая речь, забубённая песня; забубённая

уха и т. п.; 3) «Негодный, дурной; бездомный, одинокий; слишком говорливый, чересчур словоохотливый (о человеке)».

Неравенство семантической наполненности слов *забубенный* и *забобонный* очевидно. Если как-то можно принять толкование значения «беспокойный» у прилагательного *забубенный*, то как через прилагательное *забобонный* объяснить значение «забористый, крепкий»?

Наиболее вероятным кажется предположение М. Фасмера о влиянии слова *бубны* в значении «ударный музыкальный инструмент» на формирование слова *забубенный*. Ход его рассуждений таков: «*забубенное* пьянство, первонач. „пирушка с музыкой“, затем — „буйное пьянство“» (Этимологический словарь русского языка, т. II, 1967). К сожалению, краткое объяснение М. Фасмера не показывает развития всех значений слова *забубенный*.

Думается, что все названные значения прилагательного *забубенный* различным образом связаны именно с существительным *бубен* «ударный музыкальный инструмент», а точнее с его предложно-падежной формой *за бубен*, входящей в словосочетания: *взяться за бубен, приняться за бубен*, которые имеют метонимический смысл «начать играть на бубне».

Хотя в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» словосочетание *взяться за бубен* не зарегистрировано, известно, что древнерусский глагол *взятися* наряду со значением «взяться, ухватиться за что-н.» имел и другое: «принять на себя какие-л. обязанности, взяться за какое-л. дело», например: «А под городом Агеном стоят ратные люди... и хотят город потопити водою и за тот промысл *взялися* и чают что потопят водою.— 1663 г.» (Словарь русского языка XI—XVII вв.). *Взятися за промысл* — начать дело, действие.

Вполне возможно, что в русской устной речи XVII века глаголы *взятися, приняться* вместе с существительными, обозначающими орудие действия, образовывали словосочетания со значением действия, производимого при помощи этих орудий.

Вероятно, именно в устной речи XVII века на базе словосочетаний *взяться за бубен, приняться за бубен* и возникло прилагательное *забубенный*. Впервые оно в форме *забубенной* отмечается в «Российском Целлариусе» в 1771 году. Видимо, *забубенный* могло первоначально означать «проводящий время за бубном, или за игрой на нем, взявшийся за бубен, чтобы веселиться».

Правда, остается необъяснимым перенесение ударения в производном слове по сравнению с производящим, ведь в других однотипных образованиях этого не происходит, ср.: *за контур — законтурный, за пазуху — запазушный*. Не исключено, что передвиже-

нию ударения в прилагательном *забубённый* на последний гласный корня способствовали особенности его произношения или прочтения, когда два последних звука (буквы) корня в совокупности с суффиксом *-н-* создают впечатление единого суффикса *-енн-*, характерного для страдательных причастий прошедшего времени, а само прилагательное ошибочно ставится в один ряд с причастиями типа *завлеченный, заговоренный, заполоненный* и т. п. Возможно также, что определенное влияние на произношение слова *забубённый* оказало прилагательное *забобонный*, сходное с ним в одном из значений.

Итак, *забубённый* значит «взявшийся за бубен, чтобы бить в него». В Древней Руси бубен был обычным музыкальным инструментом, сопровождавшим разнообразные народные гулянья, застолья, пирушки и т. п., где простолюдины веселились от души, забывая на время о своих заботах и невзгодах, стремились блеснуть удалью и молодечеством и где порою подвыпившие сотрапезники выясняли отношения с помощью не только слов, но и рук. Поэтому слово *забубённый* приобрело значения «разгульный, беззаботный, буйный». Вероятно, как предполагал И. Желтов, на дальнейшее развитие семантики прилагательного *забубённый* повлияла система значений прилагательного *буйный*: «озорной, непокорный, своевольный, гневливый (о человеке)», что вызвало появление у *забубённый* значений «бешабашный», «отчаянный».

Параллельно этому словом *забубённый* стали обозначать признаки предметов и явлений, имевших отношение к застолью, отсюда — *забубённая речь*, то есть речь во время пирушки, *забубённая уха*, то есть праздничная и т. п. Речь подгулявших людей, естественно, была лишена «академической» строгости, могла сопровождаться «крепким» бранными словами. Поэтому у слова *забубённый* появилось значение «крепкий (о слове, песне и т. д.)». Пища к праздничному столу подавалась жирная, сытная, паваристая, крепкая. Отсюда закрепление за словом *забубённый* значения «забористый, крепкий (о пище)».

Застолье, сопровождавшееся игрой на бубне, плясками, скомоорошными представлениями, было наследием язычества и преследовалось церковью. Это объясняет и закрепление за словом *забубённый* значений «пропавший», «одинокий», «бездомный», «негодный», «дурной».

Значение «слишком говорливый, чересчур словоохотливый» развилось у прилагательного *забубённый* под влиянием метафорических глаголов *бубенить* «разглашать, рассказывать» (Словарь церковнославянского и русского языка... Т. I, 1847), *забубенить* «начать распускать или разглашать вести, трезвонить» (Словарь русского языка... Т. II, вып. 3, 1899).

В системе значений слова *голова* в древнерусском языке было такое: «человек как носитель каких-л. качеств».

Присоединение к слову *голова* в указанном значении прилагательного *забубённый* с семантикой «отчаянный, удалой, разгульный, бесшабашный; пропаций, негодный, дурной» и обусловило появление яркого выражения *забубённая голова*.

Л. Б. САВЕНКОВА
Архангельская обл.

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Хотела бы узнать о происхождении слова *дедерон*».

В. В. Чиганова, Светлогорск

Дедерон — это название синтетического волокна и ткани. Оно образовано от сокращенного наименования Германской Демократической Республики (DDR — Deutsche Demokratische Republik) + *он* — части, общей для названия многих синтетических материалов (капрон, перлон, нейлон, поролон и т. д.).

«С каким ударением нужно произносить слово *каучук* и каково его происхождение?»

А. С. Агешин, Венец

Слово *каучук* произносится с ударением на конечном слоге.

В русский язык оно пришло из французского в начале XIX века. Впервые это слово фиксируется во французско-русском словаре И. Татищева 1816 года.

Французское *caoutchouc* заимствовано из языка латиноамериканских индейцев (каучук известен в Европе с 1738 года, когда французский ученый Ш. Кондамин прислал в Париж из Южной Америки образцы изделий из каучука и подробное описание этого вещества). Индейское *каучу* (*кау* «дерево» и *учу* «течь») обозначает продукт, полученный из гевеи, т. е. каучук.

ИРИС в Словаре В. И. Даля

Цветут ирисы. Я первый раз в жизни увидел цветущий ирис, был восхищен причудливой формой. Мне представилось, что по изяществу нет лучше цветка и розы кажутся грубыми.

М. Пришвин, Глаза земли

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля мы находим под словом *ирис* (с ударением на втором и, как во французском языке, откуда это слово и пришло) обширный список народных названий этого растения: *касатик, петушек, певник, пикульник, волчий-огурец, касар (т?)-ка, пролеска, косички; лепешник*, ошибоч. *ир, аир, кошаник, полевые маргаритки?, бубенчики, чистяк, заячьи-огурчики, медвежьи-огурцы, пикульник, сорочки цветы...* Почему ирис получил столь разнородные названия?

Родина ириса — Аравия, откуда он был вывезен мусульманскими паломниками в стародавние времена и стал быстро распространяться по всему свету. В России этот цветок стали культивировать с XVII века. Его часто именуют *ко (а)-сатик, ко (а) сатник*, по-видимому, за форму листа в виде косы — сельскохозяйственного орудия.

В южных районах России и на Украине ирисы называют *пивниками* (русское название *певники*), то есть петушками за бойцевито-приподнятые над веером листьев ярко окрашенные цветки.

Описание ирисов находим в романе Л. Якименко «Городок»: «На придорожной грядке между деревьями распустились ирисы. Издали их заметила Александра Федоровна..»

— Погляди, Ваня!

Сама высаживала. Любимые весенние цветы. «Пивнычками» называли их. Видимо, из-за расцветки. Празднично-разнообразной, как у красавцев петухов: дымчато-сизой, желтой, сиреневой, розоватой...» (Кстати заметим, что Л. Якименко был родом из г. Темрюка Краснодарского края).

Пискульник. Так в Енисейском крае называют ирис молочно-белый. Возможно, слово образовано от наименования птички пискульки, обитающей среди этих ирисов.

Ирис рогатый, отличающийся тонким изящным цветоносом фиолетово-красного тона, ветвящимся, как правило, не у основания, а выше середины, на Тамбовщине получил название *касатка* или *касар(т)ка*. Оно происходит от слова *косарка/касарка* «обломок косы, который используется вместо ножа».

Ирис германский в природе встречается редко. Цветки у него крупные, голубовато-лиловые с сильным приятным запахом, с желтоватой или светло-голубой бородкой. В Курской губернии этот ирис назывался именем другого цветка — *пролеска*, которое образовано от *лезть*. В Орловской губернии этот ирис именовался *кошечками* (от слова *кошечка*, то есть столовый или охотничий нож).

У ириса русского цветки мелкие, сине- или бледно-фиолетовые, редко белые, с нежным ароматом фиалки. В Словаре В. И. Дали он называется *кошаник*, *полевые маргаритки* (?). Название *кошаник*, вероятно, происходит от диалектного *кошанок* «ласточка», так как листья ириса напоминают хвост птички.

В диком виде растет в Сибири, на Кавказе, а также в средней полосе России ирис сибирский. Цветки его бледно- или густо-фиолетово-синие, редко белые, со слабым ароматом. В Орловской губернии его называли *зальчи огурчики*, в Тамбовской — *медвежьи огурцы*, во Владимирской — *бубенчики*, в Бурятии — *волчьи огурцы*. Все эти названия связаны с коробочкой цветоноса, которая при созревании по форме напоминает небольшой огурец. Эта коробочка, если ее потрясти, издает звуки, как детская погремушка «бубенчики». В Енисейском крае сибирский ирис называли *пискульником* за пикообразную форму листа; а в Алтайском крае — *сорочьими цветами*, вероятно — за пестроту окраски.

Весьма возможно, что название *чистяк* (в бывшей Симбирской губернии) обозначало ирис восточный, который очень похож на предыдущий вид, но имеет цвет белый; отсюда и название *чистяк* «белый, чистый цветом».

Тюльпаном диким в Тамбовской губернии называли болотный ирис, имел он и название *касатик желтый*, *лепешник* за расплюснутый цветок в виде лепешки. У этого ириса цветки крупные без аромата, золотисто-желтые. Корневище обычно погружено в воду, а листья и цветоносы торчат над водой.

В народном сознании ирис болотный зачастую отождествляется с похожим растением — *аиром болотным*.

В Этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера аир болотный называется *косатиком*, *ирисом болотным*, а в Словаре русских народных говоров косатниками именуются ирис болотный и аир болотный. Таким образом, *косатиком* и *косатником* народ называл и ирис болотный (желтый касатик), и аир болотный.

Родина аира болотного — Япония, Китай, Индия. Листья его — светло-зеленые, линейно-мечевидные, длиной более метра, а побеги выходят из пазух чешуевидных листьев, расположенных на толстом корневище, которое имеет резкий характерный запах. Отсюда и народное определение к нему — *аир пахучий*. Упоминание о нем мы встречаем в произведениях русских писателей:

Кто веслом так ловко правит
Через аир и купырь?

А. К. Толстой. Алеша Попович

Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из поддапных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку...

Крылов. Лягушки, просящие Царя

Данные примеры показывают, что слово *аир* могло иметь ударение и на первом гласном. Этимологический словарь русского языка А. Преображенского фиксирует и усеченную форму от *аир* — *ир*.

Корневища некоторых видов ириса используются в медицине. Например, ирисы флорентийский, германский дают так называемый *фиалковый корень*, который употребляется в лекарствах от кашля, для ароматизации порошков, часто входит в состав зубных порошков и т. д.

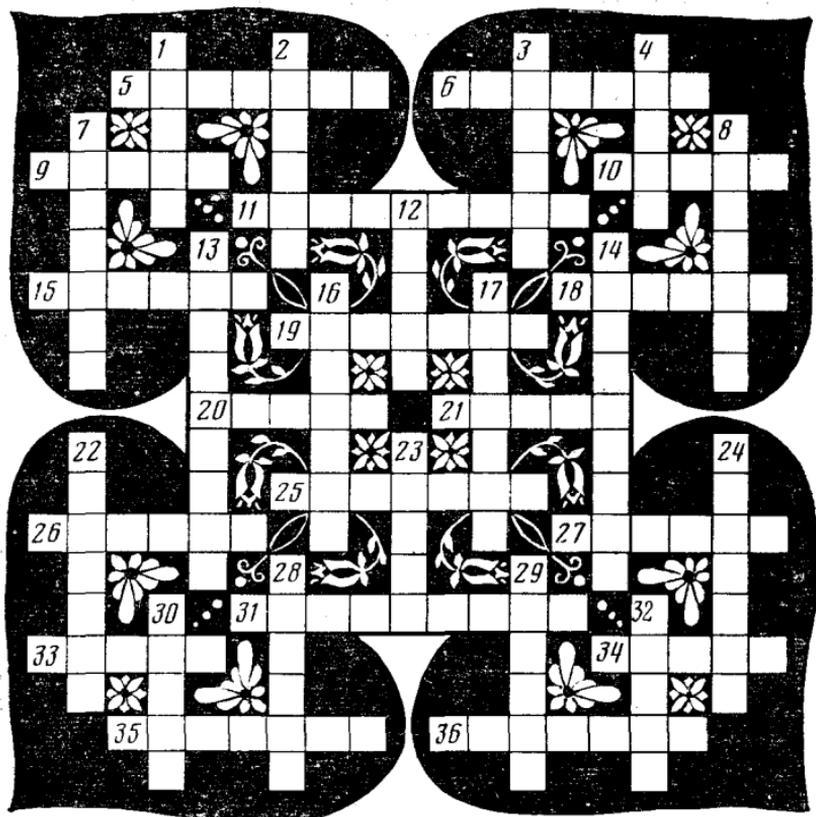
В. В. ЦОФФКА

Рисунок С. Гаприловой

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Новелла П. Мериме. 6. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 9. Друг А. С. Пушкина, которому он посвятил стихи «Воспоминание», «19 октября»

и др. 10. Чешский писатель, автор романа «Война с саламандрами». 11. Советский поэт, автор сборника «Синева». 15. Персонаж романа В. Каверина «Открытая книга», 18. Таджикский и персид-

ский поэт IX—X вв. 19. Кличка собаки из произведения И. С. Тургенева «Записки охотника». 20. Роман А. Дюма. 21. Русский композитор, автор симфонического произведения «Баба-Яга». 25. Рассказ А. П. Чехова. 26. Вид поэзии, выражающий чувства и переживания поэта. 27. Повесть Н. В. Гоголя. 31. Иносказание. 33. Стихотворение А. С. Пушкина. 34. Роман Г. Николаевой. 35. Пьеса Б. Шоу. 36. Один из выдающихся князей, прославленный в «Слове о полку Игореве».

По вертикали: 1. Простейшая составная часть сюжета. 2. Персонаж повести М. Горького «Фомин Гордеев». 3. Вступительная часть литературного произведения. 4. Революционер в пьесе М. Горького «Достигаев и другие». 7. Русский, советский поэт, ав-

тор поэмы «Рабочий день». 8. Гора, служившая, по древнегреческой мифологии, местопребыванием муз и Аполлона. 12. Персонаж русских народных сказок, обладающий тайной долгожизности. 13. В языкознании: учение о значении слов. 14. Русский писатель и политический деятель XII в. 16. Драма О. Уайльда. 17. Советский ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 22. Имя отца Татьяны и Ольги Лариных в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина. 23. Австрийский писатель, автор романа «Нетерпение сердца». 24. Поэма А. С. Пушкина. 28. Советский писатель, автор романа «Степан Разин». 29. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 30, 32. Стихотворения А. С. Пушкина.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ПОЧЕМУ ПОТ — ЦЫГАНСКИЙ?

Читатель Б. М. Бобков (Москва) интересуется выражением «цыганский пот (прошиб)», которое часто встречается в художественной литературе.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» сказано: «Цыганский пот (пробирает, прошибает, пронимает и т. п.). Озноб, дрожь от холода, ощущение холода».

Выражение *цыганский пот пронял (прошиб)* характеризует состояние сильно продрогшего человека: «Шинель на тебе мокрая, колом, аж пар идет, *цыганский пот пробирает...*» (Полевой. Мария). Вероятно, многим известно объяснение этого фразеологизма, которое дал исследователь русской фразеологии М. И. Михельсон: «Цыганский пот пронял (иноск. шутовое) — озяб (намек на дырявое рубище, в которое одевается бедствующий цыган, и на способ отогреваться в мороз барахтаньем до поту» (Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии).

Такая справка, к сожалению, не мотивирует еще одно значение выражения — характеристику сильно испугавшегося человека: «А Митька говорит: „Вон за милицией подвода ушла“. Ивана Африкановича *прошибло цыганским потом*, руки-ноги затряслись...» (Белов. Привычное дело). Заметим, что это значение отмечается у фразеологизма уже в XVIII веке, что указывается в «Материалах для фразеологического словаря русского языка XVIII века» М. Ф. Палевской.

Определение *цыганский* отмечается в составе еще некоторых устойчивых выражений также явно иронического, шутовского зву-

чания — *цыганским загаром* называют грязь на коже, *цыганским солнышком* народ называет луну. Так, в рассказе А. Якубовского «Земляника в снегу» читаем: «Выдалась чрезвычайно яркая ночь: луна горела нестерпимо... „Не зря ее народ зовет *цыганским солнышком*“, — сказал Иван Матвеевич...». Если сопоставить это сочетание с другими народными названиями луны — *бурлацкое, казачкое, казанское солнышко* (ср. название сборника волгоградского поэта Василия Макеева «Под казачьим солнышком»), можно выделить у эпитета *цыганский* значение «непостоящий». «Солнце почи — месяц гордый», — говорит В. Макеев в стихотворении «Летние приметы»; луна — спутник вольного казачества в набегах, бурлаков, цыган и казанских воров, известных в XIX веке своей дерзостью, — словом, луна — это второе солнце, только светящее холодным светом: ведь и по луне легко ориентироваться во времени и в пространстве.

Холодный пот — символ страха, тогда как пот, горячий пот, «прошибающий» человека — показатель того, что человеку жарко. Выражения *цыганский пот прошиб* и *холодный пот прошиб* — синонимы, но если определение *холодный* используется в прямом значении, то компонент *цыганский* — в символическом отрицательном значении — «непостоящий». Кроме того, в прошлом самые сильные морозы (рождественские и крещенские) называли *цыганской жарой* — наверное в связи с осмыслением шуточной поговорки *С Рождества цыган шубу продает*, намекающей на то, что *Новый год — к весне поворот*. В современном языке уже не восстанавливается весь этот набор оттенков значения у слова *цыганский*. «Непонятный» эпитет делает все выражение экзотичным, обеспечивает идиоматичность фразеологизма и в конечном счете — его шутивную окраску.

И. А. Подюков
Пермь

■ ВОЯЖ

Читательница Е. Евсеева из Ленинграда интересуется словом *воляж*: «Можно ли им пользоваться широко в обиходе? Спрашивают потому, что в быту его вообще не слышно, а в речи дикторов радио и телевидения оно употребляется только в сочетании *военный воляж*».

Руководством к правильному употреблению слова в различных типах речи служат словарные стилистические пометы. Посмотрим, как с этой точки зрения *воляж* характеризуется в современных сло-

варях русского языка. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова дает к нему пометы *шутливое* и *ироническое*. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» *вояж* помет не имеет, то есть считается общеупотребительным и лишенным экспрессивной окраски. Последние издания 4-томного «Словаря русского языка» АН СССР и словаря С. И. Ожегова определяют это слово как *устарелое*, а теперь, чаще *ироническое*.

Как видим, характеристики данного слова в разных словарях не одинаковы, но фактически они не вступают в противоречие, а дополняют друг друга. В самом деле, 17-томный Словарь в определенной степени ориентирован на словоупотребление XIX века, когда слово *вояж* было нейтральным и употреблялось в разных сферах речи, в том числе и в бытовом общении, обычно в жаргоне аристократии. При этом оно не получало иронической окраски. Это мы видим из приведенных в словаре иллюстраций: «[Доктор] советует ехать на воды за границу...— А ты? Желала бы ты [Елизавета Александровна] сделать этот *вояж*?» (Гончаров. Обыкновенная история, Эпизод); «Не советую предпринимать *вояж* ваш в Николаев, от жаров он будет вам несносен» (Н. Н. Раевский. Письмо А. Н. Самойлову, 24 июня 1811). Ср. также примеры, взятые у Ф. М. Достоевского: «Прибыв сюда и решившись теперь предпринять некоторый *вояж*, я пожелал сделать необходимые предварительные распоряжения».— «Ну, хорошо-с. Позвольте спросить, вы скоро в путешествие отправитесь? — В какое путешествие? — Ну да в „*вояж*“—то этот... Вы ведь сами сказали.— В *вояж*? Ах да!.. в самом деле, я вам говорил про *вояж*... Ну, это вопрос обширный... А если б знали вы, однако ж, об чем спрашиваете! — прибавил он [Свидригайлов] и вдруг громко и коротко рассмеялся.— Я, может быть, вместо *вояжа*-то женюсь; мне невесту сватают» (Достоевский. Преступление и наказание).

Примеры нейтрального употребления слова *вояж* в текстах повествовательного характера мы находим в 4-томном словаре: «Душу посещал и мелочный страх, когда я углублялся в подробный анализ предстоящего *вояжа*» (Гончаров. Фрегат «Паллада»); «В двадцать третьем году я был послан в дальний *вояж* на шлюпе „Отважном“» (Станюкович. Грозный адмирал).

В 10—40 годы XX века *вояж* выходит из широкого употребления. Не случайно поэтому это слово трактуется как устарелое в первом издании 4-томного словаря, а в первых нескольких изданиях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова отсутствует вовсе.

В настоящее время *вояж* входит вновь в речевой обиход. Активизируясь прежде всего в газетно-публицистическом стиле, в заметках и передачах о международной жизни, оно приобретает оценочную нагрузку. Это связано с тем, что постоянное обновление и

пополнение экспрессивных средств языка печати происходит разными путями, в том числе и за счет устаревших слов. При этом часть таких слов может попадать под действие выработанного в газетном стиле приема — сниженно иронического употребления высокой, книжной, а также архаической лексики. Тенденция к оценочности настолько действенна в этом стиле, что многие слова, преимущественно в нем встречающиеся, могут постепенно развиваться в своих значениях социально оценочные моменты. Так происходит и со словом *вояж*.

Какой же новый оттенок смысла, не зафиксированный еще словарями, получило сегодня это слово в прессе и публицистике? Обратимся к материалам печати. Сразу можно отметить, что передко в одной и той же заметке *вояж* встречается в синонимическом ряду со словами *поездка*, *визит*, *турне*, *паломничество* и т. д. При этом *вояж* (а также производное от него *вояжер*) обычно употребляется в той части сообщения, где раскрываются истинные, неблагоприятные планы политического деятеля, предпринявшего поездку, его цели и намерения, не совпадающие с официальной миссией, ср.: «Государственный секретарь США А. Хейг завершил поездку на Ближний Восток... Главной целью *вояжа* американского эmissара было заставить египетское руководство согласиться с американо-израильским вариантом так называемой „палестинской автономии“...» (Известия, 1982, 30 янв.); «Специальный представитель президента США Ф. Хабиб вновь побывал на Ближнем Востоке. В ходе поездки он посетил Ливан, Сирию, Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль. Официальной ее целью было укрепить отношения Вашингтона с рядом арабских стран, „разрядить обстановку на юге Ливана“... *Вояж* посланца Вашингтона прошел как раз на волне угроз Тель-Авива совершить новое вторжение в южные районы Ливана... В этой связи многие задают вопрос: а не служит ли *вояж* Хабиба всего лишь прикрытием для планов Тель-Авива?» (Правда, 1982, 18 марта); «Кроме Японии, оп [Уайнбергер] намерен посетить также Южную Корею и Филиппины. Обозреватели связывают его *вояж* с планами использовать эти три страны для развертывания крылатых ракет воздушного и морского базирования» (Правда, 1982, 29 марта).

Подобную негативную окрашенность *вояж* приобретает не только при описании внешнеполитических событий, но также отрицательных явлений нашей внутренней жизни.

Отрицательный оттенок у слова *вояж* возникает в материалах фельетонного характера, в рассказе о «третьем лице». А в очерке, когда автор повествует сам о себе, от первого лица, такой оттенок у него отсутствует, оно звучит совершенно нейтрально. Сравним два примера — из фельетона и из очерка: «...заместитель директора

института, кандидат технических наук Ф. Е. Хчепя совместно с кандидатом химических наук А. В. Арбатским отправились в зарубежный вояж» (Известия, 1964, 3 окт.); «Зарубежный вояж 1935 года стал памятным событием в моей жизни» (Лев Никулин. Зарубежный вояж).

Возможность современного нейтрального употребления слова *вояж* в его общем значении «поездка, путешествие» отражается и «Словарем синонимов русского языка» под ред. А. Евгеньевой, ср. пример: «Все мы чувствуем себя моряками. Впереди — увольнение на берег, обольстительный вояж по Балтийску» (Тартаковский, Мокрые паруса). В этом же словаре, кстати, приводится пример, когда *вояж* звучит в пепринужденной, обиходной речи, придавая высказыванию шутливую окрашенность: «Драгоценная Татьяна Викентьевна, в добром ли здравии вы совершили свой вояж из Двориков в наши пенаты? — шутливо спросила Сашенька» (Вирта. Вечерний звон).

Вояж может употребляться и в повседневной, бытовой речи. Это бывает тогда, когда рассказчик повествует о своих или чьих-то странствиях с юмором, подчас иронически. Возникновение такой окраски у этого слова иногда объясняется определенным контрастом, который может возникать между истинными масштабами путешествия и теми, которые предполагает само значение слова *вояж*. Дело в том, что это слово обладает некоторой спецификой смысла, которая не фиксируется словарями, но тем не менее ощущается довольно отчетливо и прослеживается в контекстах. Вояж — это обычно путешествие неблизкое, довольно длительное, иногда с посещением нескольких пунктов, ср. приводившиеся примеры — печальный «вояж» Свидригайлова в Америку, кругосветный вояж Гончарова на фрегате «Паллада», вояж Никулина по ряду стран Западной Европы и т. д. Поэтому применительно к поездке, скажем, от Орла до Курска или из города на дачу слово *вояж*, конечно, звучит шутливо.

Таким образом, в различных ситуациях языкового общения *вояж* может вести себя по-разному. В описаниях и путевых заметках оно может выступать как вполне нейтральный, оценочно никак не окрашенный синоним к словам «поездка, путешествие, странствие». Однако такое его употребление сейчас относительно редко.

И. Л. Резниченко

■ ПРЕДВИДЕТЬ

Е. Жаркий из Старобельска интересуется употреблением глагола *предвидеть* с точки зрения его отношения к категории вида.

В словарях русского языка *предвидеть* приводится как одновидовой глагол несовершенного вида. Однако, если взять в целом, такая грамматическая характеристика этого слова является неполной: *предвидеть* нередко используется и в значении совершенного вида, то есть функционирует отчасти как двувидовой глагол. Например:

«Дорогой обсуждали характер выступлений, кой-что старались *предвидеть, предугадать*» (Фурманов. Мятёж); «Старпом, человек дисциплины, помалкивал, посасывал свою трубку. Долг старпома — *предвидеть* и загодя *исправлять* все допускаемые капитаном ошибки» (Горчаков. Швартуйся, паренек!).

В каждом из приведенных примеров, как можно заметить, вид глагола *предвидеть* определяется видом соседнего, однородного с ним глагола (в первом случае — совершенный; во втором — несовершенный), что характерно как раз для употребления двувидовых глаголов. Сравните:

«Социальная определенность, диалектически цельное восприятие мира не мешают.., а помогают советским писателям *изображать* жизнь в революционном развитии, *поэтизировать* героизм, *не бояться* трагических противоречий, *создавать* крупные эпические обобщения («Тихий Дон» М. Шолохова), *пронизывать* произведения возвышенными идеями» (Литературная Россия, 1979, 16 февр.); «Часто в районе аварии не оказывается другого корабля или пролетающего мимо самолета. А они способны либо *помочь*, либо *транслировать* призыв о помощи на большую землю» (Литературная газета, 1982, 7 апр.).

С глаголом *предвидеть*, однако, может связываться не только функциональное, но и системное значение совершенного вида. Это подтверждается тем, что так же, как и глаголы совершенного вида, *предвидеть* образует прилагательное на *-имый*, имеющее значение возможности-невозможности: *исчислить* → *исчислимый* / *неисчислимый*; *предвидеть* → *предвидимый* / *непредвидимый*. Например:

«Разговор наш обращался к проектам, из которых ни один не осуществился, как и большая часть таких проектов, не принимающих в соображение случайностей и *непредвидимых* [таких, которые невозможно предвидеть] помех» (П. Анненков. Литературные воспоминания); «Учителя, ходящие по билетам, опаздывающие по *непредвидимым* причинам и уходящие слишком рано по обстоятельствам, не зависящим от их воли, строят немцу куры, и он при всей безграмотности начинает себя считать ученым» (Герцен. Бы-

лое и думы); «Я увидел информатизированный, *предвидимый* [такой, который можно предвидеть, предугадать] футбол. А футболист должен изобретать игру, а не рассказывать ее» (Футбол-Хоккей, 1980, 24 авг.).

В форме настоящего и прошедшего времени, прошедшего действительного причастия и деепричастия глагол *предвидеть* употребляется исключительно или в подавляющем большинстве случаев в значении несовершенного вида. Такими формами, однако, выражается не процессное, а результативно-длительное значение — состояние предвкушения, предугадывания чего-либо: наступления события, изменения ситуации, изменений в соотношении ее факторов и т. п. Сравните примеры:

«Статья, помещенная по этому же случаю в „Северной пчеле“, казалось, была писана человеком, в отчаянии *предвидевшим* свою конечную гибель» (Гоголь. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году); «*Предвидя* вечную разлуку, Боюсь я сердцу волю дать; Боюсь предательскому звуку Мечту напрасную верить...» (Лермонтов. Графиня Ростопчиной); «Наука только тогда может считаться современной, когда она отвечает назревшей необходимости народного хозяйства и культуры, *предвидит* их насущные нужды и заранее находит необходимые решения» (Приходько. Пути в науку); «Полная безлюдность и глушь мне очень понравились, и, приглядываясь к местности, я радостно *предвидел* успешную охоту» (Соколов-Микитов. Березовый сок).

Значение совершенного вида глаголом *предвидеть* чаще всего выражается в форме инфинитива и личной форме прошедшего времени. В подобном употреблении названные формы указывают на достигнутый или предполагаемый результат:

«Но Молчалин уже *предвидел* [ср. *предугадал*] этот осмотр и успел наскоро... потушить всю небольшую сумму искр, которыми он обладал...» (Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности); «Да, Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, а с нею почет и известность нашли его здесь, в Каракумах. Но можно ли было это *предвидеть* [ср. *предугадать*]?» (Известия, 1982, 21 апр.); «...любая идея влияния на климат должна рассматриваться с величайшей осторожностью. Ибо невозможно *предвидеть* [ср. *предугадать*] абсолютно все последствия такого вмешательства» (Вечерний Донецк, 1983, 10 февр.).

В форме прошедшего страдательного причастия (с отрицанием и без отрицания) выражается как результативно-длительное (чисто прошедшее), так и результативное (чисто совершенное) значение. Нередко эти значения в названной форме разграничиваются с трудом, вследствие чего наблюдается как бы конкуренция видового и временного значений:

«Не предавайтесь особой унылости: Случай *предвиденный* [который предсказали / предсказывали], чуть не желательный» (Некрасов. На смерть Шевченко); «Огорченный и испуганный, он возвратился домой... и отравился. Конец, им давно *предвиденный* [который он давно предположил / предполагал] и который он сам себе напороочил!» (Пушкин. Александр Радищев); «Иногда случались издержки *непредвиденные*...» (Белинский. Из письма Г. Н. и М. И. Белинским от 2 октября 1829 г.); «Поистине покалывающий удар, явно *не предвиденный* противником [который явно не предугадал противник] чемпиона мира» (Правда, 1981, 8 окт.); «В рассуждениях моих собеседников сказались и настроения растерянности... Растерянности перед *непредвиденной* [которую они не предугадали / не предугадывали] сложностью социальных проблем...» (Литературная газета, 1982, 7 апр.).

В литературе по русскому глаголу не относятся к двувидовым, но характеризуются как испытывающие сдвиг в сторону совершенного вида такие глаголы, как *ночевать, лидировать, регулировать, способствовать, формировать, бальзамировать, рушить(ся), межевать, содействовать* и другие. К этой группе, по-видимому, может быть отнесен и глагол *предвидеть*.

Н. А. Луценко

■ ВАСЬ, ТАНЬ, НАДЬ (Сокращенные формы личных имен)

Ю. А. Дьякова (Горький) интересуется произношением собственных имен.

Произношение имен и имен в сочетании с отчествами имеет некоторые особенности. Обращаясь к близкому другу или к члену семьи и называя его по имени — полному или сокращенному, — мы обычно произносим его имя по правилам литературного русского языка: *Ирина, садись к столу. Надя, ты купила билеты в кино? Витя, возьми газету из почтового ящика*. Иногда в торопливой или небрежной разговорной речи мужские и женские имена, оканчивающиеся на *-а* или *-я*, теряют конечный гласный и произносятся с согласным на конце: *Ирин, ну что ты так быстро идешь? Надь, помоги мне перевести этот текст. Вить, отойди-ка в сторону. Андрюш, займись-ка ты делом! Юр, пойдем гулять*.

Писатели нередко используют такую форму обращения, когда хотят придать языку своего персонажа просторечный характер или передают взволнованную торопливую речь. Вот отрывок из рассказа Н. Короткова «Пропажа» (Наш современник, 1983, № 1), где отражено это явление: «Поля стояла рядом с ней. И не просто

стояла. Теперь она уткнулась в изгородь, а Нюра, взяв ее за плечи, успокаивала подругу... Скоро они обе вошли в дом.

— Прости, Нюр, прости,— говорила Поля.— Сама, дура, не помню, что говорила. Прости, Нюрушка! — Поля как-то странно засмеялась: легко и в то же время сквозь слезы.— И вот что, Нюр. Я тебе в погребке отказывала. Приходи, не стесняйся! Андрей починит его — мы тебе половину отгородим. Картошку, капусту — все ставь!..»

Есть еще одна особенность в произношении собственных имен. В разговорном варианте имена с ласкательными безударными суффиксами *-очк*, *-ечк* (*Левочка, Шурочка, Ирочка, Лемочка, Сонечка, Валечка, Колечка*) утрачивают гласный суффикса и произносятся как *Левчка, Шурчка, Ирчка, Ленчка, Соньчка, Вальчка, Кольчка*. Теряют гласный и другие ласкательные безударные суффиксы, например, *-еньк*, *-оньк*: нишем *Сашенька, Васенька, Алешенька, Любонька, Веронька*, а звучать в разговорной речи эти имена могут как *Сашинька, Васинька, Алешинька, Любинька, Веринька*.

Теперь расскажем о полных именах, употребляющихся вместе с отчествами.

Женские имена, которые оканчиваются на безударные *-ия* (*Лидия, Агния, Виктория, Юлия, Валерия, Наталия*), в разговорной речи часто произносятся с сильной редуциацией падежных окончаний. Например, пишется *Лидия Федоровна, Лидию Федоровну, с Лидией Федоровной*, а произносится *Лиди Федоровна, Лиди Федоровну, с Лиди Федоровной*.

Имена, которые в правописании имеют окончание *-ья* (*Софья, Дарья, Анисья, Лукерья, Меланья*), при изменении по падежам в разговорной речи теряют йотовый элемент окончания, а последний гласный сильно редуцируется: звонил по телефону *Софи Петровне*, разговаривал с *Софи Петровной*, встретил *Софи Петровну*.

Мужские имена в сочетании с отчеством также имеют некоторые произносительные особенности.

Обычно не изменяются по падежам в разговорной речи мужские имена с окончанием на согласный (*Виктор, Иван, Федор*) или на *-й* (*Алексей, Геннадий, Аркадий*). В сочетании с отчеством их часто произносят следующим образом: с *Иван Степановичем, у Виктор Николаевича, Аркади Алексеевичу, за Максим Максимовичем*.

Если же в именах ударение падает на падежные окончания, то эти окончания произносятся без изменения: *Льву Петровичу, у Петра Ивановича, Кузьме Антоновичу, о Луке Степановиче*.

В русском языке есть несколько мужских имен, которые в сочетании с отчеством довольно значительно изменяют свое звучание. Например: без отчества — *Павел*, а с отчеством — *Пал Георгиевич, Михаил*, но *Михал Потапович, Александр*, но *Алексан Тарасович*. Имя *Александр* с отчеством *Александрович* в бытовой речи перед-

ко сильно редуцируется и произносится как *Сан Саныч*. Такую форму этого имени и отчества приводит писатель Г. Немченко в повести «Проникающее ранение» (Наш современник, 1983, № 2): «Когда он поправил рамы, стал искать веник, чтобы подмести. Я запротестовал: да ну, мол, Сан Саныч,— сам не справлюсь? На что другое, а на это, мол, ума хватит».

А вот интересная авторская находка В. В. Маяковского: имя *Владимир* с отчеством произносится, как правило, без каких бы то ни было изменений. Однако поэт в стихотворении «Юбилейное» дает явно стилизованный разговорный вариант: *Владим Владимыч*:

Айда, Маяковский!

Маячь на юг!

Сердце

рифмами вымучь —

вот

и любви пришел каток,

дорогой Владим Владимыч.

Л. Н. Кузнецова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Одинаковое ли значение слов *опробовать* и *апробировать*?»

С. К. Зуева, Орехово-Зуево

Опробовать — подвергнуть испытанию до применения.

Например: *опробовать* новый механизм.

Апробировать — давать официальное одобрение чему-либо.

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 5. «Коломба». 6. Миронов. 9. Пущин. 10. Чапек. 11. Винокуров. 15. Андрей. 18. Рудаки. 19. Валетка. 20. «Набоб». 21. Лядов. 25. «Детвора». 26. Лирика. 27. «Шинель». 31. Аллегория. 33. «Вишня». 34. «Жатва». 35. «Кандида». 36. Ярослав. По вертикали: 1. Мотив,

2. Смолен. 3. Пролог. 4. Донат. 7. Луконин. 8. Геликон. 12. Кошей. 13. Семантика. 14. Туровский. 16. «Саломея». 17. «Октябрь». 22. Дмитрий. 23. Цвейг. 24. «Полтава». 28. Злобин. 29. «Листок». 30. «Анчар». 32. «Кавак».

Правильно ли мы говорим?

Ответы. См. с. 69

Ляг — *лягте* (от *лечь*), *лежи* — *лежите* (от *лежать*).

Продвиньтесь, пройдите (пожалуйста) вперед.

Не *толпите* (пожалуйста) в середине.

Повесь или *положи*.

Пиджак — часть мужского костюма; *жакет* — короткая, преимущественно женская, одежда (здесь: *жакет*).

Повернись спиной.

Застегивать — *застегиваю* — *застёгивай*; *застегнуть* — *застегну* — *застегни*.

Кружева́ (род. падеж — *кру́жево*) и *кру́жево* (род. падеж — *кру́жева*, собирательное значение); *кружа́вчики* — разговорная форма.

Пуло́вер — трикотажная фуфайка без воротника и застежек, из английского *pull over* «тяни вверх».

Обувнбй.

Ту́фля — *ту́фли* (род. падеж ед. числа), *ту́фли* (им. падеж множ. числа) — *ту́фель* (род. падеж множ. числа).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ,
П. П. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ
(главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора),
Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ
(зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Н. И. ТОЛСТОЙ

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев, М. В. Рыбина*

Сдано в набор 13.02.84	Подписано к печати 06.04.84	Т-02364
Формат бумаги 84×108 ¹ / ₁₆	Печать высокая.	Усл. печ. л. 8,4
Усл. кр.-отт. 642,6 тыс.	Уч.-изд. л. 10,0	Бум. л. 2,5
	Заказ 3680	Тираж 74 635

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/12. Телефон: 202-65-25

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10